НЕ КОПИРОВАТЬ
А-1199

А. А. ОЗНОБИШИНЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

ЧЛЕНА IV-Й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

ПАРИЖЪ

1927

А. А. ОЗНОБИШИНЪ

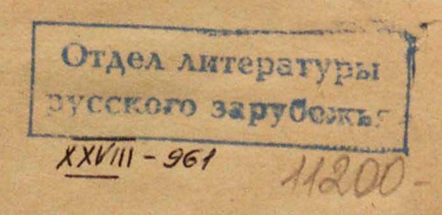
ВОСПОМИНАНІЯ

ЧЛЕНА IV-й ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

СКЛАДЪ И ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. СІЯЛЬСКОЙ

ПАРИЖЪ

1927.



Gedruckt von Gebr. Hirschbaum, Berlin O. 27.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

«Вся вспоминается жизнь предо мною,
Такъ безплодно въ мечтахъ прожитая».

Апухтинъ.

«Растетъ цвѣточекъ аленькій
Надъ самою рѣкой
И хочетъ мальчикъ маленькій
Сорвать его рукой».

Дѣтская пѣснь.

Я родился въ 1869 году. Началъ себя помнить десятилѣтнимъ мальчикомъ, живущимъ съ родителями въ имѣніи Мосты, Гродненскаго уѣзда, въ старомъ домѣ, построенномъ на правомъ, высокомъ берегу рѣки Нѣмана. По преданію, въ домѣ переночевала королева Бона, а въ погребѣ была тайно погребена одна изъ прежнихъ владѣлицъ имѣнія Мосты пани Киркиллова. Никакихъ признаковъ этихъ событій мною обнаружено не было, если не считать всяческаго уклоненія прислуги посѣщать погребъ послѣ захода солнца.

Длинный, одноэтажный домъ состоялъ изъ шестнадцати комнатъ; почти всѣ проходныя, съ огромными кафельными печами, двумя балконами, откуда открывался чудный видъ на Нѣманъ: вдали луга, покрытые типичными для Бѣлоруссіи рѣдкими, корявыми, старыми дубами; напротивъ — мѣстечко Мосты, расположенное по обоимъ берегамъ Нѣмана, направо паромъ, налѣво деревянный старый костелъ, двѣ синагоги, одна на лѣвомъ берегу, другая на правомъ въ концѣ нашего сада, куда выходила заднею стѣною.

Помню, когда отецъ далъ землю и разрѣшилъ ее строить, то мѣстные евреи устроили торжественное его чествованіе и благодареніе.

Семья наша состояла, кромѣ родителей и меня, изъ тетки — сестры матери и брата Александра, который на три года былъ старше меня. Потомъ родились два меньшіе брата Леонидъ и Юрій. Отецъ и мать были коренные Тамбовскіе потомственные дворяне, записанные въ бархатную книгу.

Вся родня наша жила по большей части въ Тамбовѣ и Тамбовской губерніи. Однако уже отецъ перечислился въ дворяне Гродненской губерніи, купивъ въ 1871 году отъ княгини Урусовой имѣніе Мосты, а мнѣ пришлось быть впослѣдствіе Гродненскимъ предводителемъ дворянства.

Смутно помню время Турецкой войны и разговоры о башибузукахъ и ихъ звѣрствахъ; восторженное обсужденіе словъ манифеста Импе-

ратора Александра II: «повелѣваемъ войскамъ нашимъ вступить въ предѣлы Турціи»; только и слышалось: «въ Туретчину пойдемъ, бить турка будемъ, Царь приказалъ».

Отчетливо помню, какъ засталъ отца, стоящаго подъ лампою въ кабинетѣ и вслухъ читающаго матери газету, обрамленную черною каймою, извѣщающую объ убійствѣ 1 Марта 1881 г., Царя Освободителя. Дочитавъ до словъ смертельно искалѣченнаго Императора: «скорѣй во дворецъ, тамъ умереть», отецъ выронилъ газету изъ рукъ, упалъ въ кресло и слезы покатились у него изъ глазъ. Я бросился къ нему, сталъ утѣшать, не могъ понять какъ, кто и за что убилъ такого добраго Царя, который народъ освободилъ. На мои приставанія отецъ сказалъ: «оставь меня Алеша, ты это поймешь, когда выростешь». Огорченный, я ушелъ въ садъ и рѣшилъ, что царь долженъ быть страшнымъ и грознымъ, чтобы разбойники боялись его и не могли убить.

Семья наша жила дружно; я былъ любимчикомъ всѣхъ и въ свою очередь безумно любилъ брата и боготворилъ отца. Въ перепискѣ съ родными всегда употреблялись самыя нѣжныя обращенія: «безцѣнный другъ Катенька», «безцѣнный другъ Сашенька».

Моя мать и тетка Екатерина Александровна часто между собою ссорились по самымъ ничтожнымъ поводамъ, но буквально не могли обходиться одна безъ другой и при самой краткой разлукѣ ежедневно писали другъ другу длинныя,

нѣжныя письма. Думаю, ссорились, чтобы вкусить прелести скораго примиренія. Отецъ былъ очень добръ; его всѣ любили и авторитетъ его былъ великъ, особенно, когда онъ сдѣлался мировымъ судьею, каковую должность исполнялъ въ Мостахъ много лѣтъ, до самой смерти въ 1893 г.

Послѣ его смерти, на эту должность былъ назначенъ мой братъ Александръ, всю жизнь свою безвыѣздно прожившій въ Мостахъ и погибшій при нашествіи на Варшаву въ 1920 году большевиковъ, уведшихъ его съ собою въ Москву.

Между барскимъ домомъ и мѣстечкомъ былъ фруктовый садъ, въ немъ много громадныхъ, старыхъ грушевыхъ деревъ; среди нихъ знаменитая, нынѣ исчезнувшая, «Сапѣжанка», еще «Бураковка», красная, какъ буракъ и «Смолярка», съ запахомъ смолы. Почва была песчаная и потому всѣ усилія отца завести болѣе современные сорта грушъ и яблокъ были неудачны, за то деревья вышеназванныхъ сортовъ были исполинскія. Помню, какъ съ одной такой «Смолярки» братъ Саша свалился и лишился чувствъ. Странный былъ звукъ отъ удара его тѣла о землю. Когда его несли домой онъ все стоналъ: «ой спина, спина». Я горько рыдалъ. Съ мѣсяцъ ему пришлось пролежать; на всю жизнь остался, какъ бы слегка согнутымъ въ плечѣ.

Любимымъ занятіемъ моимъ и брата было уженье рыбы, а впослѣдствіе также чрезвычайно

поэтичное ночное «лученье» рыбы съ лодки острогою, при свѣтѣ огня, катанье въ лодкѣ, хожденье въ лѣсъ за грибами или ягодами, сооруженіе закрытыхъ бесѣдокъ изъ ольховыхъ вѣтвей, копанье грота и добываніе «золотого песку» въ отвѣсномъ берегу Нѣмана; зимою — сооруженіе снѣговыхъ бабъ, катанье съ горъ, игра въ снѣжки, бѣганье на конькахъ. Впослѣдствіе и на всю жизнь мы оба сдѣлались страстными ружейными охотниками, съ лягавою собакою. У меня былъ даже питомникъ кофейно и желтопѣгихъ англійскихъ пойнтеровъ, которыхъ я самъ натаскивалъ и дрессировалъ, согласно правиламъ высшей англійской школы, существо коей сводится къ тому, что собака должна управляться и повиноваться движенію руки охотника; при поднятіи руки и словѣ **„down“** собака должна немедленно ложиться, гдѣ бы она ни находилась; при быстромъ опусканіи руки къ ногѣ — собака должна являться къ ногамъ охотника; англійское слово **„down„** можно замѣнять болѣе протяжнымъ французскимъ словомъ **„couche“**; выборъ команднаго слова зависитъ отъ вкуса охотника. Будучи уже членомъ IV Государственной Думы, я былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя охотничьей комиссіи; должность предсѣдателя занималъ ранѣе, до своей смерти, незабвенный охотникъ, Тверской Губернскій Предводитель Дворянства Александръ Степановичъ Паскинъ. Я его замѣнилъ. Не всѣмъ, въ особенности заграницею, извѣстно какъ велико и цѣнно охотничье хозяйство въ

Россіи; какъ сложно оно и какъ нуждается въ правильномъ управленіи и охранѣ; цѣлыя области, особенно въ Сибири, только и существуютъ охотничьимъ промысломъ — вся эта драгоцѣнная пушнина, панты, рябчики — даютъ вѣрный и богатый заработокъ милліонамъ людей. Во Франціи даже кролики и жаворонки считаются дичью, являющейся объектомъ охоты. Въ Германіи можно увидѣть въ мясныхъ лавкахъ воронъ и галокъ, продающихся рядомъ съ другою дичью. Пять лѣтъ я работалъ въ Думѣ надъ разработкою новаго закона объ охотѣ. Проектъ закона былъ выработанъ, внесенъ въ общее собраніе Думы, даже поставленъ на повѣстку засѣданія Думы. Увы! измѣнническій бунтъ 1917 г. смелъ и этотъ полезный законопроектъ. Теперь извѣстно изъ газетъ, что во многихъ мѣстахъ Россіи стаи волковъ и медвѣди бродятъ тамъ, гдѣ ихъ прежде не видали и не слыхали...

Въ нашихъ развлеченіяхъ и играхъ часто принимала участіе сестра кучера Матвѣя — Ануля, которая также какъ и мы лазила на деревья, рубила ольховыя вѣтви, копала гротъ и всегда предпочитала компанію мальчиковъ компаніи дѣвочекъ. Потомъ она вышла замужъ, имѣла шесть человѣкъ дѣтей, которыхъ всѣхъ сама выкормила и была нѣжною и образцовою матерью.

По вечерамъ мы играли въ разныя игры, въ которыхъ участвовала также женская прислуга, до старой няньки Марфы включительно, а иногда также учительница Мостовскаго Народнаго Учи-

лица Ольга Александровна. У нея была горбатая сестра Елизавета Александровна, обладавшая очень не дурнымъ голосомъ. Она часто пѣла, отецъ ей аккомпанировалъ. Однажды я съигралъ съ нею скверную, злую шутку, выдернувъ изъ подъ нея стулъ въ тотъ моментъ, когда она уже опускалась на него, чтобы сѣсть. Бѣдняжка упала навзничь на горбъ, который былъ посрединѣ спины, и не могла сама встать. Мнѣ до сихъ поръ стыдно вспомнить объ этомъ дурномъ, необъяснимомъ поступкѣ, тѣмъ болѣе странномъ, что я ее любилъ и она была очень добра.

Послѣднею Мостовскою народною учительницею, предъ включенiемъ Гродненской губернiи въ составъ Польскаго государства, была Наталья Викторовна Паевская. Это была безграничной доброты женщина, любившая свое дѣло и своихъ учениковъ и взаимно любимая учениками. Съ виду она была безобразна — очень хромая, съ большимъ зобомъ подъ шеей, въ очкахъ и съ такимъ скрипучимъ, сдавленнымъ голосомъ, что острякъ Земскiй Начальникъ Семеновъ прозвалъ ее «хриплый фаготъ». Вся наша семья ее очень любила и въ нашемъ домѣ она была принята, какъ родная. Паевская очень хорошо поставила въ училищѣ чтенiе съ туманными картинами. Зданiе училища не могло вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать при чтенiи. Пришлось перенести чтенiе въ зданiе Волостного Правленiя. Тутъ въ числѣ присутствовавшихъ бывало все волостное начальство, во главѣ съ волостнымъ

старшиною Василіемъ Касперовичемъ, который съ большимъ интересомъ слѣдилъ за чтеніемъ и также за соблюденіемъ тишины. Въ интересахъ поддержанія таковой онъ часто во время чтенія восклицалъ: «тишина!», на что ученики, пользуясь темнотою, дразня его, отвѣчали въ рифму: «старшина». Касперовичъ сердился, но въ темнотѣ виновнаго обнаружить было невозможно.

Играли въ фанты: «барыня послала на базаръ, дала сто рублей, что хотите, то купите, да иль нѣтъ не говорите, чернаго и бѣлаго не покупайте»; играли въ жмурки, въ кольцо, въ индѣйки, въ колдуны, въ «пошелъ рубликъ». Часто пѣли пѣсни. Отецъ, который былъ прекрасный піанистъ, садился за рояль, раскладывалъ одинъ изъ многихъ сборниковъ дѣтскихъ пѣсенъ; мы становились сзади него и пѣли хоромъ, подъ его аккомпаниментъ; пѣли скверно, ибо ни у меня, ни у брата голоса не было, но всѣмъ было весело и мотивъ многихъ пѣсенъ, равно какъ слова, навсегда врѣзались въ память, напримѣръ:

«Посрединѣ двора
Ледяная гора
        Возвышается.
И народъ молодой
На горѣ ледяной
        Потѣшается.
Всѣ хохочатъ, шумятъ,
Маша съ братомъ сидятъ,
        Ухмыляются.
И летятъ словно пухъ
И у Машеньки духъ
        Занимается».

Или:
«Птичка подъ моимъ окошкомъ гнѣздышко
для дѣтокъ вьетъ,
Цѣлый день она хлопочетъ, но и цѣлый день поетъ...»
Или:

«Дѣти въ школу собирайтесь,
Пѣтушекъ пропѣлъ давно,
Попроворнѣй одѣвайтесь —
Смотритъ солнышко въ окно...»

И много, много другихъ . Кончали пѣть обыкновенно такъ:

«Наступаетъ время сна,
Умолкаетъ птичекъ пѣнье,
Всюду миръ и тишина,
Какъ прекрасно все творенье».

Какъ хорошо, какъ спокойно спалось тогда!

Счастливъ сказать, что никогда наемныхъ учителей не имѣлъ; занимался со мною отецъ, иногда мать и братъ. Благодаря хорошей памяти и особой способности къ языкамъ, ученье мнѣ давалось легко.

Сосѣдей у насъ было сравнительно мало, большинство поляки. Родители были дружны съ очень милою семьею родовитыхъ поляковъ Бутовтъ-Андржейковичей, жившихъ въ пяти верстахъ отъ Мостовъ, въ имѣнiи Старжинки; вдова, сѣдая красавица Клотильда и четыре взрослыхъ, некрасивыхъ дочери; онѣ послѣднее время очень нуждались, часто прiѣзжали къ намъ гостить, оставались по долгу и считались какъ бы родными. Имѣнiе было не плохое, но онѣ не умѣли хозяйничать и скоро попали въ руки къ еврею пахтору Янкелю, который ихъ опуталъ долгами.

Изъ русскихъ сосѣдей упомяну о Василіи Василіевичѣ Ярошенкѣ, мировомъ посредникѣ, жившемъ въ имѣніи Войткевичи, въ Волковыскомъ уѣздѣ. У него была визитная карточка, смыслъ которой для меня тогда былъ непонятенъ, она гласила: «Василій Василіевичъ Ярошенко. Русскій Землевладѣлецъ въ Сѣверо - Западномъ Краѣ». У Ярошенки была многочисленная семья и мы иногда ѣздили въ Войткевичи; танцовали тамъ, катались верхомъ и вообще весело проводили время. Тамъ же я познакомился съ человѣкомъ, обладавшимъ добрымъ, чуткимъ сердцемъ, но зато незвучною фамиліею Балвановича. Яковъ Александровичъ Балвановичъ былъ директоромъ Виленской классической гимназіи и состоялъ въ отдаленномъ родствѣ съ Ярошенкою, сынъ коего Владиміръ уже учился въ этой гимназіи, вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ Александромъ. Балвановичъ склонилъ моего отца отдать меня также въ эту гимназію. Приласкалъ меня, пошутилъ со мною, далъ успокоиться моему волненію и тутъ же сдѣлалъ мнѣ пробный экзаменъ въ такой мягкой формѣ, что я напрягалъ всю мою память, чтобы только хорошо отвѣтить. Добрый старикъ остался доволенъ моими отвѣтами и сказалъ, что меня приметъ сразу во второй классъ. Это рѣшило мою судьбу и я, вмѣсто близкой Гродненской гимназіи, попалъ въ Виленскую гимназію.

Въ тѣ времена городъ Вильна писался чрезъ «а» на концѣ и считался въ прошломъ безспор-

ною столицею бывшаго великаго княжества Литовскаго, о чемъ явно свидѣтельствовала старинная языческая башня, на которой прежде горѣлъ священный огонь Знича. Долженъ по совѣсти оговориться, что за всю мою жизнь услышалъ впервые литовскую рѣчь ни въ Вильнѣ, ни въ Гроднѣ, а въ Лондонѣ, въ 1916 году, среди обнаруженной тамъ многочисленной литовской колоніи. Намъ, делегатамъ отъ Государственной Думы, демонстрировалъ ее членъ той же Думы отъ Ковенской губерніи Мартинъ Мартиновичъ Ичасъ.

Въ Вильнѣ находятся двѣ великія святыни: мощи Святыхъ Виленскихъ Великомучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, покоящіяся въ церкви Свято-Духова Монастыря и Остробрамская икона Божьей Матери. Въ дни экзаменовъ я по утрамъ часто посѣщалъ Свято-Духовъ монастырь, молился у раки святыхъ и прикладывался къ мощамъ.

Кромѣ классической гимназіи, въ Вильнѣ было реальное училище. Мы, гимназисты, считали гимназію во всѣхъ отношеніяхъ выше и лучше, реалисты, наоборотъ, презирали насъ, называли «синею говядиною» и сложили четверостишіе:

«Несчастное твореніе
Гимназіи ученикъ —
Все твое имѣніе
Синій воротникъ».

Извѣстно, что гимназисты носили синій, однобортный мундиръ, съ бѣлыми металлическими

пуговицами и высокимъ воротникомъ съ серебрянымъ узкимъ галуномъ. Реалисты носили такой же мундиръ, но чернаго сукна, съ желтыми пуговицами и желтымъ галуномъ. Головной уборъ состоялъ изъ неуклюжей кэпи, австрійскаго военнаго образца. Къ счастью вскорѣ мундиръ былъ замѣненъ черною или темно-сѣрою суконною рубашкою, а кэпи болѣе удобною фуражкою съ козырькомъ и вензелемъ В. Г. На ременномъ поясѣ была металлическая пряжка съ надписью Виленская классическая гимназія. Ношеніе на спинѣ ранца, со всѣми ученическими принадлежностями, было обязательно. За нѣсколько минутъ до начала уроковъ, мы собирались на лѣстницѣ у закрытыхъ стеклянныхъ дверей, ведущихъ въ корридоръ; становились поклассно и по два на каждой ступенькѣ; ровно въ половинѣ девятаго гимназическій сторожъ Викторъ, большой грузный старикъ съ краснымъ носомъ, одѣтый тоже въ синій мундиръ, но только двубортный и безъ галуна на воротникѣ, давалъ огромнымъ звонкомъ первый звонокъ; двери въ корридоръ отворялись и мы попарно дефилировали предъ инспекторомъ Карпинскимъ, который насъ сурово оглядывалъ съ ногъ до головы и если у кого находилъ непорядокъ въ одеждѣ или ранцѣ — тому приказывалъ: «останьтесь послѣ уроковъ».

Мы шумно распредѣлялись по классамъ и поступали въ вѣдѣніе классныхъ надзирателей. Всѣхъ классовъ было восемь, при чемъ нѣсколько

параллельныхъ классовъ, а надзирателей было трое: Бурхардтъ, Куропаткинъ и Щегловъ. Имъ приходилось неустанно бѣгать изъ класса въ классъ, усмирять насъ, устанавливать тишину: «садитесь по мѣстамъ, второй звонокъ». Они были добрые люди, но не понимали дѣтской души, были сухи и не умѣли себя поставить. Мы ихъ побаивались, но не любили. Однажды въ классѣ я хлопнулъ партою и закричалъ: «господа, я подстрѣлилъ куропатку»! Куропаткинъ посадилъ меня за это на три часа въ карцеръ. Послѣ третьяго звонка являлся въ классъ учитель.

Мое разочарованіе въ учителяхъ было велико. Я представлялъ ихъ себѣ такими же добрыми, какъ и директоръ. Его всѣ любили. Когда онъ въ синемъ форменномъ фракѣ, со звѣздою на груди и журналомъ подъ мышкой, высоко поднявъ голову, съ сѣдыми бакенами на щекахъ, бритымъ подбородкомъ, большимъ прямымъ носомъ, строгими, но добрыми глазами, важно шагалъ по корридору, — мы старались попасться ему на глаза, привѣтствовать поклономъ и были счастливы если онъ насъ замѣчалъ и съ улыбкою отвѣчалъ на поклонъ. Онъ преподавалъ греческій языкъ и мы любили эти уроки; онъ умѣлъ насъ заинтересовать. Терпѣніе его было безгранично. Когда вмѣсто требуемой Греціи, я указалъ на картѣ Турцію, то онъ не разсердился, сошелъ съ кафедры, подошелъ ко мнѣ, ласково потрепалъ по плечу и самъ показалъ Грецію. Когда же на урокѣ географіи учитель Спасскій предло-

2

жилъ мнѣ начертить на доскѣ Африку и я сіе исполнилъ не совсѣмъ удачно, то онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «дѣлалъ дядя, не зная на кого глядя, это рѣпка какая то, а не Африка, стыдно, садитесь» и махнулъ рукою. Классъ разразился хохотомъ, я же, сконфуженный до слезъ, не зналъ какъ добраться до своей скамьи.

Очень любилъ крѣпкія слова и учитель математики Василій Семеновичъ Фохтъ; высокій, красивый, молодой брюнетъ, съ матовымъ цвѣтомъ лица, свѣтло-голубыми глазами и окладистою черною бородою. Въ математикѣ я всегда былъ не силенъ, а при его грубомъ обращеніи я и совсѣмъ терялся. «Стукнитесь головою о доску», или «пятками думаете», было его излюбленное выраженіе недовольства. А между тѣмъ, изъ старшихъ классовъ былъ слухъ, что Фохтъ не могъ доказать въ классѣ теорему, спутался, долго стоялъ у доски спиною къ классу и наконецъ стеръ губкою все написанное, отложивъ задачу до завтра.

Хотя въ гимназіи преподавались оба новые языка — французскій и нѣмецкій, но обязательнымъ было изученіе одного изъ нихъ; я изучалъ оба. Добромъ помяну учителя французскаго языка Фальконье. Онъ полюбилъ меня на первомъ же урокѣ, когда на его вопросъ опредѣлить, что такое грамматика, я съ мѣста бойко отвѣтилъ: „la grammaire est l'art de lire et écrire correctement en français". Мои «богатыя» познанія, равно какъ и произношеніе его такъ поразили, что онъ

при гробовомъ молчаніи класса подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ меня. Послѣ этого мы сдѣлались друзьями. Онъ иногда приглашалъ меня пить чай. По его совѣту я всегда ходилъ стричься въ французскую парикмахерскую, на вывѣскѣ коей значилось по русски: «Обри. Парикмахеръ изъ Парижа», а внизу по французски стояло: „Aubry“. Фальконье увѣрялъ, что французскіе парикмахеры лучшіе въ мірѣ. Тогда я ему слѣпо вѣрилъ и съ благоговѣніемъ предоставлялъ Monsieur Aubry стричь мою буйно растущую шевелюру. Увы, долженъ сознаться, что теперь мое мнѣніе о французскихъ coiffeur'ахъ рѣзко измѣнилось въ противоположную сторону, ибо въ парикмахерскихъ Парижа я дважды былъ зараженъ какою то сыпью на шеѣ. Бѣдный, милый Фальконье не долго прожилъ и умеръ отъ чахотки.

Учитель нѣмецкаго языка Аделловъ былъ безличный, трусоватый человѣкъ, говорившій очень плохо по русски, съ забавнымъ акцентомъ; его изводили, стрѣляли въ него жеваной бумагой, мазали пуговицы форменнаго сюртука черниломъ, накалывали на спину куклу и даже прикрѣпляли къ стулу иголку. Помню, что мы чуть не весь годъ переводили исторію о томъ, какъ римскій рабъ Андроклъ лечилъ окровавленную лапу льва въ пещерѣ. Аделловъ такъ забавно мягко произносилъ букву л, что слово лапа и Андроклъ всегда вызывало у насъ взрывъ хохота, причину коего онъ никакъ не могъ понять.

Большимъ уваженіемъ и любовью пользовался законоучитель отецъ Никодимъ Соколовъ, позже епископъ Гродненскій и Бѣлостокскій. Его письменное изслѣдованіе о Ченстоховской чудотворной иконѣ Божіей Матери общеизвѣстно. По очереди мы допускались имъ въ алтарь, во время совершенія богослуженія, въ гимназической церкви. Съ нетерпѣніемъ дожидался каждый своей очереди и готовился къ богослуженію съ истинною вѣрою, страхомъ и трепетомъ. Помню, какъ позже отецъ Никодимъ, уже въ санѣ епископа, путешествовалъ по своей епархіи, безъ всякой свиты и помпы, въ каретѣ запряженной парою лошадей и въ сопровожденіи только своего служки; былъ ледоходъ и ему пришлось заночевать въ Мостовской еврейской корчмѣ на лѣвомъ берегу Нѣмана. Тогда это считалось событіемъ, о которомъ долго и много говорили.

Учитель латинского языка Талама былъ чехъ, одѣтый всегда съ иголочки, малаго роста, на высокихъ каблукахъ; онъ былъ серьезенъ, требователенъ, сухъ, но умѣлъ заставить учиться и зубрить «примѣры». До сихъ поръ помню «примѣръ» на futurum exactum: „donec eris felix — multos numerabis amicos, tempora si fuerint nubila — solus eris“. т. е. «Покуда будешь счастливъ — будешь насчитывать много друзей, если времена сдѣлаются мрачными — останешься одинъ». Вѣчный, безсмертный примѣръ. Я любилъ латинскій урокъ.

Другимъ хорошимъ учителемъ латинскаго языка былъ Яхонтовъ, отличавшійся необыкновен-

ною строгостью. Яхонтова ученики очень боялись и всегда особенно добросовѣстно готовились къ его урокамъ. Очень талантливымъ и любимымъ учителемъ былъ Харахоркинъ, преподававшій русскую исторію, которую онъ не задавалъ по учебнику «отсюда до сюда», но самъ разсказывалъ въ классѣ урокъ, задаваемый на завтра, при чемъ разсказывалъ такъ увлекательно, что мы слушали его съ большимъ вниманіемъ.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа Сергіевскій жилъ въ Вильнѣ. Его мы видали только въ гимназической церкви. Послѣ окончанія богослуженія его плотная фигура въ форменномъ синемъ фракѣ, со звѣздою на груди и крестомъ на шеѣ, показывалась на лѣвомъ клиросѣ лицомъ къ намъ и привѣтствовала насъ легкимъ кивкомъ головы; мы конечно отвѣчали поклономъ. Другихъ сношеній я съ нимъ не имѣлъ и при другихъ обстоятельствахъ, за трехлѣтнее пребываніе въ гимназіи, его не случалось видѣть.

Ученики, родители коихъ жили внѣ Вильны, помѣщались или у знакомыхъ, или, въ большинствѣ случаевъ, отдавались въ спеціальныя ученическія квартиры, содержимыя лицами, получившими на то разрѣшеніе отъ гимназическаго начальства. Ученическія квартиры находились отчасти подъ надзоромъ классныхъ надзирателей, періодически ихъ навѣщавшихъ. Одинъ изъ старшихъ по классу живущихъ въ ней учениковъ назначался «старшимъ» по квартирѣ. «Старшій» велъ особый ежедневный журналъ,

смотрѣлъ за порядкомъ, за поведеніемъ учениковъ и имѣлъ даже нѣкоторую дисциплинарную власть. Послѣобѣденное время предназначалось для приготовленія уроковъ. Тутъ власть старшаго была полезна, такъ какъ среди учениковъ часто было желаніе мѣшать другъ другу, что при небольшомъ помѣщеніи было очень легко, особенно когда одинъ, заткнувъ пальцами уши, зубрилъ что нибудь вслухъ, другой «выбиралъ» латинскія незнакомыя слова изъ Корнелія Непота или Тита Ливія, справлялся по словарю, по подстрочнику и записывалъ въ особую тетрадку для послѣдующаго зубренія, третій рѣшалъ арифметическую задачу, которая никакъ не выходила, хотя «ходъ рѣшенія задачи былъ вѣрный» и т. д. Гигіеническія условія въ такихъ квартирахъ обычно были не на высотѣ, питаніе тоже; бѣлый хлѣбъ въ ученической квартирѣ Котляревскаго хранился въ чуланѣ, куда на день ставились ночныя вазы, а извѣстное мѣсто содержалось въ такомъ грязномъ видѣ, что я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ отвращенія.

Старшимъ ученикомъ въ квартирѣ Котляревскаго былъ упоминавшійся уже мною Владиміръ Ярошенко. Онъ не всегда былъ справедливъ, любилъ иногда «пофискалить» начальству и подвести подъ наказаніе. У него была странная привычка: по окончаніи вечернихъ занятій онъ иногда становился колѣнями на постель и, громко декламируя изъ Тредьяковскаго:

«Ну же, ну же, ну же, ну!
Возьми арфу, воспой Марфу
Тредьяковскаго жену»,

медленно кувыркался на постели. Безобидное занятіе, веселое зрѣлище для насъ, младшихъ учениковъ. Ученики, обращаясь къ нему, почему то всегда говорили «Мосье Ярошенко». Это ему повидимому нравилось. Гимназію Ярошенко окончилъ съ медалью: «за примѣрное поведеніе и успѣхи въ наукахъ». Онъ былъ малороссъ, равнымъ образомъ какъ и хозяинъ ученической квартиры Андрей Николаевичъ Котляревскій. Вѣроятно поэтому Котляревскій часто напѣвалъ разныя малороссійскія пѣсенки, въ числѣ коихъ чаще другихъ:

«Катылися съ горы возы,
Да въ долинѣ стали.
Любилися, кохалися,
Теперь перестали».

Ученическая квартира Котляревскаго помѣщалась на небольшой квадратной площади, на которую выходилъ парадный подъѣздъ генералъ-губернаторскаго дворца. Мы любили слушать военую музыку во время смѣны караула у дворца; мы знали названія полковъ и цвѣтъ погонъ и воротника на мундирѣ каждаго полка: Пермскій полкъ — красный, Вятскій — синій, Петрозаводскій — бѣлый, Устюжскій — темно-коричневый. Напротивъ нашей квартиры были башенные часы и большое мрачное, сѣрое зданіе съ таинственною и непонятною вывѣскою: «Центральный Архивъ и Комиссія для разбора древнихъ актовъ».

За трехлѣтнее пребываніе въ Виленской гимназіи я перемѣнилъ двѣ ученическія квартиры, жилъ у учителя русскаго языка Николая Васильевича Бѣляева и наконецъ у соборнаго протоіерея отца Петра Левицкаго.

Бѣляевъ былъ небольшого роста, бородатый, нечесаный, немытый субъектъ, покушавшійся всегда острить и ненавидимый молодою женою, Варварою Яковлевною. Онъ былъ настолько нечистоплотенъ, что отъ его ногъ всегда очень дурно пахло. Послѣ обѣда онъ имѣлъ привычку ходить по комнатѣ, пить пиво, громко обсасывая усы, и курить скверныя папиросы. Выписывалъ юмористическій журналъ «Шутъ» и всякій разъ, какъ получался номеръ этого журнала, онъ неизмѣнно кричалъ женѣ: «Варя, принесли «Скурру» (Scurra по латыни значитъ шутъ) и заливался веселымъ хохотомъ. Эта острота повторялась аккуратно каждую недѣлю. Насъ на квартирѣ было трое, братъ мой, я и реалистъ седьмого класса Мей. Послѣдній писалъ стихи, ухаживалъ не безъ успѣха за Варварой Яковлевной и былъ нами не любимъ. У Варвары Яковлевны была сестра дѣвица Фетинья Яковлевна, добрая, милая барышня. Кормили насъ хорошо. Квартира на набережной рѣки Вилейки тоже была хорошая. Хозяева иногда устраивали танцевальные вечера, на которые собирался весь педагогическій персоналъ, помоложе. Мы конечно не смѣли войти въ залу гдѣ танцовали, но иногда въ замочную скважину подсматривали и удивлялись какъ мѣнялись въ обра-

щенiи и въ танцахъ всѣ эти наши грозные учителя, классные наставники, инспекторъ. Было странно и какъ то непонятно видѣть ихъ выдѣлывающихъ па польки-мазурки или вальса въ два па. Пребыванiе у Бѣляевыхъ кончилось довольно печально. Было весеннее экзаменацiонное время. Я пошелъ въ гимназiю, братъ остался дома, готовясь къ завтрашнему экзамену. Въ гимназiи узналъ, что у брата экзаменъ не завтра, а сегодня. Прибѣжалъ его предупредить, онъ помчался въ гимназiю, я остался дома. Кромѣ самаго Бѣляева дома больше никого не было. Бѣляевъ въ столовой пилъ пиво, я въ сосѣдней комнатѣ зубрилъ къ экзамену. Вдругъ слышу сильный стукъ въ столовой, какъ бы отъ паденiя человѣческаго тѣла. Вбѣгаю и вижу Бѣляева, лежащаго на полу съ пѣною у рта, съ исказившимся лицомъ, въ судорогахъ бьющагося въ сильномъ припадкѣ падучей болѣзни. Не понимая въ чемъ дѣло и страшно испугавшись, я безъ фуражки бросился изъ дому бѣжать по набережной и бѣжалъ, пока не былъ задержанъ прохожими и водворенъ домой. Послѣ этого случая насъ съ квартиры Бѣляевыхъ взяли и помѣстили къ соборному протоiерею отцу Петру Левицкому.

Почтенный протоiерей былъ вдовъ. Хозяйствомъ занималась его сестра, тоже вдова, Лариса Даниловна. Она была очень добра и кормила насъ на убой. Такихъ большихъ бифштексовъ, какiе насъ ожидали на завтракъ въ «большую перемѣну» между уроками, я въ жизни больше не

ѣдалъ. У нея была прехорошенькая, пухлая дочка, гимназистка, Анна Венедиктовна. Однажды вечеромъ, на мой звонокъ въ передней, она открыла дверь и неожиданно обняла и поцѣловала. Я былъ къ ней тоже неравнодушенъ. Одно время у насъ жила подруга Анюты — Юлія, высокая, красивая, но очень строгая брюнетка. Къ сожалѣнію она слегка прихрамывала и это портило впечатлѣніе. Желая ей понравиться, я написалъ на память стихи, въ имѣвшійся у нея на сей предметъ альбомъ:

«Брожу ли я, сижу ли я,
Все Юлія, да Юлія.
Иль чашу братскую съ друзьями разопью ли я,
Иль пѣсню заунывную съ гитарой пропою ли я,
Все Юлія, да Юлія».

Она очень разсердилась и начавшіяся добрыя отношенія порвались. Я не могъ понять, чѣмъ мои стихи, выражающіе такую глубину и постоянство чувствъ, хуже стиховъ моихъ болѣе счастливыхъ предшественниковъ, написавшихъ, напримѣръ:

«На послѣднемъ семъ листочкѣ
Пишу вамъ четыре строчки
Въ знакъ признанья моего.
Ахъ! Не вырвите его».

Правда, въ альбомѣ было написано также и по французски: **„Sois fidèle jusqu'à la mort et je te donnerai la couronne de vie“**; но тогда весь глубокій смыслъ этого прекраснаго изреченія—просьбы ускользалъ отъ моего юношескаго пониманія. Я былъ въ четвертомъ классѣ, а Анюта и Юлія въ шестомъ — на два класса старше меня.

Кромѣ мужской и женской гимназіи, реальнаго училища, мужской шестиклассной прогимназіи, въ Вильнѣ былъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, духовная семинарія, женское епархіальное училище и городское училище. Въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ разъ въ годъ бывалъ балъ, на который приглашались умѣвшіе танцовать ученики. Бывало скучно, натянуто и не оживленно; ученики больше все толпились въ буфетѣ, гдѣ было обильное угощеніе лимонадомъ, оршадомъ, чаемъ и сладкими пирожками. Въ семинаріи у меня было два знакомыхъ семинариста: Миша и Коля Кульчицкіе, сыновья нашего деревенскаго благочиннаго протоіерея о. Саввы Кульчицкаго. Онъ былъ очень умный человѣкъ, талантливый проповѣдникъ; отлично служилъ обѣдню, хотя немного театрально. Не гнушался также лично работать при надобности въ полѣ, возилъ снопы, косилъ. У него была большая семья, состоявшая изъ двѣнадцати сыновей и одной дочери. Всѣ дѣти были очень способны, но, достигши совершеннолѣтія, заболѣвали наслѣдственною чахоткою и всѣ умерли въ молодомъ возрастѣ, тогда какъ отецъ Савва и попадья Емилія Игнатіевна дожили до глубокой старости. Старушка попадья не имѣла ни одного зуба, такъ что понять ее было невозможно, впрочемъ, она была не разговорчива, а больше дремала, сидя на стулѣ. Такъ на стулѣ и скончалась. Отецъ Савва и тутъ выразилъ свою скорбь нѣсколько театрально, воскликнувъ: «масло догорѣло и огонь погасъ». Въ день св. Анны 25 іюля,

храмовой праздникъ справлялся всегда очень торжественно. Много паломниковъ стекалось для поклоненія камню, на которомъ по преданію явилась икона Св. Анны. Приношенія въ церковь были обильныя. Миша Кульчицкій часто бывалъ у насъ. Онъ былъ не дуренъ собою, обладалъ славнымъ теноркомъ и пѣвалъ нашимъ барышнямъ трогательные романсы вродѣ:

«Въ меня Ангелъ разъ вселился
Въ гимназистку я влюбился,
Грянемъ братцы мы ура —
Гимназистка та добра».

Въ зависимости отъ состава слушательницъ слово Ангелъ замѣнялось словомъ Демонъ и слово гимназистка, словомъ институтка. Это было очень галантно и считалось по хорошему тону. Съ большимъ подъемомъ и очень весело пѣлъ Миша какъ: «лѣтъ шестнадцати, не болѣ, пошла Дуня въ лѣсъ гулять». Трагично и мрачно пѣлъ балладу, называвшуюся: «Искушеніе семинариста». Привожу кое что изъ словъ, удержавшихся въ моей памяти:

...«Я не думалъ и не ждалъ
Какъ слуга письмо подалъ.
Много въ томъ письмѣ писалось
И свиданье назначалось.
Подождавши тутъ съ часокъ,
Я отправился въ лѣсокъ.
И подъ липой, подъ вѣтвистой,
Повстрѣчался я съ «пречистой»?!
Я ее тотчасъ узналъ
И такую рѣчь сказалъ:
Я любить васъ не могу
И поэтому бѣгу.

Она чертямъ тутъ взмолилась
И за фалды ухватилась.
Я рванулся, какъ шальной,
И пришелъ — съ одной полой.
То то братцы вы смотрите
На свиданье не ходите,
А то также, какъ меня,
Тамъ опутаютъ и васъ».

Послѣ каждыхъ двухъ строфъ слѣдовалъ припѣвъ: «хорошо, хорошо, говори, что хорошо».

Миша былъ регентомъ семинарскаго хора, который прекрасно пѣлъ ни только духовныя, но и свѣтскія пѣсни. Раза два мнѣ пришлось быть въ семинаріи на концертахъ, очень успѣшныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Помню очень бравурную хоровую пѣсню: «Какъ поѣхали два брата изъ деревни въ Питербурхъ, какъ одинъ то былъ Ерема, а другой то былъ Фома, какъ Ерема сталъ тонуть, Фомку за ноги тянуть, какъ Фома пошелъ на дно, а Ерема тамъ давно...» Послѣ каждой строфы слѣдовалъ припѣвъ: «Ахъ дербень, дербень, Калуга—Луга родина моя».

Строго запрещенная семинарскимъ начальствомъ и потому вѣроятно особенно излюбленная семинаристами пѣсня была:

«При всемъ честномъ народѣ
Мы грянемъ въ хороводѣ:
Взбранной воеводѣ,
Побѣдительно.
Я въ притчахъ Соломона
Читалъ: во время оно
Жилъ нѣкій царь Сіона
Расточительно.

Онъ часто прибаутки
Разсказывалъ для шутки
И пилъ ведра три въ сутки
Приблизительно.
А я какъ ни стараюсь
Съ Сіонскимъ не сравняюсь —
Отъ четверти валяюсь
Унизительно.
Нашъ батюшка священникъ
Онъ не жалѣетъ денегъ
Потягиваетъ пѣнникъ
Упоительно.
Отецъ насъ благочинный
Заходитъ въ погребъ винный
Потягивать полынной
Восхитительно» и т. д.

Концертъ хора Славянскаго, впервые посѣтившаго Вильну, произвелъ большую сенсацію. На слѣдующемъ концертѣ въ семинаріи было исполнено и очень недурно нѣсколько хоровыхъ пѣсенъ изъ программы Славянскаго. Вскорѣ посѣтилъ Вильну знаменитый скрипачъ Сарассатэ. Данный имъ концертъ, произвелъ на меня не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ хоръ Славянскаго.

Въ Вильнѣ было музыкальное общество и я бралъ тамъ уроки игры на роялѣ. Директоромъ былъ нѣкто Эбанъ, онъ же дирижировалъ оркестромъ городского театра и сочинялъ оперетки. Небольшого роста, худощавый, съ длинными черными баками, желтымъ цвѣтомъ лица, орлинымъ носомъ и черными проницательными, непріятными глазами, смотрящими поверхъ пенснэ, онъ чрезвычайно похожъ былъ на знаменитаго твор-

ца оперетки Оффенбаха. Сходству способствовало конечно и іудейское происхожденіе обоихъ. Очень музыкальна и успѣшна была оперетка Эбана подъ заглавіемъ: «Всѣ мы жаждемъ любви». Помню, финальный хоръ кончалъ словами: «Поѣдемте въ Россію, поѣдемте туда, тамъ можно намъ множиться безъ всякаго труда». Меня очень интересовала личность Эбана, какъ композитора и я смотрѣлъ на него какъ на существо высшее, недоступное. Изъ скудныхъ своихъ средствъ я далъ одинъ рубль лакею Ивану съ тѣмъ, чтобы онъ мнѣ разсказалъ, какъ сочиняетъ его баринъ. Оказалось, что по утрамъ Иванъ подаетъ ему, лежащему еще въ постели, чай, нотную бумагу и карандаши; такъ въ постели онъ и пишетъ, оставаясь лежать иногда до самаго обѣда. Мое уваженіе къ Эбану еще увеличилось послѣ того, какъ я увидѣлъ его въ театрѣ, дирижирующимъ опереткою: „La fille de madame Angot" Впервые взятый отцомъ въ оперетку, съ разрѣшенія гимназическаго начальства, я пришелъ въ дикій восторгъ. Въ антрактѣ отецъ бесѣдовалъ съ Эбаномъ, который милостиво погладилъ меня по головѣ и посовѣтовалъ отцу свести меня въ оперетку «Фатиница», сюжетъ которой очень хорошъ. За ложу въ бельэтажѣ отецъ заплатилъ пять рублей. Меня поразила дороговизна. Вторая оперетка, которую я видѣлъ въ Вильнѣ, была: «Птички пѣвчія» или «Периколла». Находилъ и нахожу, что и по музыкѣ и по сюжету это самая лучшая изо всѣхъ существующихъ оперетокъ. Я чуть не плакалъ,

когда въ сценѣ письма Periколла пѣла, что она «не въ силахъ бороться всю жизнь съ нищетою».

Въ этомъ мнѣнiи я сходился съ Петромъ Аркадiевичемъ Столыпинымъ, который въ бытность свою Гродненскимъ губернаторомъ поставилъ въ Гродненскомъ театрѣ, съ благотворительною цѣлью, «Периколлу». Я былъ тогда Гродненскимъ Предводителемъ Дворянства и приложилъ всѣ усилiя, чтобы сборъ оправдалъ надежды. Сборъ превзошелъ всякiя ожиданiя.

Среди моихъ товарищей по гимназiи близкихъ друзей у меня не было, кромѣ трехъ братьевъ Незабитовскихъ, сосѣдей по им. Мосты, жившихъ въ имѣнiи Олешевичи, куда мои родители ѣзжали и меня съ собою возили. Въ Олешевичахъ былъ роскошный, старинный домъ, съ билiардной комнатой, двухсвѣтнымъ заломъ, прекраснымъ садомъ. Я любилъ смотрѣть, какъ мой отецъ состязался на билiардѣ со старикомъ Константиномъ Незабитовскимъ, типичнымъ полякомъ - магнатомъ, съ пушистыми сѣдыми усами. Конечно, разговорнымъ языкомъ былъ всегда французскiй языкъ, ибо старики поляки избѣгали говорить по русски. Мадамъ Незабитовская была крупная, не старая, красивая блондинка; злые языки приписывали ей много загубленныхъ сердецъ. Мой одноклассникъ Стась Незабитовскiй оставался всю жизнь въ имѣнiи Олешевичи, имѣлъ прекрасную жену, много дѣтей, былъ отличнымъ хозяиномъ, охотникомъ, добрымъ сосѣдомъ и предсѣдателемъ Гродненскаго Сельско - Хозяйственнаго Об-

щества, гдѣ уготовилъ путь для послѣдующаго предсѣдателя князя Евстафія Сапѣги, плохо говорившаго по русски, впослѣдствіе сдѣлавшагося польскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Стась былъ «простой и добрый баринъ». Средній Незабитовскій - Шарль всегда справедливо считался очень умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ; жилъ въ имѣніи въ Минской губерніи, обладалъ драгоцѣннымъ запасомъ старой водки, доставшимся къ сожалѣнію большевикамъ, былъ членомъ Государственнаго Совѣта по выборамъ и нынѣ достойно занимаетъ постъ польскаго министра земледѣлія. Третій братъ, Етьеннъ, высокій красавецъ, считался неудачникомъ, потому что женился по любви на «циркисткѣ» (цирковая наѣздница). Наслѣдство свое получилъ деньгами; скоро все прожилъ; впалъ въ бѣдность и куда то исчезъ. Нынѣшній польскій министръ юстиціи Мейштовичъ, съ которымъ я встрѣчался у Незабитовскихъ, тоже былъ моимъ старшимъ товарищемъ по Виленской гимназіи. Бывшій начальникъ польскаго государства, маршалъ Пилсудскій былъ также моимъ товарищемъ по Виленской гимназіи. Это былъ мальчикъ съ миловиднымъ, нѣжнаго цвѣта лицомъ, неправильнымъ носомъ, задумчивыми глазами, скромнымъ взоромъ; отъ другихъ учениковъ онъ ничѣмъ не отличался. Въ хорошихъ отношеніяхъ былъ я съ А. Пѣтуховымъ, сидѣвшимъ рядомъ со мною на одной скамьѣ и жившимъ на одной и той же ученической квартирѣ. Въ классѣ мы были разсажены въ алфавитномъ порядкѣ

фамилій, по четыре на скамейкѣ: Ознобишинъ, Пѣтуховъ, Руднянскій, Шапиро. Пѣтуховъ былъ сынъ мирового посредника, небольшого землевладѣльца. Имѣлъ пріятное, лукавое лицо и смѣющіеся глаза, былъ добръ и простоватъ, не скоро соображалъ; его легко было дразнить. «Пѣтуховъ, я вѣдь тебѣ долженъ сорокъ копѣекъ?» «Конечно долженъ». «Ну такъ дай мнѣ твой новый гребешокъ и мы будемъ квиты». «Хорошо... Что?! Дуракъ». Діалоги подобнаго рода повторялись съ нимъ не разъ. Въ будущемъ онъ сдѣлался судебнымъ слѣдователемъ. Руднянскій сдѣлался въ Вильнѣ же зубнымъ врачемъ, Шапиро—торговцемъ желѣза, оба послѣдніе евреи,—я, занимая послѣдовательно должность городского и мирового судьи, предводителя дворянства и вице-губернатора, дошелъ до званія члена преступнѣйшей IV Государственной Думы. Говорю преступнѣйшей, ибо три предыдущія думы были тоже болѣе или менѣе преступны; третья — менѣе, первая и вторая болѣе. Не было въ мірѣ большаго преступленія, какъ то, которое совершила IV Государственная Дума, содѣйствовавъ устройству во время войны народнаго бунта, забывъ присягу своему Государю, измѣнивъ Родинѣ и Престолу, предавъ своего невиннаго, оклеветаннаго Вѣнценосца, со всею его невинною семьею, въ руки палачей, заливъ Родину безпримѣрнымъ потокомъ крови и утопивъ въ ней Россію и все ея великое прошлое.

«Намъ нужна Великая Россія —
Вамъ нужны великія потрясенія».

Эти историческія слова Столыпина должны быть запечатлѣны въ сердцѣ каждаго члена Государственной Думы, всѣхъ созывовъ, какъ тѣхъ, которые подстрекали къ совершенію революціи и содѣйствовали революціи, такъ и тѣхъ, которые не съумѣли не допустить революціи. Всѣ члены Государственной Думы виновны, но, главнымъ виновникомъ является, конечно, прогрессивный блокъ Государственной Думы. Уголовные кодексы всѣхъ культурныхъ государствъ признаютъ подстрекателя къ совершенію преступленія—душою преступленія и потому подстрекатель всегда карается высшею мѣрою наказанія, какъ главный виновникъ. Такими подстрекателями, конечно, являлись главные, краснорѣчивые лидеры прогрессивнаго блока — Аджемовъ, графъ Владиміръ Бобринскій, душевно-больной Керенскій, «златоустъ» Маклаковъ, безтактный Милюковъ, Родичевъ, Скобелевъ, Шульгинъ, недавно перерѣзавшій себѣ горло Чхеидзе и другіе, дѣйствовавшіе при явномъ попустительствѣ предсѣдателя Государственной Думы Родзянки.

Продолжительна и ожесточенна была борьба за власть. Трудно было вырвать власть изъ рукъ законныхъ ея пердставителей и опрокинуть вѣковые устои государства Россійскаго. Для успѣха понадобилось три года несчастной великой войны, со всѣми ея тяжелыми условіями. Но еще

труднѣе было удержать власть въ дѣтски-неопытныхъ рукахъ, совершенно неподготовленныхъ къ крупной роли министровъ, Керенскаго, Милюкова, Шингарева и компаніи. Эти люди, съ хорошо подвѣшеннымъ языкомъ, жадные борцы за власть во что бы то ни стало, только чуть-чуть могли подержаться за власть и скоро, очень скоро, были съ позоромъ изгнаны тѣми, для которыхъ они такъ наивно работали, причемъ Шингаревъ кровью заплатилъ за свои заблужденія. Сорвалось. Правъ былъ дѣдушка Крыловъ, сказавъ: «бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ». Керенскій былъ ранѣе помощникомъ присяжнаго повѣреннаго, Милюковъ — издателемъ газеты, Шингаревъ—земскимъ врачемъ.

Но если трудна была борьба за власть, если трудно, не по силамъ трудно, было удержаніе въ своихъ рукахъ власти, то ни только трудно, но совершенно невозможно сознаніе учиненныхъ великихъ, пагубныхъ ошибокъ и заблужденій, въ особенности когда таковыя настойчиво и обдуманно совершались въ зрѣломъ возрастѣ видными дѣятелями, облеченными довѣріемъ народа. Такое честное, открытое сознаніе, исповѣдываніе и раскаяніе въ своей винѣ явилось бы актомъ величайшаго мужества, благороднымъ подвигомъ. Но для подвиговъ надо быть героемъ. Героевъ въ прогрессизномъ блокѣ не было. Были заурядные люди, а обычно всякій заурядный человѣкъ обладаетъ незауряднымъ самомнѣніемъ и самолюбіемъ; онъ вѣритъ, что никогда не ошибается. Ожи-

дать отъ такого человѣка подвига нельзя. Suum cuique, каждому свое.

Да проститъ имъ Господь, ибо по истинѣ эти близорукіе люди не понимали и не вѣдали, что творили. Затмило.

Сейчасъ прочиталъ въ нѣмецкой газетѣ „Berliner Börsen Zeitung", № 124 отъ 15 марта 1927 года, телеграмму изъ Нью-Іорка подъ заглавіемъ „die Ohrfeige für Kerenski". т. е. «Плюха Керенскому», сообщающую, что русская женщина Екатерина Брей, нанесшая бывшему русскому премьеръ-министру Керенскому, при пятитысячномъ собраніи, ударъ по лицу, присуждена къ штрафу въ 4 доллара 50 центовъ.

Какая гадость бить по лицу душевно-больного человѣка и еще большая гадость и безчеловѣчность, что родные и друзья Керенскаго оставляютъ его безъ надзора, предоставляютъ ему свободу передвиженія и до сихъ поръ не позаботились изолировать этого несчастнаго въ соотвѣтствующемъ для такихъ больныхъ помѣщеніи. Надо надѣяться, что Керенскій будетъ наконецъ надлежащимъ образомъ освидѣтельствованъ врачами психіатрами и затѣмъ обезвреженъ и изолированъ. Не доказалъ ли развѣ Керенскій всему міру, какъ вредна, опасна и заразительна для окружающихъ его сложная душевная болѣзнь. О, какъ давно это слѣдовало бы сдѣлать!

Въ газетѣ «Руль» напечатано въ маѣ 1927 г., что и Милюкова въ Ригѣ билъ по лицу нѣкій баронъ Адеркасъ, считающій его виновникомъ рус-

ской революціи. Послѣ этого Милюковъ перекочевалъ въ Ревель для продолженія своихъ лекцій. Поистинѣ Милюковъ терпѣливъ и неутомимъ. «Привычка свыше намъ дана, замѣна счастію она».

На лѣтніе три мѣсяца, праздникъ Рождества Христова, праздникъ Святой Пасхи и иногда на масляницу мы уѣзжали въ Мосты на отдыхъ. Это было хорошее время. Однако путешествіе было довольно сложное. Изъ Вильны въ Гродну по желѣзной дорогѣ и изъ Гродны въ Мосты 63 версты на подставныхъ лошадяхъ, которыя дожидались на полъ-пути въ деревнѣ Лавны, въ еврейской, убогой корчмѣ. Возилъ насъ всегда кучеръ Матвѣй, къ коему родители питали полное довѣріе, въ особенности послѣ случая, когда онъ сломалъ себѣ ключицу: удерживая понесшихъ съ горы лошадей, упалъ на землю, но возжей изъ рукъ не выпустилъ, Поѣздка бывала скучною и утомительною, въ особенности зимою. Въ корчмѣ приходилось бывать свидѣтелемъ пьянаго мужицкаго разгула, ругани, иногда дракъ. Я боялся этихъ остановокъ и торопилъ перепряжкою лошадей. Дома всегда ожидала масса новостей. Отецъ выписывалъ музыкальный журналъ «Нувеллистъ» и отмѣчалъ карандашемъ, что ему нравилось. Мы съ братомъ наперерывъ старались поскорѣе разучить эти пьесы и заслужить одобреніе отца. Особенно мы любили играть въ четыре руки. Братъ былъ музыкальнѣе и способнѣе меня и игралъ очень не дурно.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ я замѣтилъ въ саду, въ любимой жасминовой бесѣдкѣ, мраморный

бюстъ съ подписью „Hannemann“. Отецъ былъ гомеопатомъ - любителемъ и потому воздвигъ этотъ бюстъ отцу гомеопатіи. „Hannemann“ былъ лысъ, но кругомъ всей головы шла довольно широкая кайма волосъ. Въ этомъ было сходство его съ моимъ отцомъ. Крестьяне говорили, что баринъ самъ себѣ поставилъ памятникъ. Удивительное дѣло, но леченіе гомеопатіей часто давало хорошіе результаты и больные съ самыми разнообразными болѣзнями ежедневно являлись, даже очень издалека. Думаю, что успѣхъ происходилъ главнымъ образомъ отъ обязательно предписываемаго строжайшаго режима: «водки не пей, брось курить, не ѣшь ничего остраго» и т. д. Слава объ леченіи гомеопатіей встревожила мѣстное врачебное начальство; было нѣсколько доносовъ генералъ-губернатору, производилось разслѣдованіе. Леченіе, конечно, было даровое; вреда отъ него не было. Разслѣдованіе кончилось ничѣмъ. Вскорѣ появилось новое леченіе электро - гомеопатіей итальянца графа Маттеи. Отецъ сначала имъ увлекся, выписалъ. Даваемые дозы были настолько архи-гомеопатичны, что говорили о томъ, что одну крупинку надо опустить въ Нѣманъ у Мостовъ, стаканомъ зачерпнуть воду въ Нѣманѣ у Гродны (около ста верстъ внизъ по теченію) и тогда пить по чайной ложкѣ два раза въ день. Электро-гомеопатія оказалась чистымъ шарлатанствомъ. Сильно поколеблена была вѣра въ силу гомеопатическаго леченія опытомъ, призведеннымъ дѣтьми нашей сосѣдки генеральши Шлегель, сдѣлав-

шейся гомеопаткой, по примѣру отца. Дѣти высыпали изъ аптечки всѣ крупинки и истолкли въ ступкѣ, залили все спиртовымъ растворомъ гомеопатическихъ лекарствъ, смѣшали и схлебали ложками, послѣ чего остались ни только живы и здоровы, но даже слегка повеселѣли.

Частымъ гостемъ бывалъ у насъ достопочтенный, старецъ, священникъ села Пески, отецъ Іоасафъ Мироновичъ. Высокаго роста, съ большою бѣлою бородою, крупными чертами лица, большими добрыми глазами онъ походилъ на ликъ угодника, какъ изображаютъ на иконахъ. Пріѣзжалъ онъ главнымъ образомъ къ отцу поговорить о политическихъ дѣлахъ и на злобу дня. Отца онъ заговаривалъ до дремоты. Имена генераловъ Черняева, Скобелева смѣнялись именами гражданскихъ дѣятелей — Бисмарка, князя Горчакова и наоборотъ. Желая выразить кому либо изъ нихъ особое благоволеніе, онъ называлъ его: «юха бестія». Что это значило — я до сихъ поръ не знаю. Отецъ Іоасафъ нюхалъ табакъ, въ который мы по его просьбѣ клали цвѣты резеды, которую онъ обожалъ. Онъ былъ безконечно добръ; за требы ничего не бралъ и потому былъ очень бѣденъ; при немъ жила его сестра, старуха Викторія Степановна, которую онъ называлъ почему то Викторъ. Уѣзжая, всегда получалъ на дорогу сигару и былъ въ восторгѣ.

Съ Мостовскимъ ксендзомъ Каждайловичемъ отношенія были натянутыя и вскорѣ совсѣмъ порвались. Причиною тому была корыстная попыт-

ка ксендза захватить въ свою пользу принадлежащее, по существовавшему закону, владѣльцу имѣнія Мостовъ «право пропинаціи». «Пропинація предоставляла владѣльцу имѣнія Мостовъ, владѣющему также на «чиншевомъ правѣ» мѣщанскою землею въ мѣстечкѣ Мостахъ, — исключительное право на содержаніе въ мѣстечкѣ корчмы и на продажу въ ней спиртныхъ напитковъ.

Мѣстечко Мосты расположено по обоимъ берегамъ рѣки Нѣмана и потому имѣло двѣ корчмы. Владѣлецъ имѣнія отдавалъ «право пропинаціи» въ аренду, за извѣстную годовую плату, и такой арендаторъ назывался «пропинаторомъ». Такимъ «пропинаторомъ» былъ на правомъ берегу Нѣмана — Лейзеръ Шибовскій, на лѣвомъ — Хаимъ Сегаловичъ. Ксендзъ Каждайловичъ, владѣвшій въ мѣстечкѣ Мостахъ костельною землею, почему то вообразилъ, что и ему также принадлежитъ «право пропинаціи». Войдя въ соглашеніе съ отцомъ Лейзера Шибовскаго, Каждайловичъ открылъ шинокъ, чѣмъ внесъ въ населеніе смуту и началъ всячески интриговать противъ владѣльца, возбуждая противъ него крестьянъ и мѣщанъ. Каждайловичъ былъ чахоточный, чрезвычайно нервный и непріятный человѣкъ. При разговорѣ отхаркивался и плевался, не стѣсняясь мѣстомъ. Такое положеніе продолжалось болѣе года, и только смерть Каждайловича возстановила нарушенное спокойствіе. Каждайловичъ оставилъ послѣ своей смерти плохое наслѣдіе въ видѣ чахоточныхъ бациллъ въ домѣ. Его два послѣду-

ющіе замѣстители тоже заболѣли чахоткою. Пришлось выстроить новый домъ. Со всѣми послѣдующими настоятелями Мостовскаго костела отношенія у насъ всѣхъ были самыя лучшія. Я особенно любилъ ксендза Дорошкевича, который, не смотря на свою полноту, былъ страстнымъ охотникомъ, держалъ гончихъ собакъ и отчасти явился однимъ изъ первыхъ учителей, пристрастившихъ меня и брата къ охотѣ и обучившихъ дѣльному и осторожному обращенію съ ружьемъ. Ксендзъ Дорошкевичъ внушилъ мнѣ простое и вмѣстѣ съ тѣмъ трудно исполнимое правило, которое я соблюдалъ всю жизнь: «ружье — не зонтикъ». Благодаря этой, усвоенной разницѣ въ обращеніи между ружьемъ и зонтикомъ, мое ружье никогда не было причиною несчастнаго случая ни съ другими, ни со мною лично. Съ ксендзомъ Саросѣкомъ у моихъ братьевъ Александра и Леонида, уже въ зрѣломъ возрастѣ, установились настолько искренныя, дружескія отношенія, что они вмѣстѣ совершили довольно продолжительное путешествіе по Европѣ, доѣхавъ до Рима включительно и хотя папу не видали, но за то привезли массу интересныхъ и сильныхъ впечатлѣній.

Пріѣзжалъ иногда становой приставъ Василій Василіевичъ Погорѣльскій, жившій въ м. Пескахъ. Это былъ добрый малый, но не зналъ, какъ себя держать: то держался слишкомъ развязно, то, спохватившись, начиналъ лебезить; не умѣлъ попасть въ точку и боялся уронить свое достоинство. Онъ былъ честенъ, взятокъ не бралъ, но не

могъ устоять, если ему приносили въ подарокъ рыбу, въ особенности налимовъ, которые по мѣстному называются «ментузы». Нашелся юркій еврейчикъ, который спеціализировался на этомъ подношеніи и даже составлялъ у станового протекцію. Самъ Погорѣльскій презрительно называлъ его «ментузій жидъ» или «жидъ съ ментузами», однако говорили, что ходатайства «ментузьяго жида» часто имѣли успѣхъ.

Иногда устраивались танцы, въ особенности когда пріѣзжали четыре барышни Андржейковичъ, ближайшій сосѣдъ изъ имѣнія Михайловки, Иванъ Матвѣевичъ Ловицкій, съ сестрою Жозефиною, два семинариста, братья Кульчицкіе и семья Ярошенки, гдѣ было три дѣвицы. Дирижировалъ танцами всегда отецъ. Домъ былъ низкій, и у оконъ собиралась дворня и Мостовскіе крестьяне ,которые разсказывали, что нашъ баринъ самый важный, потому что всѣми командуетъ, на всѣхъ кричитъ и всѣ господа его слушаются.

Большимъ и торжественнымъ событіемъ считались «Дожинки». Въ то время большинство полевыхъ работъ исполнялось ручнымъ трудомъ; ни жатвенныхъ машинъ, ни сѣнокосилокъ не было. Въ день окончанія жатвы жницы (мужчины никогда не жали), сплетали изъ колосьевъ ржи вѣнокъ, украшали его цвѣтами, ягодами рябины и лентами и, возложивъ на голову избранной лучшей жницы, ведомой подъ руки двумя подружками, съ пѣснями направлялись въ усадьбу. Тутъ

ихъ ждало угощеніе, состоящее изъ водки, пива, хлѣба, баранокъ, огурцовъ, творожнаго сыра, яблокъ и грушъ. Угощеніе размѣщалось на столахъ, въ саду подъ липами. Вѣнокъ принималъ отецъ, и въ этотъ моментъ обязательно надо было плеснуть на дѣвушку, подносящую вѣнокъ, водою. Эту операцію обливанія изъ кружки производилъ всегда одинъ изъ служащихъ мужчинъ, и всегда какъ бы неожиданно для дѣвушки. Дѣвушка однако всегда объ этомъ знала и потому боязливо жалась въ ожиданіи холоднаго душа. Значеніе этого обычая — предотвратить на будущій годъ засуху. Дѣвушка, принесшая вѣнокъ и ея двѣ подружки награждались деньгами, иногда головными платками. Толпа жницъ приближалась обычно съ одною и тою же пѣснью, протяжною, заунывною по напѣву и грустною по смыслу, носящею воспоминанье крѣпостнаго права, по мѣстному «паньщины»:

«Зеленъ нашъ боръ, зеленъ,
За всѣ боры зеленѣйшій.
Веселъ нашъ панъ, веселъ,
За всѣ паны веселѣйшій.
Паны кажутъ до дому,
А паненята не пускаютъ».

Вообще пѣсни, которыя я слыхалъ въ Гродненскомъ уѣздѣ, отличаются заунывными мотивами и веселыхъ почти нѣтъ, развѣ слѣдующая нѣсколько веселѣе:

«Туманъ съ горы котится,
Дѣвка замужъ просится».

Въ Гродненскомъ уѣздѣ крестьянки пѣвали также извѣстную тоскливую пѣснь — Разлуку:

«Разлука, ты разлука, чужая сторона...»

Однако пророческая пѣснь эта не можетъ считаться мѣстнаго происхожденія, ибо исполненіе ея распространяется далеко за предѣлы Гродненской губерніи, въ каковой врядъ ли она нашла свое начало.

Освобожденіе отъ гнета паньщины вылилось тоже въ заунывную по напѣву пѣсню:

«Ой подъ лясомъ, ой подъ лясомъ темна хмаренька!
Гей, гей, гей, гей темна хмаренька.
Вылетала, вылетала Божья пташечка.
Гей, гей, гей, гей Божья пташечка.
Да и выноситъ, да и выноситъ Государскій указъ.
Гей, гей, гей, гей Государскій указъ».

Еще грустная пѣснь:

«Трудно, трудно разжинаться
На широкой полосѣ.
Трудно съ милымъ разставаться,
Когда милый по душѣ».

Бабы и дѣвки танцовали вообще очень мало и рѣдко, а если танцовали, то исключительно между собою и очень не оживленно, большею частью «польку-крутелку».

Хлопцы держались какъ то всегда отдѣльно, за то они умѣли дѣлать изъ ивовой коры трубы, длиною аршина въ два, шириною вершка въ три при концѣ трубы и въ эти трубы они трубили, главнымъ образомъ «въ ночномъ», для отпугива-

нія предполагаемыхъ волковъ. Звукъ былъ издали пріятный, сильный, но необычайно грустный, тоскливый, берущій за сердце, въ особенности когда одновременно трубили въ разный тонъ нѣсколько хлопцовъ. Получался звучный, далеко разносимый эхомъ, минорный аккордъ.

Другіе хлопцы на тотъ же мотивъ подпѣвали:

«За горою вѣтеръ вѣе,
Тамъ Никита жито сѣе.
Никита, Чикита!
Не я то,
Мой тато и т. д.»

Передъ началомъ жатвы, обычно въ субботу, дѣлали «Зажинки», которыя состояли въ томъ, что срѣзали серпомъ небольшое количество ржи, связывали въ снопикъ, украшали цвѣтными лентами и приносили съ тѣми же пѣснями въ усадьбу. Снопикъ принимался, принесшіе награждались подарками въ видѣ цвѣтныхъ ситцевыхъ платковъ, но угощенія не полагалось. Участвовали въ большинствѣ случаевъ только жницы, живущія въ усадьбѣ. Снопикъ ставился подъ образа, равно какъ и вѣнокъ, и сохранялся цѣлый годъ до новой жатвы. Въ первый день жатвы, когда отецъ, или кто нибудь изъ нашей семьи, приходилъ въ поле, гдѣ жали, то ближайшая жница бѣжала и опоясывала пришедшаго перевязью, сдѣланною изъ сжатой ржи. За это полагалось давать подарки деньгами, а перевязь эту слѣдовало не снимать цѣлый день, ибо, въ случаѣ снятія, операція опоясыванія обязательно повторялась.

Еще былъ обычай у крестьянскихъ дѣвушекъ, выходящихъ замужъ, приходить съ двумя подружками къ намъ въ усадьбу прощаться. Невѣста низко, въ поясъ кланялась и цѣловала въ губы. Это былъ единственный случай открытаго поцѣлуя въ губы, обычно принято было господамъ цѣловать руку и этотъ отвратительный и не гигіеничный обычай упорно держался, не смотря на всѣ старанія его вывести. Отказъ дать поцѣловать руку считался за оскорбленіе и проявленіе гордости. Нѣкоторые норовили поцѣловать въ плечо и даже въ колѣнку. Въ большинствѣ случаевъ у этихъ людей внутреннее чувство не совпадало съ внѣшнимъ его проявленіемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Jurisprudentia est divinarum atque humanarum rerum notitia, justi, atque injusti sciencia.

Римское право.

Quidquid agis — prudenter agas et respice finem.

Девизъ правовѣдовъ.

Весною 1884 года, не дожидаясь переходныхъ экзаменовъ въ пятый классъ, отецъ взялъ меня изъ Виленской гимназіи и повезъ въ С.-Петербургъ для отдачи въ Императорское Училище Правовѣдѣнія. Будучи самъ правовѣдомъ, 17-го выпуска 1856 года, отецъ сохранилъ чувства любви къ училищу и поддерживалъ, по возможности, сношенія съ училищемъ и со своими товарищами.

Императорское Училище Правовѣдѣнія было основано въ 1835 году культурнѣйшимъ человѣкомъ того времени, просвѣщеннымъ, незабвеннымъ благотворителемъ Принцемъ Петромъ Георгіевичемъ Ольденбургскимъ. За семьдесятъ семь лѣтъ своего существованія училище выпустило

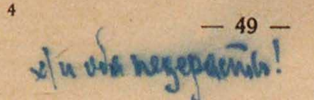
свыше 2200 воспитанниковъ и среди нихъ дало рядъ не только выдающихся русскихъ государственныхъ дѣятелей, въ числѣ коихъ: Н. И. Стояновскій, К. П. Побѣдоносцевъ, И. Л. Горемыкинъ, Э. В. Фришъ, И. Я. Голубевъ, А. А. Половцовъ 1, Д. Н. Набоковъ, Н. А. Манасеинъ, И. Г. Шегловитовъ, (три послѣдніе занимали постъ Министра Юстиціи и были особо выдающимися юристами), В. Н. Герардъ, Н. Н. Сущевъ, Н. Н. Шрейберъ, В. К. Случевскій, В. П. фонъ Энгельгардтъ (докторъ астрономіи и философіи), князь А. А. Ширинскій-Шихматовъ, А. В. Бельгардтъ и другіе — но и такихъ всемірныхъ знаменитостей, какъ композиторъ А. Н. Сѣровъ, 1-го выпуска 1840 г., композиторъ П. И. Чайковскій, поэтъ Ал. Н. Апухтинъ, (послѣдніе оба 20-го выпуска 1859 года. Оба умерли въ 1893 году) и поэтъ А. М. Жемчужниковъ, 2-го выпуска 1841 года.

Къ числу правовѣдовъ, проявившихъ себя особо энергичною, успѣшною дѣятельностью и трудами по оказанію всякаго рода помощи русскимъ бѣженцамъ за границею,—слѣдуетъ отнести А. А. Половцова 3 въ Парижѣ и А. В. Бельгарда въ Берлинѣ.

Думаю, что высказывая имъ мою искреннюю благодарность младшаго товарища, я исполняю этимъ также желаніе очень многихъ русскихъ эмигрантовъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы остановились въ **Grand Hotel de Paris**, на Малой Морской улицѣ. Въ дни экзамена мы часто пѣшкомъ отправля-

4



лись въ Училище Правовѣдѣнія, на Фонтанку № 6. Это была большая и интересная прогулка. Утренняя жизнь Петербурга съ его разнощиками, живорыбными садками и богатыми магазинами представляла много новаго, любопытнаго и занимательнаго, въ особенности для меня. У параднаго входа въ училище насъ встрѣчалъ швейцаръ Михайло Бурымъ, на руки которому отецъ меня сдавалъ, а самъ обыкновенно дожидался меня въ Лѣтнемъ саду, расположенномъ напротивъ, чрезъ рѣчку Фонтанку. Знаменитый Михайло Бурымъ, колоссальнаго роста, въ своей красной ливреѣ съ такою же пелеринкою, украшенною черными съ золотомъ орлами, всѣмъ своимъ видомъ, ласково-снисходительнымъ ко мнѣ обращеніемъ по имени и отчеству,—произвелъ на меня сильное, хорошее впечатлѣніе. Могу сказать, что за все мое шестилѣтнее пребываніе въ училищѣ наши отношенія оставались самыми добрыми, благожелательными. Въ минуту жизни трудную Михайло ссужалъ деньгами, но никогда не требовалъ процентовъ, не вымогалъ, а бралъ съ благодарностью сколько отдавали. Вѣроятно бывали случаи, что и не отдавали. Онъ никогда не жаловался. Два раза въ году: въ день праздника Георгіевскихъ Кавалеровъ и въ день своихъ именинъ Михайло устраивалъ у себя угощеніе, на которое приходило много воспитанниковъ старшаго курса. Онъ и его жена усердно угощали разными сортами водки и закусками; особенно вкусна была сухарная водка, домашняго приготовленія. Начальство

училища смотрѣло на это сквозь пальцы. Говорятъ, что предшественникъ Михайлы, окончившій жизнь свою на этомъ посту, пользовался еще большимъ уваженіемъ и любовью. Онъ такъ любилъ училище, что завѣщалъ скелетъ свой училищу и таковой всегда стоялъ въ шкапу, въ физическомъ кабинетѣ.

Весною, особенно въ Маѣ, Петербургъ очень хорошъ, а поѣздка на острова, на Стрѣлку, наблюдать закатъ солнца въ море, такъ хороша и такъ привлекала своею красотою, что отецъ часто возилъ туда меня. Для меня это было величайшимъ наслажденіемъ, ибо я не знаю красоты выше красотъ природы. Въ прогулкахъ этихъ часто принималъ участіе другъ отца, инженеръ, членъ Совѣта Министра Путей Сообщенія Иванъ Семеновичъ Кологривовъ. Онъ изъѣздилъ весь свѣтъ, долго жилъ въ Конго и разсказы его были чрезвычайно занимательны. Однажды онъ заѣхалъ за нами въ коляскѣ на резиновыхъ шинахъ, которыя тогда только что появились въ свѣтъ. Необычайное, почти безшумное, передвиженіе по улицамъ доставляло большое удовольствіе, тѣмъ болѣе, что давало возможность разговаривать и слышать другъ друга. Это культурное нововведеніе очень высмѣивалось въ юмористическихъ журналахъ и въ «Развлеченьѣ» появилась каррикатура, изображающая, какъ коляска, съ колесами на резиновыхъ шинахъ, запряженная парою лошадей, наѣзжаетъ на переходящаго улицу безпечнаго пѣшехода. Подъ каррикатурою подпись: «Вотъ

видимъ шины новой моды, не слышатъ шума пѣшеходы». И. С. Кологривовъ былъ холостъ, богатъ, но никогда своей квартиры не имѣлъ, а жилъ въ меблированныхъ комнатахъ надъ рестораномъ Кюба, гдѣ и питался.

Экзамены я сдалъ сносно и былъ принятъ въ шестой классъ. Отецъ мнѣ подарилъ «собственную» треуголку и пріобрѣлъ у училищнаго вахтера Рылова форменный подержанный мундиръ, съ серебрянымъ галуномъ и зелеными обшлагами. Съ этими внѣшними признаками моей радости и гордости мы укатили отдыхать отъ трудовъ на каникулы въ Мосты. Моя треуголка производила чрезвычайное впечатлѣніе на всѣхъ. Барышни Андржейковичъ, увидѣвъ ее, въ одинъ голосъ сказали: „quel drole de chapeau", а Мостовскій ксендзъ Сорока нашелъ сходство моего новаго наряда съ нарядомъ, который будтоноситъ папская гвардія. Ксендзъ Сорока былъ сыномъ простого крестьянина, муляра (штукатура). Про него паны говорили **„qu'il a manqué sa vocation"**, а шляхта говорила: **„mularza zapsowali, a proboszcza nie zrobili"**, т. е. муляра испортили, а ксендза не сдѣлали.

Кошки скребли у меня на сердцѣ, когда къ 1 Сентября пришлось одному возвращаться въ Петербургъ, чтобы поселиться въ училищѣ Правовѣдѣнія на шесть лѣтъ, долгихъ шесть лѣтъ. Никогда не былъ такъ далеко отъ родителей, никогда не жилъ въ закрытомъ заведеніи, никогда не находился подъ постояннымъ надзоромъ на-

чальства и въ такой большой компаніи товарищей. Было жутко первые дни. Порядокъ, чистота, дисциплина. Однако освоился очень скоро и тому способствовала рѣзкая разница въ обращеніи начальства, которую я сразу почувствовалъ. Насколько гимназическое начальство, за немногими исключеніями, было грубо въ обращеніи и никогда не умѣло или не хотѣло близко подойти къ чуткой молодой душѣ ученика, настолько отношеніе всего училищнаго начальства было мягкое, вѣжливое, снисходительное, хотя и требовательное. Не было слышно ни крика, ни бранныхъ словъ, такъ оскорбляющихъ нѣжную впечатлительную душу, такъ озлобляющихъ сердце. Дисциплина проводилась настойчивостью, терпѣніемъ и ласкою. Я очень скоро привыкъ, сознательно и добровольно подчинился ей. Въ гимназіи задавали уроки «отсюда и до сюда», требовали знанія заданнаго и за незнаніе бранили и наказывали; никакого иного общенія, ласки, добраго слова ученики не видѣли.

Въ гимназіи учили. Въ училищѣ правовѣдѣнія учили и воспитывали. Эта разница воспитанія глубоко сказывалась во всей послѣдующей жизни правовѣда, и сгладить ее жизнь была не въ силахъ. Слишкомъ сильно врѣзываются въ душу впечатлѣнія, переживаемыя въ молодости. Въ воспитаніи младшихъ товарищей по твердой училищной традиціи принимали участіе старшіе товарищи. Такъ въ младшемъ курсѣ пользовались особымъ вліяніемъ воспитанники четверта-

го класса, а въ старшемъ курсѣ воспитанники перваго класса. Къ училищу принадлежало еще три приготовительныхъ класса, которые помѣщались отдѣльно на Сергіевской улицѣ. Эти три приготовительные класса и четыре класса младшаго курса соотвѣтствовали восьми классамъ гимназіи. Три класса старшаго курса соотвѣтствовали четыремъ годамъ университета. При успѣшномъ занятіи училище можно было окончить въ десять лѣтъ, съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Мнѣ удалось окончить свое школьное образованіе всего въ девять лѣтъ: въ гимназіи три года и шесть лѣтъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Ежедневно одинъ воспитанникъ четвертаго класса дежурилъ по младшему курсу и одинъ воспитанникъ четвертаго класса дежурилъ по младшему курсу и одинъ воспитанникъ перваго класса дежурилъ по всему училищу. Дежурный воспитанникъ перваго класса дежурилъ по всему училищу. Дежурный воспитанникъ помогалъ дежурнымъ воспитателямъ будить утромъ воспитанниковъ, слѣдилъ за порядкомъ, встрѣчалъ учителей и профессоровъ, подавалъ имъ классный журналъ и исполнялъ вообще всѣ мелкія, но неизбѣжныя дѣла, связанныя съ ежедневною жизнью училища. Кромѣ того одинъ воспитанникъ отъ младшаго и одинъ отъ старшаго курса ежедневно назначался дежурнымъ по кухнѣ.

По традиціи, младшіе воспитанники должны были съ полнымъ уваженіемъ относиться къ старшимъ воспитанникамъ, — не смѣли входить

въ старшій классъ безъ разрѣшенія, должны были утромъ скорѣе уходить изъ «умывалки», отдавать честь на улицѣ. За уклоненіе отъ исполненія сей традиціи старшіе могли подтягивать и «цукать» младшихъ. Въ мое время такое «цуканіе» проявлялось въ мягкой формѣ. Въ послѣднее время способы цуканія обострились и слышны были сильныя нареканія со стороны «цукаемыхъ». Возможно, что и то и другое было преувеличено, но какъ способъ поддержанія дисциплины, воспитанія воли, характера, самообладанія, почтенія къ старшимъ—училищное «цуканіе» имѣло за собою много полезнаго и хорошаго. «Цуканію» подвергались исключительно новички, т. е. поступившіе въ одинъ изъ классовъ, а не начавшіе свое пребываніе въ училищѣ съ младшаго приготовительнаго класса. На старшій курсъ можно было поступить только въ третій классъ, выдержавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Во второй и первый классъ новички не принимались.

Къ дурной сторонѣ «цуканія» слѣдуетъ отнести то, что оно могло также примѣняться со стороны своихъ же одноклассниковъ и что форма «цуканія» была въ большинствѣ случаевъ безсмысленна и иногда обидна, затрагивая чувства національныя или религіозныя. Излюбленною формою «цуканія» бывала та, когда новичка заставляли прочесть лекцію о какомъ нибудь совершенно невозможномъ предметѣ или на совершенно безсмысленную тему, напримѣръ — «о безсмертіи души рябчика». Иногда новички третьяго клас-

са бывали ночью разбужены поздно вернувшимся изъ отпуска старшимъ товарищемъ перваго класса и должны были «явиться и представиться» ему, произнося самую сложную и безсмысленную формулу явки. Если они немедленно являлись прямо какъ лежали въ постели, т. е. въ одной рубашкѣ, то ихъ разносили за то, какъ они смѣютъ являться въ такомъ видѣ; если они успѣвали надѣть мундиръ или курточку — имъ доставалось за ношеніе ночью мундира или курточки. Это было глупо. Разъ одного воспитанника третьяго класса на традиціонномъ обѣдѣ «сліянія» товарищи перваго класса заставили выпить стаканъ горячей водки. Это было вредно для здоровья. Были рѣдкіе случаи, что новичокъ не выносилъ «цуканія» и уходилъ изъ училища. Напримѣръ, новичекъ Августовскій ушелъ, но чрезъ годъ вернулся и окончилъ. Оскорбленіе національныхъ или религіозныхъ чувствъ достойно всякаго порицанія.

Директоръ училища Иванъ Самойловичъ Алопеусъ, бывшій во времена пребыванія въ училищѣ моего отца классным ъ воспитателемъ, меня полюбилъ и говорилъ что я, будучи очень похожимъ на отца, напоминаю ему его молодость. Алопеусъ, бывшій артиллерійскій офицеръ, былъ стройный, сухощавый, красивый старикъ, съ бравыми сѣдыми усами, грозными пушистыми бровями, дѣтски-ясными голубыми глазами, прямымъ большимъ носомъ въ золотомъ пенснэ. Онъ умѣлъ и любилъ «разносить» и казаться гроз-

нымъ. Но всегда, даже въ минуту дѣйствительнаго гнѣва, когда онъ въ обращенiи къ провинившемуся воспитаннику имѣлъ привычку примѣнять слово «батенька» (болѣе сильнаго браннаго слова въ его лексиконѣ не было), всегда чувствовалось, что онъ разноситъ любя, желая добра, желая поскорѣе простить, дать возможность загладить вину. Было стыдно, чувствовалось сознанiе вины, являлось раскаянiе. Его гнѣвъ всегда былъ справедливъ.

Вторымъ современникомъ моего отца былъ, старѣйшiй по возрасту, классный воспитатель Евгенiй Федоровичъ Герцогъ, добрѣйшiй старикъ, носившiй всегда форменный фракъ и ходившiй съ опущенною головою, держа руки за спиною и слегка посвистывая. Онъ меня сильно пристыдилъ за игру на роялѣ на первой недѣлѣ великаго поста, во время говѣнiя. Звали его «Ядрешкою».

Мое пребыванiе въ шестомъ классѣ омрачено было двумя грустными событiями: смертью инспектора воспитанниковъ Шульца, много лѣтъ занимавшаго эту должность и всѣми уважаемаго и оскорбленiемъ по лицу, нанесеннымъ въ моемъ классѣ воспитанникомъ Беромъ учителю латинскаго языка Юлiю Василiевичу Слефогту. Послѣднiй былъ уже преклоннаго возраста, обладалъ длиннѣйшими сѣдыми бакенбардами, бритымъ подбородкомъ и краснымъ лицомъ, былъ незлобивъ и не строгъ; говорилъ съ акцентомъ; преподавалъ старательно, спокойно и дѣлалъ все

возможное, чтобы облегчить изученіе правилъ латинской грамматики. Такъ напримѣръ: въ латинскомъ языкѣ существуютъ глаголы, употребляемые только въ третьемъ лицѣ; для облегченія ихъ запоминанія онъ сложилъ ихъ въ рифму и, дирижируя поднятымъ указательнымъ пальцемъ правой руки, декламировалъ сперва та ла, та ла, та ла ла, та ла, та ла талала, а потомъ слѣдовали уже глаголы:

„piget, pudet, poenitet,
taedet atque miseret“.

Способъ безусловно хорошій, ибо я до сихъ поръ ихъ не забылъ. Слефогту воспитанники дали кличку «бѣлаго слона», съ коимъ онъ имѣлъ какъ будто сходство, а также звали «Юлькой». Беръ былъ очень нервный, злой и неспокойный мальчикъ; наканунѣ Слефогтъ поставилъ ему пять балловъ при двѣнадцатибальной системѣ. Беръ взволнованно говорилъ намъ, что отомститъ жестоко и на слѣдующее утро подошелъ къ сидящему въ классѣ на кафедрѣ Слефогту и ударилъ его ладонью по лицу. Старикъ заплакалъ и со словами «вотъ до чего я дожилъ» вышелъ изъ класса. Тяжелая, безобразная сцена. Беръ былъ исключенъ изъ училища. Родители подвергли его наказанію розгами и пріѣзжали къ Слефогту просить прощенія за гнусный поступокъ сына. Слефогтъ простилъ и сказалъ, что жалѣетъ «этого несчастнаго мальчика».

У Слефогта былъ сынъ Николай, который воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія и окончилъ

его въ 1896 году. Занимая должность непремѣннаго члена Ярославскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, онъ пріѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ Столыпину и 12 Августа 1906 года погибъ отъ взрыва на Елагинской дачѣ министра.

Въ училищѣ было двѣ должности инспектора: инспекторъ воспитанниковъ и инспекторъ классовъ; послѣдній вѣдалъ исключительно учебною частью. Должность эту занималъ профессоръ Римскаго права Лудольфъ Борисовичъ Дорнъ. Его главнымъ авторитетомъ былъ нѣмецкій профессоръ Іерингъ, коего извѣстное сочиненіе: „Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwickelung" являлось его настольною книгою, которую онъ и насъ въ старшемъ курсѣ заставлялъ зубрить чуть не на память. Она начиналась такъ: «Три раза Римъ диктовалъ міру законы. Три раза призывалъ народы къ единству»... Дорнъ былъ очень нервный, подвижной человѣкъ, все время потиралъ руки или одну о другую или о свою спину и пониже; движенія эти повторялись часто и вызывали остроумныя замѣчанія воспитанниковъ. Дорнъ часто ѣздилъ съ научною цѣлью заграницу, такъ что на эту тему про него и его жену, остававшуюся дома, даже сложили пѣсню, начинавшуюся словами: «Дорнъ поѣхалъ заграницу осмотрѣть Европу»...

На мѣсто скончавшагося инспектора воспитанниковъ Шульца былъ назначенъ морской офи-

церъ, капитанъ второго ранга Василій Василіевичъ Вахтинъ; у него была вывихнута правая нога; говорили—послѣдствіе паденія въ пьяномъ видѣ съ мачты; ногу эту онъ слегка волочилъ; ходилъ безшумно, нося мягкія подошвы; былъ коротокъ и круглъ въ туловищѣ, мягокъ и вкрадчивъ въ манерахъ, носилъ всегда форменный морской сюртукъ и кортикъ. Вахтинъ поставилъ себѣ цѣлью подтянуть воспитанниковъ во всѣхъ отношеніяхъ и установилъ для этой цѣли тайную слѣжку за ними. Удаливъ многихъ старыхъ служителей изъ отставныхъ солдатъ и замѣнивъ ихъ новыми, себѣ преданными, онъ установилъ болѣе строгій надзоръ за воспитанниками, при чемъ, имѣя ключи паспарту и передвигаясь безшумною походкою, онъ обыкновенно появлялся тамъ гдѣ его менѣе всего ждали. Конечно, это вызывало неудовольствіе воспитанниковъ и сохранившихся немногихъ старыхъ «дядекъ», служащихъ въ училищѣ уже многіе годы, какъ напримѣръ дядьки: старикъ Петровъ, чухонецъ Армонъ, хитрый Матвѣевъ, чернобородый Балабановъ, столовщикъ Дмухъ, искренне преданныхъ своимъ питомцамъ. Вахтинъ наказывалъ дядекъ за принесеніе лакомствъ и предметовъ питанія, за которыми воспитанники ихъ посылали. Приходилось, чтобы не подводить подъ наказаніе служителей, воздерживаться отъ посылокъ за лакомствами и тѣмъ лишать ихъ дополнительнаго заработка въ видѣ чаевыхъ. Неудовольствіе было съ двухъ сторонъ. За куреніе, обнаруживаемое имъ даже

въ самыхъ укромныхъ мѣстахъ и разрѣшенное только въ старшемъ курсѣ, гдѣ была особая «курилка», Вахтинъ наказывалъ лишеніемъ отпуска. Такая система подглядыванія и подслушиванія, совершенно чуждая покойному инспектору Шульцу, претила всѣмъ традиціямъ и всему духу училища. Всякій шпіонажъ и доносъ клеймился презрѣніемъ. Были неоднократно крупныя недоразумѣнія и объясненія съ Вахтинымъ, доходившія до разрѣшенія директора. Къ сожалѣнію, Вахтинъ былъ отчасти правъ въ преслѣдованіи своей цѣли. Но былъ очень неправъ въ средствахъ, которыя онъ для того употреблялъ. Непонятно, какъ Вахтинъ, будучи морскимъ офицеромъ и окончивъ морское училище, имѣвшее свои хорошія традиціи, могъ опуститься до шпіонажа.

Вахтинъ ни уваженіемъ, ни, конечно, расположеніемъ воспитанниковъ не пользовался. Его даже не боялись, отчасти бойкотировали, вступали только въ необходимые разговоры. Про него сложена была пѣснь; одинъ изъ болѣе мягкихъ ея варіантовъ сохранился отчасти въ моей памяти, привожу его, выпуская припѣвъ и нѣсколько болѣе сильныхъ строфъ:

Пѣснь о Вахтинѣ.

«Училище есть на Фонтанкѣ,
Покойный Принцъ Петръ основалъ,
Въ училищѣ томъ есть инспекторъ —
Вахтинъ — ему имя Богъ далъ.

Ключи паспарту подобравши,
За нами шпіонить онъ сталъ
И старыхъ солдатъ всѣхъ прогнавши,
Подобныхъ себѣ подобралъ.
У всѣхъ у нихъ глупыя рожи,
Походка тиха и хитра,
Стараются, лѣзутъ изъ кожи,
Вахтинъ и его вахтера.
Вахтинъ — это с... морская,
Случайно къ намъ въ школу попалъ,
Ахъ, скоро ль дождуся я мая,
Чтобъ я ему въ шею наклалъ».

Обычно пѣснь эту начинали пѣть хоромъ, лишь только замѣчали появленіе на горизонтѣ Вахтина. Конечно ему было извѣстно содержаніе пѣсни, а также всѣхъ ея варіантовъ. Такое положеніе долго продолжаться не могло, и Вахтинъ былъ смѣненъ, кажется все таки только послѣ двухъ лѣтъ службы, полковникомъ Ганике. Ганике былъ благородный человѣкъ, довольно мягкій, умѣвшій стать въ добрыя отношенія съ воспитанниками. Если ему иногда давали кличку «Гаденькій», то это дѣлалось безъ всякаго основанія, исключительно по злому созвучію словъ.

Вскорѣ послѣ ухода Вахтина покинулъ училище, къ общему всѣхъ сожалѣнію, и нашъ любимый, уважаемый директоръ Алопеусъ. Его замѣнилъ дѣятельный и энергичный генералъ Пантелеевъ. Училищная поэзія реагировала на его появленіе слѣдующими стихами:

«Совсѣмъ училище упало:
Директоръ видно устарѣлъ.
Такихъ рѣчей велось не мало,

Но Принцъ былъ опытенъ и смѣлъ.
Въ своей рѣчи о правосудьи
Онъ высказалъ правдивый взглядъ,—
Что намъ теперь нужны не судьи,
А бравый строевой солдатъ.
«Чтобъ вышелъ толкъ изъ дуралеевъ
Имъ нуженъ бравый Пантелеевъ».
Такъ Попечитель нашъ рѣшилъ,
И въ должность генералъ вступилъ.
Свершилося: и вотъ съ тѣхъ поръ мы
Двѣ знаемъ коренныхъ реформы:
Онъ перенесъ спектакль въ залъ
И разрѣшилъ устроить балъ».

(Любительскіе спектакли сперва устраивались въ «умывалкѣ», а зрители помѣщались въ дортуарѣ).

Стихи эти, кажется, принадлежали перу старшаго, рано скончавшагося отъ чахотки, Ридигера Георгія. Помню небольшой сборникъ его стиховъ, изданный имъ въ періодъ пребыванія на старшемъ курсѣ.

На первой страницѣ посвященіе слѣдующее:

«Моя святая Беатриче!
Къ твоимъ стопамъ несу я въ даръ
Изъ сердца рвущіеся звуки
И пѣсни вдохновенной жаръ».

На послѣдней страницѣ заключеніе слѣдующее:

«Всѣ говорятъ — ученье свѣтъ,
А неученье — это тьма.
Но и въ наукѣ проку нѣтъ,
Коль нѣтъ природнаго ума».

Бѣдный, славный Жоржъ. Его душа была такъ же нѣжна, какъ и его здоровье, не вынесшее

петербургскаго климата. Онъ много обѣщалъ въ жизни. Звали его товарищи „Rue de la guerre", офранцузивая его нѣмецкую фамилію.

Моимъ воспитателемъ, доведшимъ меня съ шестого класса до выпуска въ 1890 году изъ училища, былъ французъ Миллью, небольшого роста, коренастый, съ окладистою рыжею, цвѣта ирландскаго сеттера, бородою, толстою красноватою физіономіею, брюшкомъ и въ пенснэ. Не могу сказать, чтобы мы его любили, но онъ былъ внимательный и добросовѣстный воспитатель; выслужилъ на русской службѣ много орденовъ и чинъ статскаго совѣтника, и потому сынъ его былъ принятъ въ число воспитанниковъ училища и находился въ одномъ со мною классѣ. Вообще положеніе классныхъ воспитателей — иностранцевъ было прекрасное. Всѣ они были обезпечены хорошимъ содержаніемъ, съ перспективою хорошей пенсіи за двадцатипятилѣтнюю службу, получали ордена, чины, имѣли казенную хорошую квартиру въ зданіи училища и не были обременены работою. Миллью бывалъ иногда вспыльчивъ и тогда несдержанъ, въ особенности въ отношеніи двухъ, трехъ воспитанниковъ, которые любили ему грубить. Баронъ Гойнингенъ Гюне однажды чуть не довелъ его до апоплексическаго удара, отказавшись встать при разговорѣ съ нимъ. Миллью громко назвалъ его **„impertinent"**, на что Гюне отвѣтилъ: **„vous même vous êtes impertinent"**. Онъ былъ остзейскій баронъ. Антипатія была взаимная. Миллью но-

силъ кличку «Песъ». Однажды во время его вечерняго дежурства въ залѣ старшаго курса, когда онъ предался дремотѣ, сидя за столомъ, ему незамѣтно положенъ былъ на столъ большой листъ бѣлой бумаги, на которомъ написано было: «Песъ» и затѣмъ отборное трехъ-этажное ругательство. Онъ разсвирѣпѣлъ и бросился жаловаться появившемуся какъ разъ въ это время въ дверяхъ залы директору. На вопросъ Алопеуса, почему онъ принимаетъ это ругательство на свой счетъ, Миллью, потрясая листомъ и тыча себя указательнымъ пальцемъ въ грудь, взволнованно заявилъ: „le «Песъ» — c'est moi“.

Къ забавному и странному способу изводить нелюбимыхъ воспитателей принадлежало такъ называемое «пусканiе». «Пустить» кому нибудь состояло въ томъ, что, неожиданно появляясь и исчезая, иногда совсѣмъ скрытые въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько воспитанниковъ издавали горломъ дикiе, отрывистые крики, хрипы; звуки отъ качества и неожиданности которыхъ приходилось невольно вздрагивать. Обычно это производилось вечеромъ и направлялось противъ воспитателя, дежурящаго за столомъ въ углу зала; предварительно притушивали нѣкоторыя лампы и тогда, безъ того полутемный залъ, погружался совсѣмъ въ мракъ. Поймать виновныхъ было невозможно. Помню, какъ въ одномъ такомъ «пусканiи» особенно отличился графъ Старжинскiй, своевременнымъ тушенiемъ лампъ, содѣйствовавшiй полному успѣху предпрiятiя. Об-

ладая изысканными, отличными манерами, онъ былъ вѣрный товарищъ. Менѣе хорошимъ товарищемъ былъ графъ Тышкевичъ, не жившій въ училищѣ, а бывшій экстерномъ. У него было круглое лицо и свѣтлые большіе глаза, безъ выраженія; его изображали обыкновенно демонстрируя тарелку, съ налѣпленными на ней изъ хлѣбнаго мякиша четырьмя черточками, изображающими два глаза, носъ и ротъ. Сходство было поразительное. Онъ очень сердился. Третій полякъ, Стась Горваттъ, былъ очень милый товарищъ, его любили и не изводили, не смотря на его сильный акцентъ. «Пускать» любили также иногда безобиднѣйшему училищному старожилу, учителю музыки французу Дею. Уроки игры на роялѣ давались въ особой комнатѣ, называемой «музыкалкою», гдѣ стояло рядомъ два рояля; на одномъ упражнялся обучаемый, на другомъ въ это же время самъ Дей часто производилъ упражненія для пальцевъ, при чемъ очень увлекался и весь погружался въ это упражненіе; дверь тихонько пріотворялась, просунувшаяся голова воспитанника адскимъ голосомъ «всхрипывала» «Дей, Дей» и моментельно исчезала. Дей вздрагивалъ, вскакивалъ, выбѣгалъ въ корридоръ, но озорника и слѣдъ простылъ.

Музыка въ училищѣ процвѣтала. Образовался большой оркестръ, коимъ управлялъ знаменитый Келлеръ, игравшій первую скрипку въ оркестрѣ Императорской Маріинской оперы. Кромѣ того, подъ управленіемъ впослѣдствіи всеміpно

извѣстнаго балалаечника - правовѣда — Абазы, составился оркестръ балалаечниковъ, въ которомъ кромѣ Абазы отличались виртуозною игрою баронъ Раденъ и Всеволодъ Карташевъ. Выдающимся скрипачемъ былъ П. П. Шиловскій, изобрѣвшій впослѣдствіи одноколесную желѣзную дорогу, а также Галиндо; на віолончели хорошо игралъ мой одноклассникъ Васильевъ.

Изъ иностранцевъ учителей слѣдуетъ упомянуть о двухъ французахъ — старикѣ Бастенѣ и высокомъ, красивомъ, съ длинными бакенбардами Гоппе. Первый, извѣстный своею грамматикою, былъ очень старъ, воспитанниковъ въ лицо не помнилъ, и преподаваніе его сводилось къ тому, что вызванный воспитанникъ долженъ былъ вслухъ читать «Телемака», начавъ со страницы, открытой на удачу. Многіе воспитанники, пожалуй большинство, всегда какъ-то открывали «Телемака» на первой страницѣ, и въ классѣ раздавалось всѣмъ давно уже извѣстное на память: „Calipso ne pouvait se consoler de la perte d'Ulysse“ и т. д. Не смотря на такой не особенно строгій способъ преподаванія, воспитанникъ Каменевъ, по прозвищу «Мопсъ», питавшій врожденную нелюбовь ко всему французскому, ни разу не рѣшился прочесть хотя бы эту первую страницу и, вызванный къ отвѣту, неизмѣнно всякій разъ подымая руку, говорилъ: „malade, malade, permettez moi de sortir“ и, не дожидаясь разрѣшенія, уходилъ изъ класса. Обязательную четвертную отмѣтку въ классномъ журналѣ онъ умудрялся какъ - то

самъ себѣ проставлять. Училища онъ не окончилъ. Французъ Гоппе преподавалъ французскую литературу умѣло; заинтересовывалъ воспитанниковъ, которые охотно разучивали и произносили въ классѣ монологи и діалоги, въ особенности изъ Расина, Корнейля и другихъ писателей, какъ напримѣръ: „Rome, l'unique objet de mon ressentiment“ или: „Rodrigue, as tu du coeur?“ Или: „c'était pendant l'horreur d'une profonde nuit“ или „Comment vous nommez vous?“ „J'ai nom Eliacint“, „Votre perè?“ „Je suis, dit on, un orphelin, entre les bras de Dieu jeté de ma naissance, et qui de mes parents n'eut jamais connaissance“. „Vous etes sans parents?“ „Ils m'ont abandonné“. „Comment et depuis quand?“ „Depuis que je suis né“ etc.

Пятый классъ по справедливости считался однимъ изъ самыхъ трудныхъ въ младшемъ курсѣ. Въ немъ начиналось преподаваніе физики, космографіи, тригонометріи и нѣмецкой литературы. Эти предметы, сами по себѣ не легкіе, преподавались строгими и требовательными учителями. Такъ учитель физики и космографіи Эмилій Христіановичъ Шнейдеръ опредѣленно считался грозою, внушая страхъ и трепетъ, но только въ классѣ; внѣ класса онъ былъ чрезвычайно милъ и отзывчивъ; знаю нѣсколько случаевъ когда воспитанники обращались къ нему за денежною помощью и онъ никогда не отказывалъ, а всегда ссужалъ просимую сумму, требуя только точно установить срокъ отдачи и отдать именно въ этотъ срокъ.

Шнейдеръ былъ старикъ огромнаго роста, съ большими подвижными руками и ногами, необычайной силы, каковою онъ любилъ хвастаться. Большая бѣло-рыжая борода, такого же цвѣта косматые волосы на головѣ, строгіе глаза, подъ необычайной толщины стеклами очковъ, все это придавало его фигурѣ чрезвычайно свирѣпое выраженіе. Наиболѣе трепетнымъ моментомъ былъ моментъ, когда онъ, близко держа классный журналъ предъ глазами и поднимая взоръ всегда снизу вверхъ, выбиралъ фамилію воспитанника, чтобы вызвать къ доскѣ. Тутъ устанавливалась въ классѣ гробовая тишина. Выше 9 балловъ онъ за отвѣтъ не ставилъ, а когда отвѣтъ считалъ неудовлетворительнымъ, то всегда ставилъ три балла, громко тутъ же объявляя «дри». Почему три, а не общепринятую единицу — это былъ его секретъ. Воспитанники такъ боялись его, что въ случаѣ незнанія урока, не подготовки къ уроку, прибѣгали къ не совсѣмъ красивому способу уклоненія или вѣрнѣе исчезновенія изъ класса: учительская кафедра и стулъ помѣщались на довольно значительномъ деревянномъ складномъ возвышеніи, верхняя часть коего, размѣромъ нѣсколько меньше нижней, снималась и давала на полу мѣсто, на которомъ могъ лежать свободно — одинъ человѣкъ, тѣсно — два человѣка; тамъ было грязно и конечно душно. Воспитанникъ, желавшій избѣгнуть вызова къ отвѣту, ложился предъ приходомъ учителя въ классъ подъ кафедру, товарищи накрывали его, какъ полагается,

верхнею частью возвышенія и въ случаѣ, если его вызывалъ сидѣвшій надъ нимъ преподаватель, заявляли, что его нѣтъ сегодня въ классѣ. По окончаніи урока крышка подымалась, и лежавшій выпускался; обычно онъ былъ грязенъ и красенъ, но доволенъ, предпочитая испытать нѣкоторое часовое физическое утомленіе болѣе продолжительному нравственному мученію, получивъ «Эрибалла». Во всякомъ случаѣ, ощущеніе во время лежанія подъ кафедрою бывало сильнымъ. Иногда желающихъ лечь подъ кафедру было нѣсколько и тогда заранѣе устанавливалась очередь, путемъ бросанія жребія, причемъ очередной кандидатъ назывался страннымъ словомъ «субкендиръ». Также странно, вмѣсто слова курить — говорили — «заниматься супомъ»; для того, чтобы начальство не могло догадаться, что приглашеніе «пойдемъ внизъ заниматься супомъ», или «господа, супомъ внизъ» означало приглашеніе идти курить; папироса называлась «сумпедро».

Излюбленнымъ сортомъ папиросъ былъ «Бабочка», коробка въ 25 штукъ, 15 коп., «Царскія»— 10 штукъ, 10 копѣекъ и «Драма», въ коробку коей вложены были слѣдующія стихи: «въ папиросахъ издѣлія «Драма» есть чистѣйшій турецкій табакъ, и что это есть фактъ, не реклама, убѣдится, испробовавъ всякъ. Пусть покуритъ хоть злѣйшій нашъ врагъ, конкуррентъ, или даже хоть дама, всякій скажетъ, что въ папиросахъ издѣлія «Драма» есть чистѣйшій турецкій табакъ». 10 штукъ — 6 копѣекъ.

Преподавателемъ математики былъ инженеръ —генералъ Яковъ Валеріановичъ Илляшевичъ, являвшійся въ училище всегда въ форменномъ генеральскомъ сюртукѣ. Его сынъ Яша, бывшій моимъ одноклассникомъ, очень боялся отца, который къ нему былъ ни только строгъ, но даже придирчивъ. Предчувствуя вызовъ къ доскѣ, Яша начиналъ истово осѣнять себя многократнымъ крестнымъ знаменіемъ, при чемъ сильно нажималъ пальцами на лобъ, плечи и грудь, подымалъ глаза кверху и тяжело вздыхалъ. Такое явное проявленіе благочестія давало поводъ подсмѣиваться надъ нимъ и товарищи называли этотъ процессъ «пузыряніемъ». Яша, не пузыряй» былъ громкій возгласъ, часто грубо прерывавшій его молитвенный экстазъ. Яша былъ очень благочестивъ. Генералъ Илляшевичъ казался для меня, не любившаго математики, строгимъ, и я дважды во время его урока благополучно скрывался подъ кафедрой.

Чрезвычайно серьезно проходили мы курсъ нѣмецкой литературы подъ руководствомъ нѣмца Берлинга, который своимъ краснорѣчіемъ и требовательностью заставлялъ насъ посвящать ей много времени. Берлингъ былъ ростомъ малъ, брюшкомъ толстоватъ, головою круглъ и блестяще лысъ, лысъ настолько, что напоминалъ нѣчто облупленное, вродѣ яйца. Это сходство давало воспитанникамъ поводъ изощряться въ остротахъ. Кличку Берлингъ носилъ кажется «Облупа», или нѣчто въ этомъ родѣ. Однажды мы пи-

сали въ классѣ сочиненіе на тему „Die Jungfrau von Orleans“. Обладая хорошею памятью, я почти дословно написалъ то, что стояло по этому случаю въ книгѣ нѣмецкой литературы. Берлингъ не оцѣнилъ такого моего сочиненія и поставилъ мнѣ единицу, сказавъ: „Pfui, schämen Sie sich“. Я обидѣлся и отношенія наши навсегда остались натянутыми.

Всѣми любимъ былъ учитель русской словесности — Анненковъ. Онъ такъ мастерски читалъ въ классѣ произведенія русскихъ писателей, что мы искренне огорчались, когда звонокъ прекращалъ это чтеніе. Какъ сейчасъ помню, какъ Анненковъ намъ читалъ «Старосвѣтскіе Помѣщики», Гоголя. Какъ глубоко мы воспринимали всѣ ихъ переживанія, а странная пророческая пропажа любимой кошечки и смерть Пульхеріи Ивановны вызывали у многихъ изъ насъ искреннія слезы.

Латинскій языкъ преподавалъ нелюбимый и строгій Вертъ. Его изводили при вхожденіи въ классъ криками: «господа, сегодня Верта не будетъ» и дѣлали видъ, что не замѣчаютъ его прихода. Онъ очень нервничалъ и, сильно картавя на букву «р», начиналъ громко протестовать: «какъ же Верта не будетъ, когда Вертъ пришелъ». Будучи склоненъ къ языкамъ, я довольно хорошо писалъ классное „Extemporale“ и часто помогалъ товарищамъ, посылая имъ тайныя «шпаргалки». Въ одномъ такомъ „Extemporale“ надо было перевести на латинскій языкъ, между прочимъ, слово «пять». Какъ извѣстно, слово «пять» по ла-

тыни переводится „quinque“. По какому то странному затменію памяти я перевелъ слово «пять» на греческій языкъ, написавъ вмѣсто „quinque“ латинскими буквами греческое „pente“ и съ такою двойною, несуразною ошибкою разослалъ по обыкновенію шпаргалки товарищамъ. Полкласса повторило эту мою ошибку. Никто ее не замѣтилъ. Вертъ догадался, кто и что было причиною такой странной ошибки. Онъ поставилъ два балла съ тремя минусами всѣмъ воспитанникамъ, такъ довѣрчиво повторившимъ мою ошибку, а мнѣ поставилъ единицу.

Было ли это справедливо — не знаю.

Греческій языкъ преподавалъ Бюригъ, методичный, симпатичный и добрый. Онъ имѣлъ особую слабость къ буквѣ мягкій знакъ, употребляя ее въ рѣчи тамъ, гдѣ ей вовсе быть не полагалось. Такъ, останавливая воспитанника, подсказывающаго товарищу отвѣтъ, онъ обычно говорилъ: вамъ мольчать». Вмѣсто малая Азія, онъ говорилъ «Мальазія»; поэтому его и прозвали «Мальазіей». Впослѣдствіе онъ былъ назначенъ старшимъ воспитателемъ приготовительныхъ классовъ Училища, или, какъ тогда выражались, — директоромъ Маленькаго Училища Правовѣдѣнія, на Сергіевской улицѣ.

Русскую исторію преподавалъ служившій въ Св. Синодѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Васильевичъ Добряковъ, блондинъ, съ круглою бородкою, въ густомъ русомъ парикѣ, обладавшій нѣжнымъ, пѣвучимъ голосомъ.

Преподавалъ онъ исторію очень хорошо, подробно останавливаясь на русскихъ побѣдахъ. Если русскимъ случалось отступать, то онъ часто выражался: «Русскіе побѣдоносно отступили». Добряковъ любилъ ошарашить невнимательнаго воспитанника неожиданнымъ вопросомъ: «повторите, что я сейчасъ сказалъ». Однажды онъ обратился съ такимъ неожиданнымъ вопросомъ къ Митѣ Волконскому, погруженному по обыкновенію въ чтеніе какой-то книги по химіи: «Волконскій, что я сейчасъ сказалъ?» Волконскій медленно поднялся съ мѣста и тоскливо молчалъ, вопросительно посматривая на товарищей, отъ коихъ ожидалъ подсказа. Кто-то изъ нихъ, желая подшутить надъ нимъ, шепнулъ ему: «Битва Русскихъ съ кабардинцами». Волконскій самымъ серьезнымъ образомъ громко повторилъ: «Битва Русскихъ съ кабардинцами». Классъ разразился хохотомъ, а Добряковъ, голосомъ въ которомъ слышались слезы, сказалъ ему: «Ахъ, вы овца заблудшая!» Добряковъ разсказывалъ о пожарѣ Москвы при нашествіи Наполеона.

Оригинально, но очень успѣшно преподавалъ географію, слегка заикавшійся и потому прозванный «Дыръ, дыръ, дыръ», классный воспитатель Карловъ. Во время уроковъ онъ рѣдко кого вызывалъ, а предпочиталъ провѣрять познанія воспитанниковъ въ бесѣдѣ вдвоемъ, сидя на скамейкѣ, во время своего дежурства, въ залѣ младшаго курса и посвящая каждому не менѣе часа времени. Обычно онъ предлагалъ воспитаннику со-

вершить «мысленное», безъ помощи карты, путешествіе по водѣ или сухимъ путемъ изъ столицы одного государства въ какой либо отдаленный городъ или столицу другого государства; по пути слѣдовало захватывать съ собою главные предметы торговли и промышленности и указывать на достопримѣчательности странъ и городовъ. Этотъ способъ путешествія давалъ очень хорошіе результаты и стоялъ значительно выше простого зазубриванія. Кромѣ того каждый воспитанникъ понемногу чертилъ у себя въ тетради каждую страну свѣта, отмѣчая постепенно всѣ гоусдарства, столицы, города, рѣки, горы, озера и совершалъ «мысленныя» путешествія уже не въ умѣ, а по картѣ. Любимымъ городомъ, о мѣстонахожденіи коего Карловъ спрашивалъ почти всякаго воспитанника былъ почему то городъ «Сантандеръ», а любимымъ вулканомъ «Попокатэпль».

Большое значеніе во всей училищной жизни имѣлъ законоучитель о. протоіерей Пѣвцовъ. Онъ былъ замѣстителемъ долгое время пробывшаго въ училищѣ и пользовавшагося исключительнымъ вліяніемъ и вѣсомъ митрофорнаго протоіерея Парвова, скончавшагося на этомъ посту. О. Пѣвцовъ очень мягко и хорошо исповѣдывалъ во время говѣнія, происходившаго всегда на первой недѣлѣ великаго поста. На старшемъ курсѣ онъ читалъ церковное право. Никогда дурныхъ отмѣтокъ не ставилъ и на экзаменѣ никого не «рѣзалъ». Это была воплощенная доброта, спокойствіе и любовь. Съ понедѣльника на первой

недѣлѣ великаго поста прекращались занятія на младшемъ и на старшемъ курсѣ и воспитанники дважды въ день посѣщали церковную службу, которая, особенно по вечерамъ, бывала продолжительною. Въ эти дни въ училищную церковь приходило говѣть много бывшихъ правовѣдовъ и членовъ ихъ семействъ; они стояли обычно въ боковомъ церковномъ корридорѣ, гдѣ царившій полумракъ особенно содѣйствовалъ молитвенному настроенію. Церковный хоръ, состоявшій исключительно изъ воспитанниковъ, пѣлъ хорошо. Регентствовалъ воспитанникъ старшаго курса Васильевъ. Пищу мы получали строго постную и было голодновато. Запахъ постнаго масла стоялъ ни только въ зданіи училища, но даже и въ Косомъ переулкѣ. Въ Четвергъ вечеромъ начинали исповѣдываться. Въ субботу за обѣдней причащались и послѣ таковой ѣли уже скоромный завтракъ, на сладкое блюдо коего подавались традиціонные «армериттеры съ вареньемъ». На четвертой недѣлѣ говѣли воспитанники трехъ приготовительныхъ классовъ и на шестой и послѣдней всѣ неуспѣвшіе почему либо говѣть на первой недѣлѣ. На первой, четвертой, шестой и седьмой недѣлѣ великаго поста пища всегда была постная. Внѣ поста, по Средамъ и Пятницамъ давалась рыба. Вообще пища въ училищѣ была сносная и въ достаточномъ количествѣ; приносилась и «прибавка». Пили квасъ и иногда воду съ краснымъ виномъ.

Церковнымъ праздникомъ считался день Свя-

той Екатерины, 24 Ноября. Въ этотъ день училищная церковь переполнялась бывшими воспитанниками и ихъ семьями. Августѣйшій попечитель училища Его Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и Ея Императорское Высочество Принцесса Евгенія Максиміліановна Ольденбургская неуклонно удостаивали въ этотъ день училище своимъ посѣщеніемъ. Торжество было семейное, чувствовалось сердцемъ что-то общее, сильное, хорошее, что связывало въ одно цѣлое всю правовѣдскую семью, собравшуюся въ этотъ памятный день помолиться въ стѣнахъ родной церкви, дорогого родного Императорскаго Училища Правовѣдѣнія.

Еще болѣе торжественной бывала церковная служба въ день основанія училища — 5 Декабря. Тогда бывшіе воспитанники являлись въ болѣе парадной формѣ, дамы въ свѣтлыхъ туалетахъ. Прибывшихъ было больше количествомъ. Послѣ обѣдни и молебна всѣ переходили въ залъ старшаго курса, гдѣ всѣмъ присутствовавшимъ предлагалось шампанское, а воспитанникамъ кромѣ того хорошій, вкусный завтракъ. Несмотря на то, что первый бокалъ шампанскаго выпивался почти на тощакъ, сколь вкуснымъ казалось оно, когда первый тостъ поднимался за драгоцѣнное здоровье Государя Императора. Послѣ завтрака обычно происходило въ библіотекѣ училища засѣданіе Комитета Правовѣдской Кассы, а для воспитанниковъ потомъ даровое посѣщеніе Императорскихъ театровъ. Билеты по преимуществу

получали воспитанники, родители коихъ жили внѣ Петербурга. Въ день Св. Екатерины 24 Ноября и въ день основанія училища 5 Декабря священникъ и діаконъ надѣвали старыя, зеленыя съ золотомъ, облаченія, въ коихъ была совершена первая служба при основаніи Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, 5 Декабря 1835 г.

Съ осени 1885 года училище стало готовиться къ празднованію наступающаго 5 Декабря пятидесятилѣтняго юбилея со дня его основанія. Забыты были на время всѣ будничныя мелочи. Сдѣлалось извѣстнымъ, что Императоръ Александръ III осчастливитъ Свое училище посѣщеніемъ. По правиламъ Императору долженъ былъ рапортовать дежурный воспитанникъ перваго класса. Какъ извѣстно, Императоръ Александръ III былъ высокаго роста, поэтому, чтобы не заставлять Императора стоять во время рапорта со склоненною головою, въ неудобной позѣ, надо было выбрать воспитанника соотвѣтствующаго роста. Таковымъ оказался воспитанникъ перваго класса Иславинъ 1-ый самый высокій по росту во всемъ училищѣ, статный, отлично сложенный брюнетъ, особенно отчетливо «печатавшій» ногами шаги*). Иславинъ отлично исполнилъ данное ему порученіе и Государь остался доволенъ, осчастлививъ его милостивыми словами. Вмѣстѣ съ Государемъ удостоили посѣще-

---

*) Былъ впослѣдствіи Новгородскимъ губернаторомъ. Нынѣ проживаетъ въ Парижѣ.

ніемъ училища многіе члены Императорской фамиліи. Пріемъ былъ торжественный, радостный, восторженный и во всѣхъ отношеніяхъ удачный. Поэтъ Апухтинъ привѣтствовалъ юбилей слѣдующими стихами, которые привожу на память и прошу простить, если найдутся неточности:

Къ пятидесятилѣтнему юбилею Императорскаго Училища Правовѣдѣнія.

«И грустенъ и свѣтелъ нашъ праздникъ, друзья.
Спѣша въ эти стѣны родныя,
Отвсюду стеклась правовѣдовъ семья,
Поминки свершать дорогія.
Помянемъ же перваго Принца Петра —
Для насъ его имя священно,
Онъ былъ намъ примѣромъ,
Онъ жилъ для добра,
Онъ другомъ намъ былъ неизмѣннымъ.
Помянемъ наставниковъ дней молодыхъ,
Завѣтъ свой исполнившихъ строго.
Помянемъ товарищей дней золотыхъ —
Въ полвѣка ушло ихъ такъ много».

Хоромъ воспитанниковъ была исполнена кантата, посвященная памяти незабвеннаго основателя Императорскаго Училища Правовѣдѣнія Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго:

«Правды свѣтлой чистый пламень
До конца въ душѣ хранилъ
Человѣкъ, что первый камень
Школѣ нашей положилъ.
Онъ для насъ въ заботахъ нѣжныхъ
Не щадилъ трудовъ и силъ,
Онъ изъ насъ сыновъ надеждныхъ
Для отчизны возрастилъ.

Правовѣдъ! Какъ Онъ — высоко
Знамя истины держи.
Будь Царю-Царево око,
Вѣрный недругъ всякой лжи.
И стремясь ко благу съ вѣкомъ,
Помни школьныхъ дней завѣтъ:
Гражданиномъ, человѣкомъ
Былъ и будетъ правовѣдъ».

Вечеромъ въ училищѣ состоялся блестящій балъ, а на слѣдующій день обѣдъ, данный Принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ всѣмъ настоящимъ воспитанникамъ училища. Обѣдъ прошелъ съ такимъ подъемомъ, былъ такъ вкусенъ, что я послѣ обѣда былъ доставленъ къ отцу въ Hotel de Paris почти въ безчувственномъ состояніи. Прислуга отеля сплетничала, что когда меня на рукахъ несли по лѣстницѣ, то я будто настойчиво кричалъ ура. Думаю, что это сильно преувеличено.

Наканунѣ 5 Декабря всѣ воспитанники ѣздили въ Сергіевскую Пустынь поклониться покоющемуся тамъ праху Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго.

По поводу 50-ти лѣтняго юбилея училища мы были распущены по домамъ на три дня.

Въ память 50-ти лѣтняго юбилея была отчеканена и роздана особая серебряная медаль, которую воспитанники носили всегда при цѣпочкѣ, такъ же какъ и получаемую при окончаніи училища изъ рукъ Принца Ольденбургскаго золотую медаль съ правовѣдскимъ на ней девизомъ „Respice finem“. Эти два слова, являются оконча-

ніемъ извѣстнаго латинскаго стиха: „Quidquid agis, prudenter agas et respice finem". Въ переводѣ это означаетъ: «чтобы ты ни совершалъ, дѣлай разумно, конецъ созерцая».

Четвертый классъ занималъ привиллегированное положеніе въ младшемъ курсѣ и потому переходъ изъ пятаго въ четвертый классъ, составляя крупное событіе въ жизни каждаго воспитанника, ознаменовывался обѣдомъ, называемымъ «переломомъ». Сперва обѣдъ этотъ устраивался въ ресторанѣ, почти тайкомъ отъ училищнаго начальства. Потомъ начальство разрѣшило устраивать обѣдъ въ столовой училища, что было очень умно во всѣхъ отношеніяхъ. Въ память этого обѣда обычно чеканился жетонъ, одна половина коего была золотая, а другая серебряная; поперекъ жетона шла надпись «переломъ», число, мѣсяцъ и годъ.

Перейдя въ третій классъ, т. е. на старшій курсъ, бывшіе воспитанники четвертаго класса, хотя и замѣняли серебряный галунъ золотымъ, но утрачивали свое привиллегированное положеніе и становились какъ бы въ подчиненное положеніе по отношенію къ воспитанникамъ второго и въ особенности перваго класса. Въ ознаменованіе перехода на старшій курсъ, воспитанники третьяго класса устраивали старшимъ товарищамъ обѣдъ, называемый «сліяніемъ». Послѣ этого обѣда, устраиваемаго обычно въ концѣ учебнаго года, разница между воспитанниками третьяго класса и остальными двумя классами считалась сглаженною.

6

Воспитанники второго класса, при переходѣ въ первый классъ, получали во время акта изъ собственныхъ рукъ Августѣйшаго Попечителя Принца Александра Петровича Ольденбургскаго шпагу и это событіе служило поводомъ къ устройству «шпажнаго ужина». При выпускѣ изъ училища, въ концѣ Мая мѣсяца, обычно бывалъ «выпускной обѣдъ», а потомъ обѣдъ у Принца Ольденбургскаго, на его дачѣ въ Новомъ Петергофѣ.

Помню, какъ милы, радушны и внимательны были Августѣйшіе Хозяева на нашемъ выпускномъ обѣдѣ. Нѣкоторые мои друзья сказали Ея Императорскому Высочеству Принцессѣ Евгеніи Максиміліановнѣ, будто я скоро собираюсь жениться. Ея Высочество милостиво поздравила меня и обѣщала быть непремѣнно посаженною матерью на моей свадьбѣ. Увы! Она уже въ Бозѣ почила, а я еще не женился.

Это было 30 Мая 1890 года.

Въ описываемое мною время занятіе спортомъ было только въ зачаточномъ состояніи. О тѣхъ видахъ спорта, въ какихъ онъ сейчасъ проявляется, когда по улицамъ, большимъ и малымъ дорогамъ и просто безъ дорогъ часто встрѣчаются толпы полуодѣтыхъ, нумерованныхъ людей, обоего пола бѣгущихъ безъ оглядки и во всѣ лопатки, изъ одной мѣстности въ другую для того, чтобы первый добѣжавшій субъектъ былъ сфотографированъ и получилъ какую нибудь безполезную вещь въ видѣ вазы, когда на открытыхъ аренахъ

люди, съ разрѣшенія начальства, бьютъ другъ друга въ морду, выбиваютъ зубы, «рвутъ глаза, кровь пускаютъ», калѣчатъ и даже убиваютъ другъ друга — такого спорта мы не знали и конечно не думали, что когда нибудь можемъ сдѣлаться свидѣтелями такого милаго публичнаго «мордобойства», именуемаго «боксомъ». Былъ только въ то время одинъ случай, когда мы слышали о боксѣ — это въ монологѣ Расплюева, въ комедіи «Свадьба Кречинскаго», при несравненномъ актерѣ Давыдовѣ. Расплюевъ горько жаловался Кречинскому - Далматову, какъ его били «боксомъ» и кто же боксъ выдумалъ: «англичане, просвѣщенные мореплаватели»; «ну! ударь разъ, ударь два и удовлетворись, а то «боксомъ», до безчувствія, я, говоритъ, изъ него лучинъ нащиплю: и нащипалъ». Боксъ считался уголовно наказуемымъ проступкомъ. Въ наше время мы играли «въ городки», бѣгали на гигантскихъ шагахъ вокругъ столба, играли руками въ небольшой мячъ, ѣздили верхомъ, занимались фехтованіемъ, дрались на эспадронахъ, дѣлали гимнастику, танцовали.

Свободное отъ занятій время, зимою и лѣтомъ воспитанника обычно проводили въ училищномъ саду, значительная часть коего была покрыта со стороны Сергіевской улицы навѣсомъ, защищавшимъ отъ непогоды. Фуражку безкозырку и пальто въ саду почти не носили. Любимою игрою была игра въ «городки». Играющіе раздѣлялись на двѣ партіи, обыкновенно по четыре

человѣка въ каждой; на извѣстномъ разстояніи отъ каждой партіи ставился рядъ деревянныхъ, круглыхъ столбиковъ, вышиною приблизительно въ четыре вершка и въ діаметрѣ приблизительно въ два вершка; это была стѣна, за которой очерчивался на землѣ, съ остальныхъ трехъ сторонъ, приблизительно саженный квадратъ, обозначающій границы городка; путемъ бросанія деревянной, довольно тяжелой палки, длиною около аршина и постепенно утолщенной къ концу, надо было выбить столбики за черту. Если столбикъ отъ удара брошенной палки ложился на бокъ, оставаясь въ чертѣ города, то назывался «свинкой»; попасть палкой въ такую «свинку» и выбить ее за черту города становилось конечно труднѣе. Ловкость удара состояла въ томъ, чтсбы ударъ пришелся по преимуществу по верхушкѣ столбиковъ, дабы они, не ложась на бокъ, т. е. не дѣлаясь «свинкой», сразу вылетѣли бы за черту города. Игра требовала вѣрнаго глаза, силы и умѣнія бросать тяжелую палку ровно, плашмя. Лучшими игроками считались Богдановичъ, бывшій къ удивленію лѣвшею и Эттингенъ; затѣмъ Свяцкій Коля и Воронецъ Дима. Богдановичъ и Эттингенъ оба училища не окончили. Когда они состязались въ «городки», то всѣ находящіеся въ саду собирались смотрѣть, иногда держали пари на сладкіе пирожки. Голоса раздѣлялись, оживленіе было всеобщее. Въ немъ часто принималъ участіе и французъ, классный вопитатель, милѣйшій Гютинэ. Говорили, что онъ отставной барабан-

щикъ, что казалось возможнымъ, въ виду его сравнительной грубости. Одинъ глазъ у него былъ косъ и смотрѣлъ, какъ говорятъ, «въ Арзамасъ». Мой другъ Николай Сергѣевичъ Худековъ, по прозвищу «Хрундя», увѣрилъ меня, что онъ этимъ глазомъ ничего не видитъ и что это легко провѣрить, показавъ ему со стороны этого глаза языкъ. Тутъ же въ саду, я довѣрчиво произвелъ этотъ опытъ и немедленно былъ отправленъ Гютинэ на верхъ въ залъ „á la colonne“ т. е. долженъ былъ провести около получаса, стоя у одной изъ колоннъ поддерживающихъ потолокъ въ залѣ младшаго курса. Другой разъ, когда Гютинэ явился въ садъ въ отличной бобровой шинели, Худекову захотѣлось посмѣшить товарищей и думая, что Гютинэ ничего не понимаетъ по русски, Худековъ громко закричалъ: «господа, у кого пропала шинель?» Гютинэ понялъ и немедленно отправилъ его „au cachot“. Такъ невольно я былъ отмщенъ судьбою. Въ жизни взрослыхъ людей тоже бываютъ подобнаго рода случаи.

Верховая ѣзда производилась иногда въ саду, подъ навѣсомъ, но въ большинствѣ случаевъ въ манежѣ Эйзентраута на Моховой улицѣ, куда воспитанники отправлялись поклассно. Мы очень любили этотъ родъ занятій и время верховой ѣзды проходило всегда очень весело. Особенно хорошо ѣздилъ верхомъ мой другъ Митя Волконскій; онъ былъ сыномъ князя Волконскаго, помѣщика степной Симбирской губерніи и потому прозваннаго «Митей Симбирскимъ», чрезвы-

чайно сильно картавящимъ на букву «р» и «я». Митя Симбирскій въ степяхъ привыкъ скакать безъ сѣдла; въ манежѣ сѣдло его очень стѣсняло и онъ всегда старался отъ него избавиться; онъ не любилъ ѣзды рысцой, предпочиталъ карьеръ, на лошади сидѣлъ, какъ привязанный и при карьерѣ издавалъ дикіе звуки, отъ коихъ манежныя лошади пугались, бросались въ стороны, вызывая иногда паденіе менѣе опытныхъ ѣздоковъ. Митя Симбирскій былъ высокаго роста, слегка сутулый, смуглый, съ такою сильною черною растительностью на лицѣ, что всегда казался не бритымъ и гораздо старше своего возраста. У него были нѣкоторыя странности; такъ онъ любилъ иногда встать въ пять часовъ утра и заняться въ классѣ изученіемъ какой нибудь медицинской или химической книги; онъ зналъ на какія составныя части разлагается вино, пиво, водка; сколько процентовъ сивушнаго масла, энантъ-эфира и чистаго алкоголя въ водкѣ. Митя Симбирскій увѣрялъ, что его желудокъ отправляетъ свои функціи только разъ въ недѣлю, что отъ этого его здоровье нисколько не страдаетъ и что это даетъ ему большую экономію времени и избавляетъ отъ многихъ неудобствъ. Достигъ онъ этого при помощи «наспиртовыванія» организма, путемъ регулярнаго принятія извѣстнаго количества алкоголя, въ видѣ водки. Опытъ «наспиртовыванія» заинтересовалъ меня и я одно время сталъ составлять Митѣ Симбирскому компанію въ этомъ научномъ опытѣ. Я пилъ, сознаюсь, съ отвращеніемъ и скоро

отсталъ, тѣмъ болѣе, что товарищи, замѣчая иногда мою нетвердую походку, стали дразнить, называя меня «Пахомовымъ» и укоряя: «Пахомовъ, опять наклюкался». Пахомовъ былъ новый помощникъ швейцара, вскорѣ удаленный за любовь къ спиртнымъ напиткамъ. Мнѣ была очень обидна новая моя кличка «Пахомовъ», тогда какъ меня прежде всегда звали «маркизъ Нишибонзо» или просто «Маркизъ»». Слово Нишибонзо, прочитанное обратно, будетъ моя фамилія Ознобишинъ. Къ моему удовольствію, съ прекращеніемъ опыта «наспиртовыванія», была предана забвенію и моя временная дополнительная кличка «Пахомовъ»; меня звали также «Бишкою».

Учителемъ фехтованія былъ еще знаменитый, несмотря на свою старость, Гаveманъ. Онъ едва на ногахъ держался, но въ рукахъ былъ такъ силенъ и въ фехтовальномъ искусствѣ такъ опытенъ, что никто не могъ выбить изъ его рукъ рапиру. Съ нимъ являлись два дюжихъ помощника, забавно выкрикивающихъ французскую команду, напримѣръ: «антавъ подъ руку».

Гимнастику преподавалъ бритый, актерскаго вида, плотный, коллежскій регистраторъ Николай Ивановичъ Флигельманъ. Для гимнастики существовалъ особый большой «бѣлый залъ», уставленный необходимыми гимнастическими принадлежностями, какъ трапеціи, кобыла и прочія. Гимнастическія упражненія были поставлены очень хорошо и Флигельманъ, со своими помощниками, былъ на должной высотѣ.

Танцовальному искусству обучалъ насъ балетмейстеръ Троицкій, служившій въ Императорскомъ балетѣ и танцовавшій «Конька Горбунка» въ балетѣ того же имени. Это былъ стройный, не молодой человѣкъ, съ холеными «котлетками» на щекахъ, съ фатоватыми манерами и голосомъ, въ отлично сшитомъ фракѣ и лакированныхъ туфляхъ. Съ нимъ являлся оркестръ, состоявшій изъ скрипки, віолончели и контрабаса. Послѣдній игралъ такъ громко, что иногда заглушалъ весь оркестръ и звуки имъ издаваемые имѣли большое сходство со звуками, получаемыми отъ передвиганія комода съ мѣста на мѣсто. Для держанія такта это было удобно. Мы становились попарно, **vis-á-vis.** Троицкій командовалъ: «Первая фигура контръ-данса! Дамы съ этой стороны! Кавалеры съ той!» Хлопалъ въ ладоши. Музыка играла первую фигуру. Мы начинали двигаться.

Не чужды мы были и театральному искусству, устраивая въ училищѣ любительскіе спектакли, сначала на скромныхъ началахъ въ умывалкѣ старшаго курса и только для воспитанниковъ. Однако мало по малу начальство училища пошло на встрѣчу и спектакли стали устраиваться въ залѣ старшаго курса, часто въ соединеніи съ концертнымъ отдѣленіемъ. Женскія роли съ выдающимся успѣхомъ игралъ Половцовъ Александръ, умѣя носить женскія платья и обладая пріятнымъ женскимъ голосомъ, также Власовъ Александръ, обладавшій красивою наружностью. Въ мужскихъ роляхъ былъ особенно хорошъ Шульгинъ Лео-

нидъ. На эти спектакли приглашались присутствовать родные и знакомые воспитанниковъ. Въ то время Александринскій театръ стоялъ очень высоко и многіе изъ воспитанниковъ увлекались имъ, не упуская случая посѣщенія. Савина, Давыдовъ, Аполлонскій, Варламовъ, Левкѣева, Никольскій, Далматовъ, Пуарэ, Мичурина, Арди блистали во всей красѣ.

Съ Варламовымъ я познакомился у моего товарища Миши Вороновича, погибшаго отъ рукъ злодѣевъ въ Кіевѣ во время гетмана Скоропадскаго. У Миши была сестра Марія Михайловна, которую мы называли почему то «Машенька съ своей стороны», и которая была душою общества. При помощи Варламова у Вороновичей былъ устроенъ любительскій спектакль съ постановкою «Сорванца». Мы очень любили общество Варламова, неотступно окружая его. Онъ цѣнилъ нашу любовь и нещадно веселилъ насъ своимъ блестящимъ остроуміемъ, заставляя хохотать буквально до упаду.

У меня былъ родственникъ Платонъ Павловичъ Домерщиковъ, занимавшій должность завѣдывающаго монтировочною частью въ Императорскихъ театрахъ. Послѣ должности директора, эта должность была самая важная. Домерщиковъ по службѣ имѣлъ въ каждомъ театрѣ свое кресло, въ третьемъ ряду, слѣва отъ центральнаго прохода. Онъ часто предоставлялъ мнѣ право пользоваться этимъ кресломъ, вслѣдствіе чего я бывалъ въ курсѣ театральныхъ новинокъ и имѣлъ

много знакомыхъ среди актеровъ. Я зналъ лично Фигнера, Яковлева, Мравину, Левкееву; бывать въ ихъ обществѣ доставляло мнѣ всегда большое удовольствіе. Фигнеръ и красавецъ Яковлевъ любили кутнуть и тогда были не осторожны, рискуя потерять голосъ. Однажды, зимою, возвращаясь на тройкѣ по Невскому домой, послѣ ночного кутежа, Фигнеръ усѣлся верхомъ на шеѣ ямщика и громко запѣлъ: «говорятъ всѣ движенья слишкомъ рѣзки во мнѣ». Онъ былъ правъ, но могъ потерять голосъ. Имена Фигнера и Яковлева неизбѣжно связаны съ пѣніемъ и игрою ихъ въ оперѣ «Евгеній Онѣгинъ», Чайковскаго. Это былъ незабываемый, лучшій составъ—Фигнеръ въ роли Ленскаго и Яковлевъ въ роли Онѣгина. Оперу эту я видѣлъ двадцать два раза, въ самомъ разнообразномъ составѣ, и утверждаю, что этотъ составъ при Медеѣ Фигнеръ въ роли Татьяны, Долиной въ роли Ольги и Славиной въ роли няни—лучшій изъ всѣхъ составовъ.

Въ Михайловскомъ театрѣ была, какъ всегда, прекрасная французская труппа: Томассенъ, Балетта, комикъ Гитмансъ, Лортеръ (его знаменитая «Та ра ра бумбія»), Андріе, Деларомъ. Всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности были великолѣпны. Вспоминается такая мелочь: «Мамзель Нитушъ», первый актъ, подымается занавѣсъ, Гитмансъ, молча, медленно перелѣзаетъ чрезъ заборъ, лица не видно, а на задней части на брюкахъ замѣтенъ отпечатокъ слѣда отъ подошвы сапога. Достигая земли, оборачивается къ публикѣ лицомъ и спра-

шиваетъ: „ça se voit il, que j'ai recu un coup de pied?». Весь театръ буквально разражался хохотомъ.

Частныхъ театровъ, кромѣ Малаго театра, тогда не было. Въ Маломъ театрѣ я посѣщалъ сперва русскую оперетку, гдѣ пѣла красавица Кесслеръ и Раисова; потомъ тамъ была французская оперетка, дававшая милыя, музыкальныя оперетки — „Madame Boniface“, „La fiancée de Vert Poteau“ и др. Французскую оперетку смѣнила Итальянская опера, въ которой мнѣ довелось въ первый и послѣднiй разъ въ жизни услышать пѣнiе знаменитаго итальянскаго тенора Мазини, пѣвшаго въ Риголетто роль герцога. Арiю „la donna e mobile“ Мазини заставили повторить безконечное число разъ; онъ усталъ, ему подали на сцену стулъ, сѣвъ на который, онъ продолжалъ съ тѣмъ же успѣхомъ биссировать, безконечно варiируя окончанiе арiи.

На углу Большой морской улицы и Невскаго проспекта помѣщалось «Благородное Собранiе», имѣвшее хорошiй театральный залъ. Тамъ прiютилась гастролирующая нѣмецкая оперетка, дававшая между прочимъ безсмертную „Fledermaus“ Iоганна Штрауссa. Тамъ также впервые пришлось услышать малороссiйскую оперетку, въ исполненiи труппы Крапивницкаго—«Наталка Полтавка», «Запорожецъ за Дунаемъ», «Ой не ходи Грицю на вечерницу». Оперетки эти, съ неизбѣжными малороссiйскими танцами, горiлкою и пья-

нымъ писаремъ, производили впечатлѣніе своею новизною и дѣлали полные сборы.

Малороссійскій языкъ, языкъ Шевченки, Котляревскаго и Квитки Основьяненки, своею звучностью нравился многимъ правовѣдамъ, которые распѣвали пѣсни изъ Наталки Полтавки и др. Мой другъ Л. Г. Барковъ подарилъ мнѣ музыкальное переложеніе для рояля Наталки Полтавки. Я до сихъ поръ помню мотивъ и слова нѣжнаго объясненія влюбленнаго писаря:

«Отъ юныхъ літъ
Не зналъ я любови,
Не ощущалъ возженія въ крови,
Какъ вдругъ предсталъ
Наталкинъ видъ ясный,
Какъ майскій кринъ
Душистый, прекрасный.
Утробу всю потрясъ,
Кровь взволновалась,
Душа смішалась —
Насталъ мой часъ».

Признаюсь, что мотивъ пѣсни мнѣ больше нравился, чѣмъ ея слова и языкъ, хотя языкъ подкупалъ своею простотою и сходствомъ съ русскимъ языкомъ, но вѣдь о вкусахъ не спорятъ, иной предпочитаетъ языкъ Гоголя: «Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ...» Иному болѣе нравится языкъ Котляревскаго: «А зла Юнона, суча дочка, раскудахталась яко квочка...»

Впослѣдствіе открылся еще, на Набережной, колодезеобразный Панаевскій театръ, въ которомъ давались оперныя представленія.

Жизнь воспитанниковъ старшаго курса протекала почти совсѣмъ отдѣльно отъ жизни воспитанниковъ младшаго курса. Двери, соединяющія залъ младшаго курса съ заломъ старшаго курса и двери, соединяющія спальни обоихъ курсовъ, держались запертыми, хотя и не на замокъ. Воспитанникамъ младшаго курса и въ голову не могло придти проникнуть на старшій курсъ; это считалось бы большимъ нарушеніемъ традиціонной дисциплины. Воспитанники старшаго курса иногда появлялись въ залѣ младшаго курса, но рѣдко, а очередной дежурный воспитанникъ перваго класса бывалъ на младшемъ курсѣ, по обязанности, много. Воспитанникъ старшаго курса, приходящій въ залъ младшаго курса для бесѣды съ воспитанникомъ младшаго курса, прозывался «культиваторомъ» и про него говорили, что онъ «культивируетъ» такого-то. Особенно усерднымъ «культиваторомъ» въ мое время считался К. П. Занцевичъ, впослѣдствіе докторъ философіи Лейпцигскаго университета; Занцевичъ культивировалъ Самойловича; Зуровъ культивировалъ Сверчкова; Половцовъ Христіановича. Воспитанникъ одного курса, связанный тѣсною дружбою съ воспитанникомъ того же курса,и оба гуляющіе подъ руку по залѣ, назывались «штанами». Вспоминаются двѣ пары такихъ «штановъ»: Дробязгинъ и Гулакъ-Артемовскій, Фере и Лерхе.

Воспитанники старшаго курса вставали по утрамъ позже, пищу принимали позже. Общая молитва была позже. Предъ принятіемъ пищи была

тоже молитва, послѣ коей слѣдовалъ звонокъ и всѣ садились за стулъ, точно также, какъ и въ младшемъ курсѣ. Они имѣли на недѣлѣ льготные дни для хожденія въ отпускъ, изъ коего возвращались позже; пользовались разными отдѣльными уголками и комнатами для своихъ занятій — физическій кабинетъ, музыкалка; имѣли свою курительную комнату «курилку»; позже образованы были особыя «зубрилки» для одного или двухъ человѣкъ. Репетиціи сдавали два раза въ годъ.

Каждую весну, предъ наступленіемъ выпускныхъ экзаменовъ, воспитанники старшаго курса, по традиціи, устраивали «выносы« лучшихъ и любимыхъ воспитанниковъ перваго класса, при чемъ нѣкоторые одѣвали фантастическіе костюмы и получалось нѣчто въ родѣ маскарада. Собравшись въ залѣ, ихъ по очереди подымали на рукахъ, качали, подбрасывали въ воздухъ и затѣмъ выносили въ залъ младшаго курса, гдѣ повторялось тоже самое, при участіи воспитанниковъ младшаго курса, которые уже выносили ихъ въ швейцарскую, гдѣ и опускали на землю.

Воспитанники, первые въ классѣ по наукамъ, получали на рукава мундира золотую нашивку, одну или три; на будничной курточкѣ это отличіе выражалось соотвѣтствующею золотою тесьмою на воротникѣ. Нашивки давались только воспитанникамъ старшаго курса. Воспитанники старшаго курса могли имѣть свой «собственный» мундиръ, отличающійся отъ казеннаго чернаго мундира ни только хорошею работою портного,

но и темно зеленымъ цвѣтомъ сукна, болѣе широкимъ шитымъ золотымъ галуномъ и накладными золочеными пуговицами, съ выпуклымъ «закономъ». На младшемъ курсѣ, гдѣ галуны были серебряные, собственный мундиръ сперва не разрѣшался. Треуголки почти всегда были собственныя; шпаги, носимыя только воспитанниками перваго класса, то же были собственныя и по традиціи передавались отъ одного другому, — отъ выпущеннаго воспитанника кому либо изъ перешедшихъ въ первый классъ, — при чемъ каждый обладатель шпаги ставилъ на ней свой вензель.

Составъ профессоровъ, читавшихъ лекціи на старшемъ курсѣ, былъ выдающійся по своему качеству. Такъ государственное и русское право читалъ Иванъ Ефимовичъ Андреевскій, бывшій въ то же время ректоромъ Петербургскаго университета. Уголовное право читалъ Николай Степановичъ Таганцевъ, Гражданское право — Семенъ Викентіевичъ Пахманъ, Международное право — Федоръ Федоровичъ Мартенсъ, Уголовное судопроизводство — Владиміръ Костантиновичъ Случевскій, Гражданское судопроизводство — Гольмстенъ, Римское право — Лудольфъ Борисовичъ Дорнъ, Судебную медицину — Загорскій и Анрепъ, Логику и Психологію — Радловъ, Церковное право — протоіерей Пѣвцовъ, Полицейское право — Ведровъ.

Каждый учебный годъ заканчивался торжественнымъ актомъ, на которомъ окончившіе воспи-

танники получали изъ рукъ Августѣйшаго Попечителя принца Александра Петровича Ольденбургскаго свидѣтельство объ окончанiи полнаго курса наукъ и золотой жетонъ съ выгравированнымъ на немъ правовѣдскимъ девизомъ „**Respice finem**“; воспитанники, перешедшiе въ первый классъ получали изъ тѣхъ же рукъ шпагу, а воспитанники, перешедшiе изъ класса въ классъ съ отличiемъ, получали вещественное доказательство отличiя, въ видѣ награжденiя книгою или похвальнымъ листомъ. Имена двухъ лучшихъ по поведенiю и по успѣхамъ въ наукахъ окончившихъ воспитанниковъ заносились золотыми буквами на мраморную доску, повѣшенную на стѣнахъ старшаго курса; они получали кромѣ того золотую медаль. Раздавалось также нѣсколько серебряныхъ медалей.

Появленiе въ актовомъ залѣ принца Ольденбургскаго привѣтствовалось всегда исполненiемъ оркестромъ Преображенскаго марша.

Выпускные воспитанники входили въ актовый залъ обычно подъ звуки какого нибудь веселаго мотива. Во время акта нѣкоторые изъ выпускныхъ воспитанниковъ произносили традицiонныя рѣчи на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англiйскомъ языкѣ.

Воспитаники, окончившiе курсъ училища по первому разряду, получали чинъ девятаго класса, т. е. Титулярнаго Совѣтника, окончившiе по второму разряду, получали чинъ десятаго класса, т. е. Коллежскаго Секретаря, окончившiе по третьему

разряду, получали чинъ двѣнадцатаго класса, т. е. Губернскаго Секретаря. Бывали случаи, что особенно неуспѣшный воспитанникъ, съ трудомъ допущенный къ выпуску, считался окончившимъ по четвертому разряду и получалъ скромный чинъ Коллежскаго Регистратора.

При чтенiи во время акта списка окончившихъ курсъ воспитанниковъ, фамилiя такого послѣдняго воспитанника прочитывалась обыкновенно съ союзомъ «и», т. е. и такой-то. Про такого воспитанника потомъ всегда говорили, что онъ окончилъ курсъ училища «съ союзомъ».

Впредь до полученiя штатнаго мѣста, каждый окончившiй курсъ училища правовѣдъ получалъ отъ казны мѣсячное содержанiе, сумма коего измѣнялась, сообразно полученному при выпускѣ чину. Титулярный Совѣтникъ получалъ восемнадцать рублей тридцать три копѣйки, Коллежскiй Секретарь — шестнадцать рублей шестьдесятъ шесть копѣекъ, Губернскiй Секретарь — четырнадцать рублей съ копѣйками. Это было, конечно, не много, но для начала это было все таки нѣчто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Quisque praesumitur bonus,
donec probetur contrarium.
Римское право.

Justitia est constans et perpetua
voluntas jus suum cuique tribuens.
Римское право.

Государственную службу я началъ въ уголовномъ отдѣленіи Министерства Юстиціи, со званіемъ причисленнаго къ Министерству. Въ этомъ отдѣленіи сосредоточено было главнымъ образомъ разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ прошеній о помилованіи, о смягченіи участи, о возвращеніи на родину лицъ, осужденныхъ подлежащимъ судомъ и отбывающихъ наказаніе, а также дѣла о лишеніи всѣхъ или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. Всеподданнѣйшихъ ходатайствъ поступало тысячи. Въ большинствѣ случаевъ они были лишены какого либо основанія къ удовлетворенію и остав-

лялись безъ послѣдствій. Если же въ ходатайствѣ усматривался хоть малѣйшій поводъ къ удовлетворенію просьбы, малѣйшее сомнѣніе въ возможности судебной ошибки или несоотвѣтствующій винѣ слишкомъ строгій приговоръ, то немедленно затребовалось изъ подлежащаго суда подлинное о просителѣ производство и собирались отъ мѣстныхъ властей — Генералъ-Губернатора или Губернатора — свѣдѣнія о поведеніи и образѣ жизни просителя. Въ случаѣ, если послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всѣхъ данныхъ, оказывалось возможнымъ облегчить участь осужденнаго просителя, или помиловать, что бывало рѣже, то составлялся въ соотвѣтствующемъ духѣ всеподданнѣйшій докладъ, который Министромъ Юстиціи лично докладывался Государю. Государь дѣлалъ на докладѣ собственноручныя помѣтки карандашемъ: «Согласенъ» или просто «Съ». На докладѣ о лишеніи правъ Государь писалъ «Быть по сему». Иногда Государь дѣлалъ и болѣе пространныя помѣтки. Помню одну такую: «Согласенъ. Вмѣсто того, чтобы работать, онъ будетъ сидѣть въ тюрьмѣ и ничего не дѣлать».

Для переписыванія на бѣло докладовъ, шедшихъ къ Государю, въ отдѣленіи существовалъ особый переписчикъ, по фамиліи Брянцовъ, который обладалъ удивительно красивымъ, четкимъ почеркомъ. Однажды, переписывая докладъ о лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, Брянцовъ пропустилъ цѣлую строку послѣ слова «всѣхъ»,

такъ что вышелъ докладъ о лишенiи всѣхъ правъ и преимуществъ, вмѣсто всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянiю присвоенныхъ, правъ и преимуществъ. Грамматической ошибки не было, логическiй смыслъ также не былъ нарушенъ. Не смотря на то, что изготовленный докладъ прошелъ чрезъ многiя руки и подвергся, какъ всегда, многократной провѣркѣ и считкѣ, никто ошибки не обнаружилъ и въ такомъ видѣ докладъ получилъ утвержденiе Государя, положившаго на немъ резолюцiю «Быть по сему». По возвращенiи докладовъ обратно въ Министерство, таковые покрывались лакомъ на мѣстѣ положенной Государемъ резолюцiи и складывались въ особый альбомъ Высочайшихъ повелѣнiй. Тутъ то и была только обнаружена ошибка. Переполохъ получился страшный. Нагоняй пошелъ отъ Министра, которымъ тогда былъ Николай Авксентiевичъ Манасеинъ, Товарищу Министра Ивану Логиновичу Горемыкину, отъ Товарища Министра Директору Департамента, отъ него начальнику отдѣленiя и т. д. пока не дошелъ до переписчика Брянскаго, который и явился главнымъ пострадавшимъ лицомъ. Ошибка была исправлена путемъ представленiя Государю новаго всеподданнѣйшаго доклада.

Хотя работа въ уголовномъ отдѣленiи была довольно однообразна и не требовала примѣненiя непосредственныхъ юридическихъ познанiй, прiобрѣтенныхъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнiя, но тотъ особый юридическiй образъ мышленiя и складъ ума, которые на всю жизнь

остаются въ мозгу юриста, имѣли обширное поле дѣятельности и приносили въ этой работѣ большую пользу. Въ каждомъ правовѣдѣ развивается стремленіе къ исканію и обнаруженію правды, истины, справедливости и ни той сухой, книжной справедливости, которая часто является также высшею несправедливостью — **summum jus, summa injuria** —, но справедливости истинной, высшей, жизненной, той справедливости, которую римскіе юристы называли трудно переводимымъ словомъ **„aequitas“**. Къ обнаруженію такой жизненной справедливости приходилось стремиться при разсмотрѣніи каждаго всеподданнѣйшаго прошенія о помилованіи или облегченіи участи. Къ сожалѣнію, на большинствѣ изъ этихъ прошеній приходилось класть отрицательную резолюцію: «въ виду отсутствія особо уважительныхъ основаній къ представленію ходатайства на Высочайшее усмотрѣніе, — Отдѣленіе полагало бы оставить таковое безъ послѣдствій». Но если изъ тысячи прошеній удавалось двумъ-тремъ осужденнымъ преступникамъ облегчить, по справедливости, тяжелую участь, сократить срокъ наказанія, вернуть изъ ссылки на родину и иногда помиловать, въ путяхъ Монаршаго милосердія, — то сознаніе исполненнаго долга приносило высокое чувство нравственнаго удовлетворенія.

Моимъ ближайшимъ начальникомъ былъ помощникъ дѣлопроизводителя (прежде существовавшее званіе столоначальника было упразднено) правовѣдъ Михаилъ Федоровичъ Ганскау, окон-

чившій свою службу въ званіи сенатора Финляндскаго сената. У него было восемь человѣкъ дѣтей. Я его встрѣтилъ послѣ переворота; онъ очень нуждался.

Редакторомъ, считавшимся ближайшимъ отвѣтственнымъ руководителемъ, числился Николай Степановичъ Грабарь, впослѣдствіе Прдсѣдатель Полтавскаго Окружнаго Суда. Это былъ требовательный начальникъ, но симпатичный человѣкъ, онъ носилъ большую, черную бороду лопатою и при бесѣдѣ какъ то поднималъ голову, отчего борода «уставлялась» почти перпендикулярно груди слушателя. Грабарь былъ неутѣшный вдовецъ и абсолютный трезвенникъ. Мы съ Ганскау захаживали иногда къ нему вечеркомъ и получсли угощеніе чаемъ, съ печеніемъ, орѣхами и изюмомъ. Грабарь былъ малороссъ и сперва писалъ свою фамилію Граборъ, передѣлавъ ее потомъ на болѣе малороссійскую Грабарь. Помощникомъ начальника отдѣленія былъ Янъ Бернгардъ Бернгардовичъ—необщительный, высокій, смуглый красавецъ съ бородкою à la Henri IV, впослѣдствіе членъ Петербургской Судебной Палаты. Начальникъ Отдѣленія Иванъ Ивановичъ Соллертинскій, духовнаго происхожденія, обладалъ могучимъ басомъ; былъ хорошимъ начальникомъ и дослужился до должности Товарища Министра; часто выступалъ въ Государственной Думѣ, куда его посылалъ Министръ, въ виду его баса.

Разъ въ году всѣ служащіе отдѣленія устраивали общій обѣдъ, на которомъ было оживленно

и произносилось много рѣчей. Молодые юристы испытывали свое умѣнье говорить. Болѣе зрѣлые надъ ними трунили. Помню образецъ трафаретной рѣчи, съ которою предсѣдатель суда обычно обращается къ присяжнымъ засѣдателямъ, при открытіи сессіи суда: «Господа присяжные засѣдатели! Изъ смысла и духа только что принятой вами присяги, вы поняли, что призваны къ отправленію правосудія. Элементы правосудія состоятъ изъ двухъ частей — осужденія виновнаго и оправданія невиннаго, но право помилованія вамъ не принадлежитъ; право помилованія есть прерогатива Верховной Самодержавной власти»... и т. д.

Было занятно и поучительно. Соллертинскій всегда указывалъ на предпочтительность рѣчей краткихъ, ясныхъ, составленныхъ изъ небольшихъ предложеній, съ частымъ примѣненіемъ точки.

Въ уголовномъ отдѣленіи Министерства Юстиціи я прослужилъ около четырехъ лѣтъ и только на послѣднемъ году получилъ штатную должность Помощника Дѣлопроизводителя X класса, съ содержаніемъ около пятидесяти рублей въ мѣсяцъ. Довольно монотонная и однообразная служба начинала меня тяготить. Хотѣлось имѣть дѣло не съ бумагою, а съ живыми людьми. Въ 1895 году вышелъ въ отставку и вскорѣ скончался Министръ Юстиціи Николай Авксентіевичъ Манасеинъ и должность Министра Юстиціи занялъ молодой и талантливый Николай Валеріановичъ Муравьевъ. На первомъ же оффиціальномъ пріемѣ онъ намъ

заявилъ, что служба въ центральномъ управленіи Министерства Юстиціи даетъ мало для начинающихъ молодыхъ юристовъ, которые съ большею пользою для дѣла могли бы примѣнять свои познанія въ провинціи. Муравьевъ былъ правъ. Скоро мнѣ было предложено мѣсто Городского Судьи, на выборъ, въ одномъ изъ четырехъ городовъ. Будучи страстнымъ охотникомъ и желая отдохнуть отъ столичной свѣтской жизни, я выбралъ самый глухой изъ предложенныхъ городовъ — уѣздный городъ Бѣлый, Смоленской губерніи, расположенный среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, на разстояніи свыше ста двадцати верстъ отъ ближайшей желѣзно-дорожной станціи.

Когда послѣ шестой перепряжки тощихъ земскихъ лошадей - одровъ, усталый, измученный и пыльный, въ примитивномъ, трясномъ, неудобномъ тарантасѣ, по избитой, скверной, но широкой дорогѣ, «большаку», я приближался къ городу Бѣлому, то мнѣ думалось, что я сдѣлалъ большую ошибку, избравъ мѣстомъ моего назначенія такой отдаленный, захолустный городъ. Если его окрестности и изобиловали дичью и звѣрьемъ, то вѣдь общеніе придется имѣть съ людьми, которые, живя въ такой глуши, вѣроятно невольно тоже озвѣрѣли. Теперь, когда мнѣ приходится въ качествѣ беззащитнаго бѣженца - экспатріанта болтаться между Парижемъ и Берлиномъ, съ символическимъ Нансеновскимъ паспортомъ въ карманѣ, какъ бы намекающимъ на то, что русскій бѣ-

женецъ будетъ желательнымъ гостемъ только на сѣверномъ полюсѣ, — когда я всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что всякій, даже самый хищный дикій звѣрь по натурѣ своей гораздо лучше всякаго разнузданнаго человѣка, — то теперь мнѣ глубоко стыдно предъ звѣрями за мои несправедливыя о нихъ мысли. Дѣйствительность, какъ это часто бываетъ въ жизни, не оправдала, къ счастью, моихъ мрачныхъ предположеній. Наоборотъ, я смѣло могу сказать, что почти двухгодовое мое пребываніе въ городѣ Бѣломъ можетъ быть отнесено къ самому счастливому и беззаботному времени всей моей жизни. Я съ благодарностью вспоминаю то искреннее, простое радушіе и любоь, которыя я встрѣтилъ, какъ среди моихъ новыхъ сослуживцевъ, такъ и среди всѣхъ жителей города Бѣлаго. Враговъ, даже просто недоброжелателей, у меня тамъ не было и это было единственнымъ временемъ во всей моей жизни...

По службѣ работы было мало: около четырехсотъ дѣлъ въ году, гражданскихъ и уголовныхъ вмѣстѣ. Изъ гражданскихъ большинство приходилось на дѣла о взысканіи денегъ по векселямъ, распискамъ, лавочнымъ счетамъ. Изъ уголовныхъ большинство дѣлъ составляли полицейскіе протоколы о неосторожной ѣздѣ, оскорбленіи городовыхъ, частныя обвиненія въ обидѣ, въ клеветѣ; преступленій, влекущихъ за собою наказаніе тюрьмою, какъ кража, присвоеніе, мошенничество было очень мало; дѣла послѣдняго рода обычно

отличались простотою обстоятельствъ, сопровождавшихъ совершеніе преступленія и очень часто кончались чистосердечнымъ сознаніемъ обвиняемаго. Однако было два рода проступковъ, носящихъ почти исключительно мѣстный характеръ, по крайней мѣрѣ я таковыхъ при послѣдующей моей судебной и административной дѣятельности—не встрѣчалъ. Это было мазаніе дегтемъ воротъ, считавшееся чрезвычайно позорнымъ и оскорбительнымъ для дѣвицъ, и протягиваніе ночью поперекъ улицы веревки или проволоки, о которую запоздалые прохожіе спотыкались, падали. Обычно поводомъ перваго проступка бывала ревность или оскорбленное самолюбіе отверженнаго ухаживателя. Во второмъ случаѣ — личная месть, при страхѣ и желаніи уклониться отъ возможнаго судебнаго преслѣдованія.

Разъ въ мѣсяцъ бывали засѣданія уѣзднаго съѣзда, длившіяся около недѣли. Тогда въ городъ съѣзжались изъ своихъ имѣній всѣ шесть земскихъ начальниковъ и предсѣдатель съѣзда уѣздный предводитель дворянства милѣйшій графъ Игорь Алексѣевичъ Уваровъ, сынъ извѣстной по архивнымъ трудамъ графини Уваровой. Это было веселое, оживленное время. Пріѣзжіе считались гостями живущихъ въ городѣ сослуживцевъ, среди коихъ и распредѣляли часы пріема пищи. Жили мы всѣ чрезвычайно дружно. Работою въ съѣздѣ не тяготились, а наоборотъ съ любовью, терпѣніемъ и напряженіемъ общими усиліями старались уловить въ дѣлахъ истинную спра-

ведливость. Дружнымъ настроеніемъ и успѣхомъ работы мы не мало были обязаны замѣняющему предводителя дворянства, всегда по закону участвующему въ судебныхъ засѣданіяхъ съѣзда, уѣздному члену Смоленскаго Окружнаго Суда, по Бѣльскому уѣзду, добрѣйшему и любимому «Дѣду» Александру Викентіевичу Лентовскому, брату извѣстнаго театральнаго антрепренера Н. Лентовскаго.

Вдовый «Дѣдъ» Лентовскій, прозванный такъ благодаря преклонному возрасту, около семидесяти лѣтъ, былъ прямой, бравый, видный, высокій старикъ съ сѣдыми усами, какъ у Тараса Бульбы, и съ копною сѣдыхъ волосъ на головѣ. Онъ былъ веселаго характера, обладалъ врожденнымъ юморомъ и тактомъ и засѣданія велъ дѣльно, хотя пересыпалъ ихъ остротами и замѣчаніями; былъ находчивъ и никогда не терялся, напримѣръ: въ городѣ Бѣломъ, расположенномъ за чертою еврейской осѣдлости, былъ одинъ и единственный еврей, портной Иголкинъ. Иголкину случилось быть вызваннымъ въ съѣздъ, въ качествѣ свидѣтеля. По закону свидѣтели допрашиваются подъ присягою; въ случаѣ отсутствія духовнаго лица надлежащаго вѣроисповѣданія, свидѣтель приводится къ присягѣ предсѣдательствующимъ, съ соблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ. Евреи присягаютъ съ покрытою головою и кладутъ руки на священное писаніе. Книги священнаго писанія на еврейскомъ языкѣ въ Съѣздѣ не оказалось. Растерявшійся секретарь Съѣзда, англоманъ Николай

Алексѣевичъ Шестаковъ, не зналъ, что дѣлать и выражалъ свое недоумѣніе жестами отчаянія. Свидѣтель былъ для дѣла важный. Лентовскій, не прерывая засѣданія, всталъ, какъ полагается при приводѣ къ присягѣ, взялъ находившуюся подъ рукою, переплетенную въ черное, книгу «Уставъ о Наказаніяхъ, налагаемыхъ Мировыми Судьями», Таганцева и, положивъ книгу на край стола, громко сказалъ: «свидѣтель Иголкинъ, подойдите къ столу, надѣньте шапку, положите руки на священное писаніе и повторяйте за мною слова присяги». Иголкинъ немедленно повиновался и, по окончаніи присяги, по приглашенію предсѣдателя: «поцѣлуйте священное писаніе», поцѣловалъ, какъ требуется, «священное писаніе». Положеніе было спасено. „Fiat justitia, pereat mundus!“

Радушіе и гостепріимство Лентовскаго не имѣли границъ. Онъ любилъ покушать и его кухарка Авдотья изощрялась въ кулинарномъ искусствѣ. Помню, какъ особенно вкусна была «фогра», подававшаяся ею на закуску къ водкѣ; фогра означала „foie gras“ и право не уступала по качеству лучшему Страсбургскому пирогу. Я особенно полюбилъ и сошелся со старикомъ Лентовскимъ, который взялъ меня подъ свое покровительство и мы видѣлись ежедневно. Онъ вставалъ рано и, не любя ходить пѣшкомъ, бралъ одного изъ трехъ Бѣльскихъ извощиковъ, коимъ устанавливалась заранѣе очередь, и заставлялъ возить себя шагомъ по улицамъ города Бѣлаго. Пролетка на допотопныхъ висячихъ рессорахъ была очень тряска,

а улицы были мощены булыжникомъ не ремонтированнымъ очень давно, поэтому Лентовскій былъ правъ, называя свою прогулку «пассивнымъ моціономъ». Обыкновенно въ заключеніе своего «пассивнаго моціона» онъ подъѣзжалъ къ моей квартирѣ, о чемъ я, лежа еще въ постели, слышалъ задолго по стуку колесъ и грохоту экипажа. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ всегда пѣлъ: «Гондольеръ молодой, взоръ твой полонъ огня, я стройна, молода, не свезешь ли меня: я въ Ріальто спѣшу до заката».

Или: изъ оперы «Жидовка»:

«Рахиль! Ты мнѣ дана
Небеснымъ провидѣніемъ.
Всю жизнь ты мнѣ была
Отрадой, утѣшеніемъ».

Такъ какъ обыкновенно часъ былъ очень ранній и я находился еще въ постели, то Лентовскій неизмѣнно всякій разъ вступалъ въ такой діалогъ съ моимъ разсыльнымъ Сергѣемъ: «Сергѣй, а Сергѣй, баринъ всталъ?». «Никакъ нѣтъ, баринъ спитъ, вѣдь еще рано». «Какъ спитъ, я уже давно всталъ, скажи барину, что у меня сегодня колдуны на обѣдъ, скажи, чтобъ непремѣнно приходилъ и предводитель будетъ». «Слушаюсь». «Такъ скажешь?». «Скажу». «Смотри не забудь». «Никакъ нѣтъ». По лѣстницѣ вновь раздавалось постепенно затихающее пѣніе: «Гондольеръ молодой»... и грохотъ пролетки давалъ мнѣ знать, что «Дѣдъ» уѣхалъ.

Помню, какъ въ одинъ изъ очередныхъ у меня обѣдовъ, Земскій Начальникъ Константинъ Пла-

тоновичъ Энгельгардтъ получилъ не совсѣмъ обычную телеграмму изъ Петербурга отъ брата Вадима; телеграмма гласила дословно: «уста нѣмѣютъ, ты выигралъ двѣсти тысячъ». Деньги ему очень пришлись кстати, ибо дѣла были довольно запутаны, но онъ потомъ сильно жаловался на неотступныя и надоѣдливыя, со всѣхъ сторонъ, вымогательства денегъ, не имѣвшія за собою ровно никакого основанія. Это былъ единственный человѣкъ, выигравшій двѣсти тысячъ, котораго я лично зналъ.

Появленіе Энгельгардта Лентовскій, любившій «дразниться», всегда и вездѣ привѣтствовалъ веселымъ пѣніемъ «это тэнъ, это тэнъ **Constan- tén**", на мотивъ «это я — **Nicolas**, а, а, а»; при чемъ указательный палецъ правой руки направлялся на него. Когда Лентовскій бывалъ въ грустномъ настроеніи, то пѣлъ изъ Русалки:

«Вотъ мельница, она ужъ развалилась,
Знакомый шумъ колесъ умолкъ давно.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго - свободная любовь».

Эту прекрасную, но грустную арію приходилсь слышать не часто.

Лентовскій скончался при отправленіи обязанностей службы, производя мѣстный осмотръ, далеко отъ города Бѣлаго, въ лѣсной трущобѣ. Его тѣло привезли въ наскоро сколоченномъ гробу, но такъ какъ дорога по болоту была большею частью устлана срубленными деревьями-кругляками, такъ называемыми «клавишами»,

то отъ тряски и жары трупъ совершенно разложился и узнать его было невозможно. Близкихъ родныхъ у него не было, кромѣ брата Николая, антрепренера, скитавшагося съ труппою по Россіи. Дѣда похоронили на Бѣльскомъ кладбищѣ. Это былъ честный, добрый человѣкъ и хорошій судья. **Sit tibi terra levis!**

Изъ шести земскихъ начальниковъ я былъ особенно друженъ съ Александромъ Ивановичемъ Цыбульскимъ, прозваннымъ Лентовскимъ «Посвисталкинымъ». Прозвище это ему было дано, вслѣдствіе необычной подвижности Цыбульскаго и склонности къ перемѣнѣ мѣстъ. Онъ жилъ въ своей усадьбѣ, очень отдаленной отъ города, построенной въ глухомъ лѣсу, былъ холостъ и жилъ вдвоемъ со своею старушкою матерью, которая обожала сына и огорчалась, что онъ никакъ не найдетъ себѣ подходящую жену. Старушка была такъ обворожительно ласкова, такъ радушно и обильно угощала, была такъ проста и далека — въ прямомъ и переносномъ смыслѣ — отъ свѣта и людей, что невольно вызывала сравненіе со старосвѣтскою помѣщицею Пульхеріею Ивановною.

Меня съ Александромъ Ивановичемъ Цыбульскимъ сближала общая страсть къ охотѣ и у него же въ имѣніи мнѣ довелось убить перваго въ жизни медвѣдя. Цыбульскій ухаживалъ за падчерицею Энгельгардта и довольно часто ѣздилъ къ нему въ имѣніе, когда Энгельгардтъ еще не занималъ должности Земскаго Начальника. Кучеръ

Цыбульскаго назывался Селифаномъ и по фигурѣ и по молчаливости очень напоминалъ Чичиковскаго кучера Селифана. Однажды Селифанъ, везя насъ съ охоты, вдругъ неожиданно обернулся съ козелъ лицомъ къ намъ и спросилъ: «а что Энгельгардтъ теперь можетъ носить кукарду?». Это было вскорѣ послѣ назначенія Энгельгардта Земскимъ Начальникомъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Селифанъ вновь погрузился въ свое обычное молчаніе.

Бѣльскій уѣздъ Смоленской губерніи по площади занимаетъ громадное пространство земли, покрытое главнымъ образомъ лѣсами и болотами, иногда мало проходимыми. Деревни, помѣщичьи усадьбы и вообще населенныя мѣста попадаются рѣдко; охотнику тутъ раздолье и онъ всюду является желаннымъ гостемъ. Бѣльскій Уѣздный Предводитель Дворянства графъ Уваровъ, милый, симпатичный и радушный человѣкъ, держалъ въ своемъ имѣніи Холмѣ отличную стаю Костромскихъ гончихъ и при нихъ нѣсколько чрезвычайно голосистыхъ доѣзжачихъ и подручныхъ молодцовъ, въ соотвѣтствующихъ зипунахъ и съ нагайками. Каждую осень, когда начиналось «пышное природы увяданіе» и лѣсъ одѣвался въ «багрецъ и золото», охотники собирались въ Холмѣ и проводили незабвенные дни, пользуясь широчайшимъ гостепріимствомъ хозяина и наслаждаясь благородною охотничьею страстью:

«Много скакали, много травили,
Множество заячьихъ душъ загубили».

Постояннымъ, веселымъ и остроумнымъ участникомъ этихъ охотъ былъ Сычевскій уѣздный Предводитель Дворянства Николай Алексѣевичъ Хомяковъ, будущій предсѣдатель Государственной Думы, извѣстный неустойчивостью своихъ политическихъ убѣжденій, сравниваемою съ неустойчивостью его положенія на предсѣдательскомъ креслѣ, требующею по обязанности частой перемѣны положенія. Про Хомякова въ Думѣ сложена была даже слѣдующая, не совсѣмъ поэтическая, загадка: «Кто онъ?»

«Между правой и лѣвой болтается,
То подымается, то опускается,
Съ буквы X начинается?»

На дочери Хомякова Екатеринѣ Николаевнѣ вскорѣ женился графъ Уваровъ. Это была крупная красавица, въ чисто русскомъ стилѣ, милая и симпатичная во всѣхъ отношеніяхъ. Графъ Уваровъ и его супруга чрезвычайно подходили другъ къ другу, представляли завидный примѣръ семейнаго счастья и красивую, хорошо подобранную, супружескую чету. Хорошіе, рѣдкіе люди.

Кромѣ гончихъ собакъ, отлично содержимыхъ на образцово поставленной псарнѣ, у графа Уварова имѣлась необычайной красоты лягавая сука «Джильда», породы сеттеръ-лаверакъ. «Джильда» была награждена на Московской выставкѣ собакъ золотою медалью и полевыя качества ея соотвѣтствовали ея породистой красотѣ.

Среди вѣдающихъ охотою въ имѣніи Холмѣ не могу не отмѣтить двухъ крестьянъ «Пскови-

чей», съ которыми я, вмѣстѣ съ графомъ Уваровымъ, охотился на крупныхъ звѣрей - медвѣдей, волковъ, лосей. Это были по истинѣ удивительные люди, до тонкости знавшіе и понимавшіе психологію и привычки звѣря. Они по снѣгу выслѣживали, обкладывали въ лѣсу звѣря и «выставляли» его на охотника именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ хотѣли; звѣря вели они буквально, какъ на возжахъ. Работали только вдвоемъ, на лыжахъ. Выслѣживая предварительно звѣря, они кое гдѣ протягивали веревки, увѣшанныя цвѣтными флажками, кое гдѣ на кустъ или на дерево бросали кусочекъ цвѣтной тряпочки, рукавицу, бумажку и такимъ образомъ, какъ бы запирали звѣря въ лѣсу; на утро «окладъ» провѣрялся; если звѣрь не уходилъ изъ оклада, т. е. не было видно обратныхъ слѣдовъ, то, немедля, пріѣзжали одинъ, два охотника и занимали заранѣе опредѣленныя мѣста на «лазу звѣря», т. е. на тропѣ, излюбленной звѣремъ. Псковичи устраивали облаву и гнали звѣря, при чемъ вдвоемъ замѣняли обычную массу загонщиковъ и вмѣсто дикаго крика и стука только изрѣдка похлопывали слегка въ ладоши или ударяли палкою о стволъ дерева. Не было случая, чтобы звѣрь не вышелъ туда, куда его гнали. Мнѣ особенно памятны два случая охоты съ «Псковичами». Какъ всегда, на крупнаго звѣря, мы съ графомъ охотились вдвоемъ; были обложены волки, я поставленъ на лучшемъ мѣстѣ; была очень пасмурная, туманная погода, сильно таяло; ружье было заряжено крупною картечью и

входившимъ тогда въ употребленіе бездымнымъ порохомъ Лишева; на меня вышло два волка, которые остановились въ пятидесяти пяти шагахъ, ставъ ко мнѣ бокомъ; цѣль была прекрасная; я сдѣлалъ дуплетъ; оба волка согнулись и быстро сдѣлали движеніе головой къ хвосту, какъ бы желая укусить себя за задъ — это былъ вѣрный признакъ того, что зарядъ попалъ по назначенію; объ этомъ также свидѣтельствовали обнаруженныя на снѣгу капли крови, — но оба волка исчезли и, какъ выяснило преслѣдованіе ихъ на лыжахъ, ушли далеко. Оказалось, что недостаточно туго прижатый къ бездымному пороху въ патронѣ пыжъ, далъ возможность, при чрезвычайно сырой погодѣ, отсырѣть пороху и ослабилъ силу выстрѣла. Случай былъ чрезвычайно обидный; я чуть не плакалъ, въ особенности, когда «Псковичъ», покачивая головою съ укоризною сказалъ: «эхъ, баринъ!». Я далъ ему золотую монету въ десять рублей, что по тогдашнему было много и просилъ дать мнѣ возможность «исправиться». Онъ сказалъ, что это были два молодыхъ волка, что матерая волчица прорвалась безъ выстрѣла, такъ какъ его сіятельство изволили ее прозѣвать, что она «должна» остановиться въ сосѣднемъ лѣсу, не далеко, что она сегодня же будетъ обложена и выставлена на меня. Часа чрезъ три все исполнилось, какъ было сказано. Матерая волчица вышла на меня въ упоръ и была мною убита наповалъ.

Второй случай былъ съ лосями. Три дня наши

«Псковичи» обкладывали двухъ лосей, которые не хотѣли задержаться и всякій разъ при провѣркѣ оказывались ушедшими изъ круга дальше. Лоси обычно дѣлаютъ большіе переходы. Графъ Уваровъ и я неотступно ѣхали за «Псковичами». На четвертый день «Псковичамъ» удалось наконецъ какъ слѣдуетъ обложить лосей и къ вечеру мы успѣли сдѣлать загонку; шелъ сильный снѣгъ, который задержалъ лосей въ густомъ чернолѣсьѣ; мнѣ опять досталось лучшее мѣсто; чрезъ очень короткое время послышался обычный при ходѣ лосей трескъ отъ сломанныхъ вѣтвей и показалась сперва одна голова, а сзади нея другая, меньшая голова лося, и увы, я ясно различилъ, что это была лаша съ теленкомъ, стрѣлять которыхъ по закону нельзя было.

Охота по перу съ лягавою собакою въ Бѣльскомъ уѣздѣ тоже была очень хороша. Выводки тетеревовъ въ изобиліи водились въ заросляхъ, расположенныхъ даже недалеко отъ городского собора, а въ недалекомъ разстояніи начинались моховыя болота, столь излюбленныя бѣлыми куропатками, такъ всегда сильно волнующими нервы охотника своимъ шумнымъ, съ особымъ «хохотомъ», подъемомъ. У меня былъ довольно сносный въ полѣ желтопѣгій сеттеръ «Дружокъ» и съ нимъ я часто на нѣсколько дней уѣзжалъ изъ города въ жадныхъ поискахъ новыхъ охотничьихъ Эльдорадо. Въ такія поѣздки возилъ меня мой пріятель крестьянинъ Илья Михайловъ, который, хотя ружья и не имѣлъ, но въ

душѣ любилъ и понималъ охоту. Иногда въ такихъ экскурсіяхъ меня сопровождалъ мой письмоводитель Петръ Семеновичъ Семеновъ. Охоту онъ любилъ, но принадлежалъ къ типу тѣхъ охотниковъ, которыхъ въ охотничьей средѣ принято называть словами «Ахало» и «Пукало». Какъ только изъ подъ стойки «Дружка» шумно срывался выводокъ тетеревовъ или куропатокъ, то онъ прежде чѣмъ стрѣлять начиналъ ахать и охать отъ изумленія и восторга, а затѣмъ, не цѣлясь, выпускалъ сразу изъ обоихъ стволовъ оба заряда, не причинявшіе въ большинствѣ случаевъ никакого вреда. Послѣ этого Семеновъ начиналъ взволнованно объяснять, почему онъ такъ «погорячился»; онъ вообще слегка заикался, а въ такихъ случаяхъ заикался особенно сильно; было забавно его слушать. Илья Михайловъ относился къ нему съ большимъ презрѣніемъ.

Кромѣ Семенова въ г. Бѣломъ проживалъ еще ружейный охотникъ, одноглазый отставной капитанъ Повало-Швейковскій; у него былъ кофейно-пѣгій англійскій пойнтеръ и пара гончихъ, неизвѣстной породы; пойнтеръ былъ недурно натасканъ, а гончія гоняли зайца больше «въ пятку»; «порскалъ» капитанъ на гончихъ всегда однимъ и тѣмъ же словомъ: «тіу» и это послужило поводомъ того, что ему дали прозвище «капитанъ Тіу». Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій, капитанъ проводилъ на охотѣ буквально цѣлые дни и сдѣлался охотникомъ шкурятникомъ и промышленникомъ, продавая убитую имъ дичь. Въ моло-

дости капитанъ служилъ подъ начальствомъ генерала Скобелева, съ которымъ бралъ «Зеленыя Горы», при взятіи коихъ и лишился глаза. Съ тѣхъ поръ онъ совсѣмъ не могъ пить водки, такъ какъ съ первой же рюмки становился пьянъ. Однако водку онъ любилъ и въ городскомъ клубѣ легко было его уговорить выпить; тогда онъ дѣлался очень смѣшнымъ, представляя въ лицахъ взятіе «Зеленыхъ Горъ» и крича при этомъ «Тіу».

Своеобразный и довольно опасный родъ охоты — подкарауливаніе медвѣдей ночью на овсахъ производится въ Августѣ мѣсяцѣ, въ періодъ наливанія овса. Услышавъ по жалобамъ крестьянъ, въ какое мѣсто медвѣдица по ночамъ водитъ кормить своихъ медвѣжатъ овсомъ, выбираютъ лунную ночь и подкарауливаютъ въ засадѣ появленіе медвѣдей. Лунный свѣтъ очень обманчивъ для стрѣльбы и прицѣльная мушка ружья не всегда ясно видна, поэтому можно легко промахнуться или, что еще хуже, ранить, попавъ пулею не въ убойное мѣсто. Раненая въ присутствіи медвѣжатъ медвѣдица немедленно бросается по направленію, откуда былъ произведенъ выстрѣлъ. Охотникъ долженъ проявить всю свою выдержку, чтобы, подпустивъ на близкое разстояніе, сдѣлать вѣрный выстрѣлъ или, при слабыхъ нервахъ, быстро отступить на заранѣе приготовленную позицію, въ видѣ сѣновала или стога сѣна. Переживаніе бываетъ довольно сильнымъ. Медвѣди очень любятъ дозрѣвающій овесъ и при своихъ посѣщеніяхъ немилосердно его топчутъ, загребая

въ лапу колосья, которые съ жадностью сосутъ, производя при этомъ особый, довольно громкій, чавкающій звукъ. Часто случается всю ночь просидѣть въ засадѣ и только слышать присутствіе медвѣдей. Уйти изъ засады съ одной стороны не хочется, въ надеждѣ что медвѣди подойдутъ на разстояніе выстрѣла, съ другой стороны опасно, ибо медвѣдица при медвѣжатахъ всегда склонна къ нападенію. Хуже всего бываетъ, когда медвѣди лакомятся овсомъ совсѣмъ близко отъ охотника, а луна скрывается за тучами и стрѣлять нельзя. Не отсюда ли происхожденіе «медвѣжьей болѣзни», поражающей иногда людей, попадающихъ въ подобное «щекотливое» положеніе?

Хотя настоящій охотникъ любитъ всѣ виды охоты, но я всегда предпочиталъ особенно поэтичный видъ охоты — весеннюю тягу вальдшнеповъ. Эта охота, какъ по количеству вальдшнеповъ, такъ и по красотѣ мѣстъ тяги, была въ Бѣльскомъ уѣздѣ несравненна. Наблюдать въ воздухѣ страстное ухаживаніе пернатыхъ долгоносыхъ красавцевъ за своими красавицами, видѣть проявленіе ихъ любви до самозабвенія, любви со всѣми сопровождающими ее чувствами и дѣйствіями, какъ ревность, месть, поединокъ, бой,—вся эта картина, дѣйствіе коей развивается на фонѣ таинственнаго полумрака лѣса, едва подернутаго первою свѣжею, зеленою, кружевною дымкою, — вся эта картина такъ хороша, такъ привлекательна, что описать ея прелести трудно: надо самому ее наблюдать. Надо быть поэтомъ. Я не поэтъ, но

въ молодости, въ одномъ изъ охотничьихъ журналовъ, кажется въ «Природѣ и Охотѣ» Сабанѣева, я прочелъ стихотвореніе, посвященное тягѣ вальдшнеповъ. Кому принадлежитъ это стихотвореніе — я забылъ, но стихотвореніе запомнилъ на всю жизнь. Привожу его. Охотники будутъ благодарны.

Тяга.

«Заря ужъ гаснетъ понемногу.
Въ знакомый лѣсъ держу я путь
На перекрестную дорогу,
Гдѣ будутъ вальдшнепы тянуть.
Какъ лѣсъ отраденъ въ эту пору!
Какъ жизни глушь его полна!
Картинъ роскошныхъ сколько взору
Даритъ красавица весна!
Я отдаюсь весь созерцанью,
Любуюсь зеленью вѣтвей,
А надо мной, въ пылу признанья,
Поетъ безумно соловей.
Кругомъ звучатъ другіе хоры
Лѣсныхъ щебечущихъ пѣвицъ.
Квартеты, тріо, квинты, вторы
И крикъ и свистъ веселыхъ птицъ.
Но вотъ ужъ сумракъ набѣгаетъ.
Мой взоръ внимательно слѣдитъ,
А сердце чувствуетъ и знаетъ,
Что скоро, скоро полетитъ.
Какъ страстно это ожиданье!
Какъ напряженъ мой чуткій слухъ!
Я весь надежда, весь желанье
И занялся на сердцѣ духъ.
Еще минута ожиданья,
Зашелестѣлъ упавшій листъ
И вдругъ такъ ясно въ хорѣ пѣнья
Раздалось хорканье и свистъ.

Онъ потянулъ: крылами мѣрно
Онъ рѣжетъ воздуха струю,
Летитъ ко мнѣ — я знаю вѣрно
И, словно вкопанный, стою.
Еще минута — и убитый,
Онъ завертѣлся въ вышинѣ,
А лѣсъ, ужъ сумракомъ покрытый,
Стоитъ недвижно, въ полуснѣ».

Стрѣльба вальдшнеповъ на тягѣ, не требовавшая продолжительной ходьбы и не связанная вообще ни съ какими физическими затрудненіями, привлекала вниманіе любителей, которые всегда вызывались меня сопутствовать. Однако впечатлѣніе отъ тяги вальдшнеповъ и всей роскошной обстановки бывало иногда такъ сильно, что охотники - любители превращались въ настоящихъ, страстныхъ охотниковъ. Студентъ Сергѣй Николаевичъ Цызыревъ и вольноопредѣляющійся Александръ Василіевичъ Маргойтъ, побывавшіе со мною на тягѣ въ качествѣ свидѣтелей, воспылали охотничьею страстью и превратились со временемъ въ дѣльныхъ охотниковъ. Мать Цызырева была начальницею женской гимназіи и жила противъ дома, въ которомъ проживалъ Лентовскій, имѣвшій возможность со своего балкона во второмъ этажѣ наблюдать ее въ саду. Лентовскій прозвалъ ее «волшебницею Наиною», благодаря ея сѣдымъ, растрепаннымъ волосамъ. Отецъ Маргойта содержалъ гостинницу и почтовыхъ лошадей, которыми я пользовался для охотничьихъ экскурсій.

Кромѣ женской гимназіи въ городѣ Бѣломъ была мужская шестиклассная прогимназія, выстроенная на средства, пожертвованныя мѣстнымъ крупнымъ лѣснымъ промышленникомъ Ѳеодоромъ Кузьмичемъ Рѣзниковымъ. Это былъ типичный неграмотный богачъ и скряга; ему принадлежало несмѣтное количество десятинъ лѣса. Лицомъ онъ былъ красенъ, безъ растительности; носъ имѣлъ большой, хищный — крючкомъ; голова тоже безъ растительности, большая и красная, рѣдькою хвостомъ внизъ, слегка прихрамывалъ; всѣмъ говорилъ ты, вмѣсто слова изгородь—говорилъ «азгорода» и каждому, посѣтившему его впервые, лицу давалъ читать вслухъ указъ о награжденіи его орденомъ Св. Анны третьей степени, за благотворительность. «На, читай, видишь, что тутъ написано». Если читающій произносилъ вмѣсто Ѳеодоръ — Федоръ, то онъ его немедленно останавливалъ: «Читать не умѣешь, Ѳеодоръ, а не Федоръ». Долженъ сказать, что изъ представителей торговаго міра одинъ Рѣзниковъ являлъ изъ себя отталкивающую фигуру, остальные были всѣ очень симпатичные люди; — Суржаниновъ, Зенбицкій, Богомоловъ были культурны и воспитаны.

Какъ я уже упомянулъ, въ городѣ былъ клубъ, куда по вечерамъ собирались мужчины, чтобы «долбануть» (выпить), съиграть партію на биліардѣ и главное съиграть въ карты. Любимою игрою была игра въ «рамсъ» и въ «мушку», что почти тоже самое. Всѣ увлекались этою игрою;

играли весело и особенно весело, когда въ игрѣ принималъ участіе «Дѣдъ Лентовскій».

Изъ ближайшихъ помѣщиковъ горожане охотно посѣщали усадьбу Березовскихъ. По городу давался кличъ: «сегодня у Перлы, къ Березовчихѣ» и три городскихъ извощика собирали по городу желающихъ ѣхать «у Перлы». Второй такой гостепріимной усадьбою была усадьба земскаго начальника Бориса Петровича Колечицкаго. Онъ былъ прекрасный хозяинъ и одинъ изъ первыхъ началъ дѣлать и записывать пробный удой коровамъ. У Колечицкихъ любили танцовать и большой домъ способствовалъ этому. Бѣльскія барышни, среди которыхъ было много дѣйствительно красивыхъ, не анемичныхъ, не истеричныхъ, а здоровыхъ красавицъ, какъ напримѣръ Нина Петровна Суржанинова и другія, очень цѣнили радушіе Ираиды Ивановны, второй супруги Бориса Петровича. Колечицкій, бывшій офицеръ, былъ дѣльный земскій начальникъ, много работалъ, крестьянамъ всегда говорилъ: «братъ ты мой», но крестьяне его почему то не любили.

Терпѣть не могли крестьяне, хотя и боялись, земскаго начальника статнаго, высокаго, молодого красавца, изъ военныхъ, Хмару-Барщевскаго. Одѣвался онъ немного странно: высокіе сапоги со шпорами, синіе съ красною полоскою рейтузы; сѣрая двубортная тужурка съ форменными Министерства Внутреннихъ Дѣлъ пуговицами, фуражка съ кокардою и стэкъ въ рукѣ. Дисциплину онъ поддерживалъ великолѣпно и

волостное и сельское начальство въ его участкѣ было честно, работало много, толково, въ книгахъ былъ порядокъ, въ судахъ правосудіе, постолько, конечно, поскольку въ волостныхъ судахъ вообще возможно было правосудіе. Самъ Хмара-Барщевскій работать не любилъ, но другихъ работать умѣлъ заставлять.

Прокурорскій надзоръ въ г. Бѣломъ сосредоточивался въ лицѣ Товарища Прокурора Вишневскаго, тупого, ограниченнаго человѣка. Заключенія свои въ съѣздѣ онъ давалъ нудно и отправленію правосудія не помогалъ, скорѣе тормозилъ. Говорилъ вмѣсто шестнадцать «шешнацать» и заканчивалъ свое заключеніе всегда словами: «итакъ, я говорю, я повторяю».

Почетныхъ мировыхъ судей было мало и кромѣ бывшаго морского офицера Аркадія Семеновича Облачинскаго почти никто изъ нихъ въ засѣданіяхъ съѣзда участія не принималъ. Облачинскій владѣлъ большимъ имѣніемъ, имѣлъ прекрасныхъ, рѣзвыхъ лошадей, любилъ ѣздить быстро на тройкѣ, при чемъ кричалъ кучеру: «Васька, пошелъ». Почти къ каждому произнесенному слову Облачинскій имѣлъ неуклонную привычку прибавлять: «знаете ли, понимаете ли». Онъ былъ прекрасный и честный человѣкъ. Его всѣ любили.

Около двухъ лѣтъ провелъ я въ городѣ Бѣломъ и покинулъ его съ искреннимъ огорченіемъ, послѣ долгихъ и пьяныхъ прово-

довъ, увозя, поднесенный на память, драгоцѣнный портсигаръ, усыпанный подписями всѣхъ моихъ сослуживцевъ. «Счастливые годы, веселые дни, какъ вешнія воды промчались они».

Должность мирового судьи, которую я принялъ въ Рѣжицкомъ мировомъ округѣ, Витебской губерніи, представляла нѣкоторое повышеніе по службѣ, такъ какъ считалась въ пятомъ классѣ, тогда какъ должность городского судьи считалась въ шестомъ классѣ; компетенція мирового судьи была выше, содержаніе больше; вмѣсто двухъ тысячъ двухъ сотъ рублей въ годъ, двѣ тысячи семьсотъ рублей въ годъ. Мой мировой участокъ былъ великъ; большая часть его принадлежала къ Люцинскому уѣзду, изъ Рѣжицкаго уѣзда входило только двѣ волости: Вайводская и Ковнатская. Мировой Съѣздъ помѣщался въ городѣ Рѣжицѣ. Я поселился въ имѣніи Посинь, принадлежавшемъ госпожѣ Моникѣ Бениславской, въ большомъ двухэтажномъ, запущенномъ барскомъ домѣ, въ пріемныхъ покояхъ коего были мраморныя стѣны. Имѣніе было въ разоренномъ видѣ, лѣса вырублены, живой инвентарь почти отсутствовалъ. Я платилъ за пользованіе большею частью дома и за пару лошадей для разъѣздовъ — всего около трехсотъ рублей аренды въ годъ. Правда, къ имѣнію принадлежала корчма и такъ какъ къ разбору дѣла пріѣзжало много народу, то доходъ отъ корчмы сильно увеличился и управляющій имѣніемъ, добрѣйшій старикъ Никодимъ Антоновичъ Петкевичъ,

былъ вдвойнѣ радъ нахожденію въ имѣніи камеры мирового судьи.

Въ Посини я прожилъ четыре года. Дѣлъ было много — въ первые два года до четырехъ тысячъ въ годъ. Участокъ былъ запущенъ. Мой предмѣстникъ, старикъ мировой судья Стабровскій, отставной гусаръ, мало работалъ, предоставивъ почти все вѣдѣнію письмоводителя и чахоточнаго сына, кутилы, всегда нуждающагося въ деньгахъ; говорили, что дѣла велись не всегда честно. Населеніе было пестрое: кромѣ коренного Русскаго — латыши, старовѣры, евреи, поляки. Иногда приходилось прибѣгать къ помощи переводчика, ибо латыши, особенно бывшіе въ роли обвиняемыхъ, заявляли: «намо по кривски», что означало «не знаю по русски». Переводчикъ затягивалъ судебный процессъ и затруднялъ улавливаніе истины. До Рѣжицы, гдѣ ежемѣсячно бывали засѣданія мирового съѣзда, было свыше семидесяти верстъ. Сообщеніе было на лошадяхъ. Приходилось проѣзжать скверный, маленькій, грязный уѣздный городъ Люцинъ. Тамъ обычно я ночевалъ у мирового судьи Афанасія Михайловича Метлова. Метловъ былъ въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи и любилъ выпить. На его попеченіи были двѣ дочки — семи и восьми лѣтъ. Жена его бросила. Но ей онъ, кажется, продолжалъ помогать деньгами. За дѣвочками смотрѣла старая бонна-нѣмка, которая была строга и отчасти присматривала и за самимъ Афанасіемъ Михайловичемъ, который вдобавокъ

былъ очень близорукъ. Со своими дочками онъ былъ нѣженъ и обучалъ ихъ пѣнію, сохранивъ недурной голосъ, несмотря на шестой десятокъ лѣтъ и склонность къ алкоголю. Въ Люцинѣ проживала толстая, немолодая барыня, пѣвшая въ молодости въ хорѣ Императорской оперы и сохранившая свѣтлыя о ней воспоминанія. Она часто посѣщала Метлова и тогда они вдвоемъ вспоминали старину, съ такимъ увлеченіемъ предаваясь пѣнію изъ разныхъ оперъ, что пѣніе затягивалось далеко за полночь. Метловъ былъ честный, безобидный человѣкъ и не плохой судья.

Предсѣдателемъ съѣзда былъ сперва Валеріанъ Василіевичъ Запольскій, имѣвшій больную жену и красивую дочку невѣсту, а затѣмъ вскорѣ его смѣнилъ Николай Васильевичъ Толубѣевъ, бывшій Курскій городской голова. Восточное происхожденіе Толубѣева такъ ярко замѣтно было во всемъ его внѣшнемъ обликѣ, что его прозвали «Лихунчангомъ», съ коимъ онъ также былъ сходенъ и по своимъ дипломатическимъ способностямъ. Непремѣннымъ членомъ съѣзда, замѣняющимъ предсѣдателя, былъ Иванъ Николаевичъ Наумовъ, небольшой, круглый, съ бритымъ подбородкомъ и черными, нафабренными, стриженными усами. Наумовъ отлично велъ засѣданія съѣзда, называлъ всѣхъ латышей «Іониками» (Іоникъ по латышски означаетъ Иванъ) и былъ хорошій судья. Въ частной жизни онъ увлекался любительскими спектаклями, былъ недурной комикъ и хорошій режиссеръ. Какъ че-

ловѣкъ, былъ большимъ эгоистомъ, любилъ поѣсть, но къ себѣ не приглашалъ.

Въ Рѣжицѣ было двѣ гостинницы; обѣ не отличались чистотою и не были чужды клоповъ. Я предпочиталъ пользоваться гостепріимствомъ коллеги — мирового судьи Леонида Рудольфовича Гентцельта. Это былъ добродушный нѣмецъ, женатый на Берлинской нѣмкѣ и имѣвшій сына по имени Куртъ. Самъ Гентцельтъ по русски говорилъ съ акцентомъ, а жена и сынъ почти не умѣли говорить по русски. Назначенный мировымъ судьею съ должности нотаріуса, Гентцельтъ былъ отличнымъ цивилистомъ, не чуждымъ однако излишнимъ формальностямъ. Дѣло свое онъ ни только любилъ, но смаковалъ и если попадался гражданскій искъ посложнѣе, то разобраться въ немъ для него было наслажденіемъ. Въ окончательномъ рѣшеніи, всегда пространномъ и обстоятельномъ, онъ выписывалъ массу Сенатскихъ рѣшеній, подтверждающихъ правильность его рѣшенія. Не помню случая, чтобы съѣзду пришлось отмѣнить его рѣшеніе по гражданскому дѣлу. Иначе обстояло съ дѣлами уголовными. Незнаніе русской жизни вообще и незнаніе и непониманіе крестьянской жизни, въ частности, не рѣдко мѣшало ему правильно разобраться въ обстоятельствахъ дѣла. Помню, какъ въ одномъ уголовномъ дѣлѣ онъ опорочилъ показаніе единственнаго важнаго свидѣтеля пастуха по той причинѣ, что пастухъ шелъ впереди стада, тогда какъ по мнѣнію Гентцельта хорошій пастухъ долженъ

всегда идти сзади стада, долженъ гнать стадо. Съѣздъ приговоръ отмѣнилъ и Гентцельтъ былъ очень огорченъ. Долго потомъ пришлось мнѣ его убѣждать въ томъ, что хорошій пастухъ именно долженъ вести за собою стадо, идя впереди него, а не гнать предъ собою стадо, идя сзади. Онъ согласился только тогда, когда я сослался на пѣсню, въ которой поется: «Туру-туру! пастушекъ! Далеко ли отошелъ?» Слова пѣсни съиграли тутъ авторитетную роль рѣшенія Правительствующаго Сената.

Гентцельтъ страдалъ выпаденіемъ прямой кишки и припадки эти случались съ нимъ совершенно неожиданно, иногда во время засѣданія съѣзда. Тогда лицо его принимало такое страдальческое выраженіе и онъ такъ странно начиналъ ерзать на креслѣ, что предсѣдателю приходилось немедленно объявить перерывъ и Гентцельтъ первымъ стремительно удалялся изъ зала засѣданія, двигаясь тою особою, развалистою походкою, какою ходятъ обычно моряки во время сильной качки.

Очень слабаго здоровья былъ также мировой судья Митрофанъ Василіевичъ Карякинъ. Мужчина огромнаго роста съ большою рыжею бородою, желтымъ цвѣтомъ лица, Карякинъ страдалъ болѣзнью мочевого пузыря, катарромъ желудка и камнями въ печени, былъ желченъ и нервенъ. Такое болѣзненное состояніе конечно отражалось на его судебной дѣятельности. Въ то время я носился съ водолеченіемъ пастора Кнейппа, и, про-

9

ведя въ Верисгофенѣ, въ Баваріи, около двухъ мѣсяцевъ, и испытавъ на себѣ пользу этого леченія, я конечно всѣмъ и каждому рекомендовалъ примѣненіе этого простого, но суроваго леченія, восхваляя также дѣйствіе паровыхъ ваннъ изъ разныхъ цѣлебныхъ травъ. Вычитавъ въ одной изъ извѣстныхъ книгъ Кнейппа, не помню была ли то: „Mein Testament“, или „So sollt Ihr leben“, что паровая полуванна изъ травъ чернобыльника и другихъ какихъ то травъ способствуетъ усиленному выдѣленію мочи, я посовѣтовалъ Карякину испытать это средство. Увы, дѣйствіе этой ванны оказалось неожиданнымъ. Во первыхъ онъ лишился чувствъ, а во вторыхъ въ мочѣ показалась кровь. Мѣсяца два онъ проболѣлъ, при чемъ, сообщивъ оффиціальнымъ рапортомъ объ исторіи болѣзни, онъ горько жаловался на меня предсѣдателю съѣзда, считая меня исключительнымъ виновникомъ его болѣзни. Послѣ этого случая я къ счастью болѣе съ нимъ не встрѣчался, ибо онъ вскорѣ переведенъ былъ на ту же должность въ пограничный городъ Бендинъ.

Жившій на станціи Корсовка, мировой судья Тихорскій былъ строгъ, справедливъ и писалъ весьма краткія рѣшенія.

Мировой судья Яковлевъ питалъ слабость къ спиртнымъ напиткамъ, но былъ хорошимъ судьею; у него сильно дрожали руки.

Должность товарища прокурора занималъ сперва правовѣдъ Николай Ивановичъ Ненарокомовъ, впослѣдствіе назначенный сенаторомъ, а

послѣ Ненарокомова Холщевниковъ. Ненарокомовъ былъ талантливый и дѣльный юристъ и пользовался всеобщимъ расположенiемъ. Супруга его Лидiя Игнатьевна молодая, красивая, свѣтская барыня умѣла объединить общество и у нихъ всѣ охотно бывали, при чемъ всѣ кавалеры помоложе неизбѣжно за ней ухаживали.

Такъ какъ Рѣжицкiй мировой округъ соединялъ въ себѣ и Люцинскiй уѣздъ, то почетныхъ мировыхъ судей было много и они поочереди принимали участiе въ засѣданiяхъ съѣзда, раздѣляя наши труды и по мѣрѣ силъ и возможности облегчая ихъ. Въ числѣ ихъ назову, какъ особо дѣятельныхъ, Рѣжицкаго уѣзднаго предводителя дворянства Алексѣя Александровича Розеншильда-Паулина и Люцинскаго уѣзднаго предводителя дворянства князя Николая Николаевича Мещерскаго. Послѣднiй былъ склоненъ къ алкоголю, но пилъ дома, въ одиночку, такъ что въ пьяномъ видѣ его не видно было. Онъ содержалъ прехорошенькую дѣвицу, которую ревниво оберегалъ отъ всякаго посторонняго глаза, такъ что я, бывая у него нѣсколько разъ, могъ видѣть ее только мелькомъ. Прозывали ее «княжной Мышкой».

Должность почетнаго мирового судьи занималъ также, проживавшiй въ своемъ имѣнiи Фейманы, близь Рѣжицы, есаулъ Михаилъ Георгiевичъ Атаршиковъ. Онъ женатъ былъ на моей теткѣ Анастасiи Сергѣевнѣ Ознобишиной и я часто у нихъ гостилъ. Атаршиковъ былъ куль-

турный человѣкъ и въ большомъ и красивомъ имѣніи своемъ велъ передовое хозяйство. Одинъ изъ первыхъ онъ поставилъ въ имѣніи двигатель инженера Давыдова, привелъ въ порядокъ дороги, по которымъ передвигался на велосипедѣ, помѣстилъ на барскомъ домѣ Эолову арфу, завелъ хорошій погребъ и славился гостепріимствомъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Фейманъ, въ имѣніи Розентово и Горикoлно жили два брата Богомольцы: Филиппъ Михайловичъ Богомолецъ, женатый на прелестной француженкѣ Шарлоттъ, отецъ красивыхъ дѣтей—мальчика и дѣвочки, и холостой Михаилъ Михайловичъ Богомолецъ. Это были въ высшей степени просвѣщенные, образованные люди, умѣвшіе соединить жизнь въ Парижѣ съ дѣльнымъ и раціональнымъ управленіемъ имѣніями, которыя славились скотоводствомъ и молочными продуктами. Кто изъ петербуржцевъ не помнитъ «молочныя Розентово» и бѣлые сырки «Розентово». Одна такая молочная была недалеко отъ Городской Думы, въ Милютиныхъ рядахъ. Сырки «Розентово» дѣлались изъ снятого молока, были вкусны и продавались очень дешево, давая однако владѣльцу громадный доходъ. Богомолецъ для Петербурга былъ тѣмъ-же, чѣмъ былъ Чичкинъ для Москвы, а я впослѣдствіи для Гродна. Между прочимъ извѣстная винная фирма «Депрэ» принадлежала Богомольцамъ. Между Атарщиковыми и Богомольцами установились самыя дружескія отношенія. Они часто ѣздили другъ къ другу и вмѣстѣ выписывали

чуть ли не всѣ французскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы. Бывать у нихъ было для меня наслажденіемъ и отдыхомъ. Отъ Богомольцовъ же я почерпнулъ первыя практическія свѣдѣнія о скотоводствѣ и молочномъ хозяйствѣ и вскорѣ имѣлъ возможность примѣнить на дѣлѣ, въ своемъ имѣніи Новая Квасовка, Гродненскаго уѣзда, пріобрѣтенныя въ Розентовѣ первоначальныя свѣдѣнія и развить это дѣло до предѣловъ возможнаго. Когда же оно доведено было мною до того момента, что я уже собрался выписать изъ Швейцаріи доильную машину, когда доведенныя долголѣтнимъ подборомъ до высшей степени удойливости шестьдесятъ чистокровныхъ голландскихъ коровъ давали въ три раза больше молока, чѣмъ давали двѣсти ранѣе существовавшихъ въ имѣніи коровъ, — въ тотъ моментъ началась міровая война и мои подобранныя молочныя коровы были реквизированы на мясо. Нѣжныя и пріученыя къ аккуратной три раза въ день дойкѣ, коровы не выдержали длиннаго перегона; у большинства сдѣлалось въ пути отъ избытка молока воспаленіе вымени и онѣ пали.

Имѣніе Посинь, расположенное на рѣкѣ Синюхѣ, богатой заливными лугами, прилегало къ довольно большому мѣстечку, того же имени. Владѣлица имѣнія госпожа Бениславская въ имѣніи не жила; всѣмъ имѣніемъ управлялъ славный, веселый и честный старикъ Никодимъ Антоновичъ Петкевичъ, жившій вмѣстѣ со своею старою теткою-дѣвицею. Тетка Петкевичъ была необычай-

но скромна и застѣнчива, такъ что малѣйшее неосторожное слово заставляло ее краснѣть и восклицать «О Iезусъ, Марiя». Кромѣ Петкевичей въ барскомъ домѣ помѣщался еще лѣсничiй Iосифъ Iосифовичъ Савичъ — большой «ферлакуръ» и любитель женскаго пола. Въ мѣстечкѣ былъ прекрасный каменный костелъ, при немъ гостепрiимный ксендзъ Антонiй Мачукъ. Аптека, при ней докторъ Александръ Антоновичъ Фридманъ, изъ евреевъ, и почтовое отдѣленiе, съ почтовымъ начальникомъ, у коего я крестилъ сына. Вся вышеперечисленная Посиньская аристократiя любила поиграть въ преферансъ и въ девятый валъ, для чего по вечерамъ собиралась у кого нибудь изъ насъ; чаще всего у меня, въ виду занимаемаго мною большого помѣщенiя, или у ксендза. Каждый годъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, въ день Святаго Мартина, ксендзъ Мачукъ устраивалъ у себя традицiонный обѣдъ, состоящiй исключительно изъ гуся во всевозможныхъ видахъ: супъ «юшникъ» приготовлялся изъ гусиной крови, затѣмъ студень изъ потроховъ, почки и печенки горячiя, и наконецъ гусь жареный съ яблоками. Было вкусно, но тяжело. Послѣ такого обѣда въ преферансъ не играли, а начинали прямо съ игры въ девятый валъ, по маленькой, ставя не больше, по выраженiю доктора Фридмана, какъ «по полтинѣ», съ возможностью выиграть въ одну ставку максимумъ четыре рубля пятьдесятъ копѣекъ. Игру эту иногда называли такъ: «рубль ставишь — девять получаешь».

Ближайшимъ сосѣдомъ, хотя уже въ Себежскомъ уѣздѣ, былъ графъ Владиславъ Віельгорскій, имѣвшій красивую жену, двухъ дочекъ — девяти и десяти лѣтъ, любимца сына семи лѣтъ и толстую, некрасивую, но милую свояченицу панну Юзефу. Віельгорскій былъ въ большой дружбѣ съ Петкевичемъ, часто къ нему пріѣзжалъ, при чемъ они вдвоемъ выпивали неимовѣрное количество водки, совсѣмъ не хмѣлѣя. Не смотря на то, что имѣніе Юстиново было сильно разорено, Віельгорскіе любили принимать гостей и мы всегда ѣздили къ нимъ на кутью, въ сочельникъ, по польски «на вилію». За традиціоннымъ ужиномъ на сѣнѣ, положенномъ на столѣ и покрытомъ бѣлоснѣжною скатертью, подавалось неисчислимое количество всевозможныхъ постныхъ блюдъ, въ томъ числѣ обязательно «фрикадельки» въ маковомъ соусѣ и майонезъ изъ рыбы. Петкевичъ обожалъ майонезъ и задолго до кутьи начиналъ говорить о предстоящемъ майонезѣ. Все, что оставалось отъ майонеза, обязательно аккуратно завертывалось и Петкевичъ увозилъ съ собою для себя и для тетки, которая по старости лѣтъ въ гости не ѣздила. Сколько за такимъ, хотя и постнымъ, но обильнымъ, ужиномъ выпивалось водки, объ этомъ лучше не упоминать, но вспоминается имѣвшее мѣсто у меня пари о томъ, кто, выпивъ залпомъ чайный стаканъ водки, сдѣлаетъ наиболѣе пріятное лицо; въ этомъ состязаніи приняли участіе графъ Віельгорскій, мой другъ по охотѣ и по собаководству, помѣщикъ

имѣнія Бересни, Рѣжицкаго уѣзда, Андрей Людвиговичъ Таргонскій и помощникъ Люцинскаго уѣзднаго исправника Гайно - Сосновскій. Выигралъ графъ Віельгорскій, получившій въ награду еще одинъ стаканъ водки, который онъ выпилъ уже не залпомъ, а смакуя небольшими глотками. Частымъ гостемъ бывалъ мѣстный становой приставъ Владиміръ Модестовичъ Шеферъ. Это былъ кривляка, хотя довольно дѣльный, но вспыльчивый и неровный; говорили, что онъ давалъ иногда волю рукамъ. Шефферъ, будучи въ подвыпитіи, увѣрялъ, что у него двойная баронская фамилія Шефферъ-фонъ-Риккеръ; на это Петкевичъ хладнокровно добавлялъ: «ни только двойная, но тройная, а именно еще «бей въ морду»; Шефферъ не обижался, а нѣжно лобызалъ Петкевича въ лысину, послѣ чего инцидентъ заливался водкою.

Чрезъ годъ моего пребыванія въ Посини у мсня установились съ мѣстными помѣщиками, въ большинствѣ случаевъ поляками, самыя дружескія отношенія. Всѣ они имѣли у меня судебныя дѣла и послѣ окончанія судебнаго засѣданія всегда заходили ко мнѣ, оставаясь иногда и ночевать. Это все были воспитанные, милые люди, и общество ихъ было пріятно. Съ удовольствіемъ вспоминаю богатаго владѣльца имѣнія Бениславово, сѣдого, виднаго красавца инженеръ-генарала Антона Осиповича Бениславскаго. Я къ нему часто ѣздилъ. У него была не старая жена, дочь по мужу Котвичъ, другая дочь дѣвица и чрезвычай-

но симпатичный, веселый управляющій Случановскій, прозванный «Халимономъ». «Халимонъ» любилъ пѣть мѣстныя народныя пѣсни въ такомъ родѣ:

«Какъ ледъ трещитъ,
Очеретъ блеститъ.
А и кумъ до кумы судака тащитъ.
Ой и кумушка и голубушка
Сваришь мене судака,
Чтобы юшка текла.
А и юшечка и петрушечка.
Кума-жъ моя, кума душечка».

Старикъ Бениславскій совершенно неожиданно для всѣхъ сошелъ съ ума и въ припадкѣ безумія покончилъ съ собою, повѣсившись въ ванной комнатѣ на шнуркѣ отъ халата. Мнѣ, какъ мировому судьѣ, пришлось принять мѣры къ описи и охранѣ имущества, а потомъ и вскрыть завѣщаніе, оставленное покойнымъ.

Дальній родственникъ его, Леонъ Осиповичъ Бениславскій, жившій въ прекрасномъ имѣніи Истра, расположенномъ на берегу большого, красиваго и рыбнаго озера, очень любилъ играть въ карты, особенно въ преферансъ, въ которомъ считался лучшимъ игрокомъ. Мы иногда играли въ преферансъ вдвоемъ и такъ увлекались, что просиживали всю ночь. Играли по довольно крупной, такъ что игра кончалась около ста рублей. У него была красавица дочка, которая, къ сожалѣнію, была глуха, а самъ онъ страдалъ головными болями, что по польски называлось **„rospadzenje glowy“** — читай «роспендзенье гловы».

Сдѣлавъ явную ошибку въ картахъ, что бывало правда очень рѣдко, онъ всегда объяснялъ ее «роспендзеньемъ гловы».

До введенія въ Витебской губерніи земскихъ начальниковъ, крестьянскими административными дѣлами вѣдали особые чиновники Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, именовавшіеся непремѣнными членами крестьянскаго присутствія, по два на уѣздъ, назначаемые обыкновенно изъ помѣщиковъ, ровно ничего не дѣлавшіе и не могшіе дѣлать, въ виду величины участка. Это была полная синекура. Статскій Совѣтникъ Протасій Федоровичъ Альхимовичъ, жившій неподалеку отъ Посини въ своемъ имѣніи Ляудеры и очень много лѣтъ занимавшій эту должность, носилъ на шеѣ крестъ, а на головѣ фуражку съ краснымъ околышемъ, былъ очень слащавъ на словахъ и ласковъ въ обхожденіи. При игрѣ въ преферансъ сперва смотрѣлъ въ карты сосѣда, придерживаясь правила, что свои карты онъ всегда успѣетъ разсмотрѣть. У себя былъ радушенъ и угостителенъ. Имѣлъ дебелую, не старую супругу и «Богомдаденнаго» жеребенка, который, при проѣздѣ Альхимовича чрезъ нѣкую отдаленную деревню, увязался бѣжать за его лошадьми и, добѣжавъ до имѣнія Ляудеры, предпочелъ не возвращаться домой, а остаться въ Ляудерахъ. Альхимовичъ жеребенку въ этомъ не препятствовалъ и назвалъ его «Богомдаденнымъ». Крестьяне же послѣ этого случая стали звать самого Альхимовича «Богомдаденнымъ».

Православная церковь находилась въ десяти верстахъ отъ Посини, въ селѣ Истрѣ. Священникъ, отецъ Владиміръ Никифоровскій, былъ молодъ, полонъ силъ и дѣятельность священника его не вполнѣ удовлетворяла. Онъ считалъ себя бѣлоруссомъ, ссылался на «авторитетъ» своего брата профессора Никифоровскаго, обнаружившаго существованіе бѣлорусскаго языка, утверждалъ, что мѣстные крестьяне говорятъ на бѣлорусскомъ языкѣ и доказывалъ это анекдотомъ о томъ, какъ защищаетя обыкновенно на судѣ обвиняемый въ кражѣ крестьянинъ бѣлоруссъ: «коли бъ я, коли бъ что, коли бъ коли, коли бъ кому, коли бъ чего, а то я нигды, николи, никому, ничого, на чтожъ мнѣ тое что». Противъ такого доказательства существованія бѣлорусскаго языка трудно было возражать, тѣмъ болѣе, что прелесть бѣлорусскаго языка, кромѣ явной, ласкающей слухъ звучности и красоты, состояла еще въ томъ, что всякій русскій человѣкъ ни только могъ сразу понять бѣлорусскаго человѣка, но и самъ могъ безъ всякаго труда и подготовки заговорить по бѣлорусски. Иное дѣло понять и заговорить, напримѣръ, на литовскомъ языкѣ, хотя и извѣстно, что часто литовское слово существительное оканчивается на «ас» и чтоприставляя эту частицу «ас» къ русскому слову получается иногда литовское слово, напримѣръ: Ковно — Каунасъ, Вольдемаръ — Вольдемарасъ, Ичасъ и т. д., но все-таки никто по литовски сразу не пойметъ и не заговоритъ; трудный, своеобразный языкъ. По бѣлорусски я свободно

говорилъ и понималъ; по латышски понималъ двѣ фразы: «куй дзинъ по дѣлу» — что знаешь по дѣлу и «намо по кривски», не знаю по русски; по литовски ничего не понималъ и не говорилъ, главнымъ образомъ потому, что до 1916 года ни одного литовскаго слова не слышалъ.

По охотничьимъ дѣламъ мнѣ приходилось часто бывать въ сосѣднемъ Себежскомъ уѣздѣ и въ городѣ Себежѣ. Этотъ маленькій, грязненькій городокъ расположенъ среди лѣсовъ, на берегу красиваго Себежскаго озера. Жители этого городка слыли подъ названіемъ «Себежскіе ерши»; они были спокойны, незлобивы, очень любили водку и отличались своимъ остроуміемъ, въ которомъ изощрялись главнымъ образомъ другъ надъ другомъ. Идутъ, напримѣръ, два «Себежскихъ ерша» по берегу озера, вдругъ одинъ толкаетъ другого въ бокъ и, указывая рукою на воду, говоритъ: «смотри, смотри, видишь?» «Что видишь,» — спрашиваетъ другой: «какъ, что видишь, видишь— точило плыветъ».

Въ своемъ имѣніи около Себежа проживалъ помѣщикъ Куковичъ, считавшійся знаменитымъ охотникомъ. Однако онъ не любилъ мелкой дичи и предпочиталъ крупнаго, хищнаго звѣря — волка, рысь, медвѣдя. Онъ никогда въ окрестностяхъ Себежа не охотился, а обыкновенно уѣзжалъ куда-то далеко. Сборы были долгіе. Его видали отъѣзжающимъ, одѣтымъ во всѣ охотничьи доспѣхи, подпоясаннымъ двумя кинжалами, чрезъ плечо была повѣшена большая фляга.

На вопросъ, куда онъ ѣдетъ, Куковичъ отвѣчалъ: «на ловы». Чрезъ недѣлю, другую онъ возвращался, и охотничьимъ его разсказамъ не было конца. Трофеи обычно оставлялись имъ на мѣстѣ охоты, главнымъ образомъ въ виду дальности разстоянія и неудобства путей сообщенія на лошадяхъ. Это былъ типъ Себежскаго «Тартарена изъ Тараскона».

Охота въ Люцинскомъ, Рѣжицкомъ и Себежскомъ уѣздѣ была хороша. Охотничьи угодья привольны. Въ самой Посини, за садомъ начинались заливные ржавые луга, изобиловавшіе въ концѣ Іюля и въ Августѣ высыпками жирныхъ дупелей. Къ концу Сентября нѣкоторые такъ жирѣли, что при паденіи послѣ выстрѣла у нихъ лопалась кожа. Зажаренные, вмѣстѣ съ внутренностями, въ своемъ собственномъ жиру и поданные на прожаренномъ гренкѣ бѣлаго хлѣба, дупеля являлись «пищей боговъ».

Верстахъ въ двадцати отъ Посини находились «Ахрамѣевскія болота», тянувшіяся на много верстъ. Въ смыслѣ красоты мѣстности и изобилія ни только болотной дичи — дупеля, бекасы, гаршнепы, вальдшнепы, кроншнепы, кулики разныхъ видовъ, но и дичи куриной породы — тетерева, сѣрыя куропатки, обитавшія на болѣе сухихъ мѣстахъ среди болотъ, Ахрамѣевскія болота были несравненны. Въ это охотничье Эльдорадо я ѣздилъ обычно съ моимъ другомъ Таргонскимъ на нѣсколько дней. Останавливались у крестьянина

Ильи Николаева, у котораго было нѣчто вродѣ ружья. Разрѣшенія на право держанія ружья у него не было, какъ не было и охотничьяго билета. Онъ увѣрялъ, что охотится только съ нами, а безъ насъ ходитъ лишь «провѣрять» дичь. Конечно онъ занимался браконьерствомъ, но дичи было такъ много и сбытъ ея былъ такъ труденъ, что отъ этого браконьерства замѣтнаго вреда не было. Илья Николаевъ былъ сравнительно развитъ, грамотенъ, по природѣ мечтателенъ, не грубъ и не пьяница, очень любилъ и восхищался парою сѣрыхъ лошадей Таргонскаго, на которыхъ мы всегда ѣздили на охоту. Таргонскій изобрѣлъ для такихъ экскурсій особый экипажъ, названный «мары», имѣвшій подъ сидѣніемъ особое отдѣленіе для перевозки собакъ; экипажъ былъ рессорный и кромѣ того низъ наполнялся сѣномъ.

Мой вѣрный и лучшій товарищъ по страсти Андрей Людвиговичъ Таргонскій — теперь вѣроятно старѣйшій изъ плеяды охотниковъ того времени, до сихъ поръ здравствующій въ городѣ Вильнѣ, — жилъ въ то время въ своемъ имѣніи Бересни, Рѣжицкаго уѣзда, изъ коего былъ выжитъ великимъ бунтомъ 1917 года, сравнявшимъ его родовую усадьбу съ землею. Милѣйшая семья его, понынѣ здравствующая, состояла изъ супруги Эвелины Люціяновны и двухъ дочекъ — старшей Мани и меньшей восьмилѣтней Фели, или Фелюни. Прирожденная ласковость хозяйки дома, радушіе гостепріимство, музыкальность и новый большой барскій домъ—все это привлекало гостей, которые

оставались у нихъ днями. Такихъ вкусныхъ колдуновъ, какіе подавались въ Бересняхъ, я нигдѣ не ѣдалъ и съѣдалъ въ одинъ присѣстъ «витыхъ въ тѣстѣ, колдуновъ съ двѣсти», какъ сказалъ польскій поэтъ Сырокомля. Андрей Людвиговичъ въ то время только заложилъ основаніе своему питомнику кофейно, а потомъ и желто - пѣгихъ англійскихъ пойнтеровъ, на породѣ коихъ остановился, разочаровавшись въ длинношерстыхъ сеттерахъ. Со временемъ это дѣло развилось, и Андрей Людвиговичъ увлекъ и меня. Мы оба ни только разводили пойнтеровъ, но съ любовью ихъ сами дрессировали и натаскивали, достигая отличныхъ результатовъ. Пойнтера Таргонскаго, которыхъ онъ продавалъ, беря не менѣе трехсотъ рублей за пойнтера, разсылались во многія мѣста Россіи и пользовались любовью охотниковъ.

Родоначальникомъ кофейно - пѣгихъ англійскихъ пойнтеровъ былъ «Джонъ» отъ «Бэны» Бунина и «Сноба» Малыхина, изъ Гродна. Наиболѣе выдающеюся по полевымъ качествамъ была сука «Дэзи», проявлявшая природный анонсъ, и ея однопометница моя «Лэди», затѣмъ «Тиръ», проданный принцу Александру Ольденбургскому.

Въ имѣніи Бересняхъ была моя послѣдняя въ Россіи охота; въ концѣ Августа 1916 года на Мальцановскомъ озерѣ мы съ Таргонскимъ стрѣляли утокъ; я пробовалъ мое новое охотничье ружье „**Holland - Holland**“. Послѣдній выстрѣлъ сдѣлалъ на пробу, на бѣшенное разстояніе, и ко всеобще-

му удивленію утка упала убитою. Эго былъ мой послѣдній выстрѣлъ.

У Таргонскихъ я познакомился съ извѣстнымъ охотникомъ-писателемъ Николаемъ Григоріевичемъ Бунинымъ, обладавшимъ упомянутою красивою кофейно-пѣгою сукою «Бэною», отличавшейся также чистою работою въ полѣ. Книжка «Охотничьихъ разсказовъ» Бунина написана такимъ хорошимъ языкомъ, такъ живо, интересно и поэтично, что можетъ быть сравнена съ «Записками Охотника» Тургенева. Особенно хороши два разсказа: «Піонерка» и «Зачикалъ». Въ первомъ описана барышня-охотникъ, Людмила Петровна Гальковская, дочь Рѣжицкаго, потомъ Двинскаго уѣзднаго исправника Гальковскаго. Я ее зналъ лично, лично съ нею охотился, и могу сказать, что она была настоящимъ ружейнымъ охотникомъ и хорошимъ товарищемъ по охотѣ. Описанный Бунинымъ случай, когда Гальковская застрѣлила перваго медвѣдя и ея пуля была опознана по «паненкиной дырочкѣ» — есть истинный случай. Впослѣдствіе Гальковская вышла довольно неудачно замужъ за Утрецкаго, но охота оставалась для нея всегда высшимъ наслажденіемъ.

Трагично потерявъ «Бену» въ описанномъ имъ также случаѣ, Бунинъ завелъ молодого чистокровнаго красавца, ирландскаго краснаго сеттера «Бирюка». Это былъ очень горячій, съ широкимъ, быстрымъ, змѣинымъ поискомъ и хорошимъ чутьемъ кобель, но онъ былъ несдержанъ и не по ногамъ старику Бунину, «цуфуски» коего ста-

ли слабѣть. Какъ онъ ни мучился съ этимъ, по его словамъ «идоломъ», какъ ни свисталъ, какъ ни наказывалъ, ничего не помогало. Когда «Бирюкъ» вдали замиралъ въ красивой стойкѣ, Бунинъ не успѣвалъ къ нему приблизиться на выстрѣлъ, «Бирюкъ» срывался со стойки и въ пылу страсти начиналъ гнаться за взлетѣвшею птицею. Пробовалъ Бунинъ водить «Брюка» и на кордѣ, но былъ не въ силахъ удержать его — такъ горячо и страстно «Бирюкъ» рвался впередъ. Въ концѣ концовъ, какъ ни нѣжно любилъ «Бирюка» Бунинъ, пришлось съ нимъ разстаться.

Въ то время Бунинъ гостилъ въ имѣніи Константиново, принадлежавшемъ его другу, Двинскому Предводителю Дворянства Леониду Ивановичу Писареву. Писаревъ принадлежалъ къ школѣ старыхъ, настоящихъ ружейныхъ охотниковъ съ лягавою собакою, т. е. тѣхъ охотниковъ, для которыхъ прелесть охоты состоитъ ни въ томъ, чтобы настрѣлять побольше дичи, а въ общеніи съ природою, въ чистой работѣ породистой собаки, въ красотѣ стойки, въ хорошемъ выстрѣлѣ. Въ этомъ онъ сходился съ Бунинымъ, Таргонскимъ и мною. Не совсѣмъ такъ смотрѣлъ на охоту его сынъ Петенька Писаревъ, представлявшій нежелательный типъ охотника «шкурятника» и огорчавшій этимъ отца. Этотъ Петенька, видя какъ Бунинъ мучается съ дрессировкою слишкомъ горячаго, чистокровнаго красавца ирландца «Бирюка», добродушно, въ присутствіи отца, заикаясь слегка, замѣтилъ: «не всегда чистокровныя собаки

10

бываютъ хороши, иногда изъ мѣшанцовъ выходятъ хорошія собаки». Старикъ Писаревъ чрезвычайно огорчился и отвѣтилъ сыну: «вотъ видишь, голубчикъ, когда глупость скажешь, непремѣнно заикнешься». Бунинъ сдѣлалъ послѣднюю хитрую попытку пріучить «Бирюка» являться на свистокъ и поручилъ сыну кучера наказывать «Бирюка» ремнемъ, когда послѣдній не явится на свистъ хозяина, самъ же его не билъ, а при появленіи, наоборотъ, ласкалъ. Когда однажды вмѣсто ремня, мальчикъ побилъ «Бирюка» палкою, то Бунинъ чуть не со слезами на глазахъ пожаловался Писареву. Послѣдній вызвалъ отца злого мальчика. Кучеръ, оправдывая поступокъ сына, сказалъ: «знамо, ребенокъ». Бунинъ, присутствовашій при этомъ объясненіи и нервно похаживавшій по комнатѣ, возмутился, ибо парню было свыше шестнадцати лѣтъ, и подойдя къ Писареву сказалъ: «да, хорошъ ребенокъ, безъ подставки на кобылу прыгнетъ». Однако и такой утонченный пріемъ дрессировки не помогалъ и «Бирюкъ» былъ проданъ богатому купчику изъ Пскова. На первой же охотѣ «Бирюкъ» не выдержалъ стойки по бекасу, или бекасъ слишкомъ скоро поднялся, но купчикъ не успѣлъ приблизиться на выстрѣлъ и съ досады, или по хвастовству, такъ какъ при этомъ присутствовали его товарищи, — выстрѣлилъ въ «Бирюка» и убилъ его наповалъ. Бѣдный «Бирюкъ» палъ жертвою своей горячей, чистой крови и благородной страсти всего на третьемъ году жизни. Если бы Бунинъ былъ помоложе, то несомнѣнно у него

хватило бы силъ и терпѣнія нѣсколько спокойнѣе заняться этою выдающеюся по красотѣ и чутью собакою, тѣмъ болѣе, что ирландцы никогда по первому полю не отличаются надлежащею выдержкою.

Какъ общее правило признано, что чѣмъ чище кровь и породистѣе животное — будь то собака, лошадь или корова, тѣмъ характеръ у него мягче, благороднѣе, спокойнѣе, и потому породистое животное всегда легче поддается дрессировкѣ и пріятнѣе и ласковѣе въ обращеніи, чѣмъ не породистое и «мѣшанцы». И среди скотовъ имѣются свои аристократы.

Въ практикѣ Мирового Суда попадались иногда дѣла довольно сложныя и интересныя, въ бытовомъ и юридическомъ смыслѣ. Доходя въ кассаціонномъ порядкѣ до Правительствующаго Сената, такія дѣла служили поводомъ подробнымъ кассаціоннымъ разъясненіямъ Сената, которыя въ свою очередь служили нѣкоторымъ руководствомъ и помощью при послѣдующемъ разсмотрѣніи судомъ подобныхъ или аналогичныхъ случаевъ.

Мнѣ ясно вспоминается интересное уголовное дѣло по обвиненію евреемъ Янкелемъ Фонаревымъ помѣщика Витольда Шахно въ неосторожныхъ дѣйствіяхъ, послѣдствіемъ коихъ было причиненіе увѣчья и неизгладимаго на лицѣ обезображенія. Обстоятельства дѣла, какъ они выяснились на судебномъ слѣдствіи, таковы: зимою, по ухабистой, высоко набитой снѣгомъ дорогѣ, обнесенной изгородью, еврей Янкель Фонаревъ,

рѣдкій и хорошій типъ еврея-земледѣльца, проѣзжалъ на низкихъ саняхъ-дровняхъ чрезъ имѣніе Рунданы, помѣщика Витольда Викторовича Шахно. Стая дворовыхъ собакъ напала на проѣзжающаго; лошадь испугалась и понесла; Фонаревъ вывалился изъ саней и былъ поднятъ прибѣжавшими на крикъ и лай людьми, при чемъ лицо его оказалось въ крови и въ ранахъ. Свидѣтели на судѣ установили, что Фонаревъ, испугавшись, чтобы собаки не стащили его съ саней, повернулся спиною къ лошади, подобралъ подъ себя ноги и сталъ размахивать кнутомъ, отбиваясь отъ собакъ; лошадь стала бить задомъ и понесла. Медицинская экспертиза обнаружила у Фонарева на затылкѣ и теменной части головы слѣды отъ ударовъ твердымъ предметомъ, каковымъ могла быть желѣзная подкова; раны на лицѣ могли быть причинены деревянными кольями и переплетомъ изгороди, на которую Фонаревъ упалъ. Предусмотрѣнное закономъ за этотъ проступокъ наказаніе было невелико, но къ лицу, признанному по суду въ этомъ проступкѣ виновнымъ, можно было предъявить на законномъ основаніи гражданскій искъ, сумма коего могла быть значительною. Это обстоятельство повидимому и хотѣлъ использовать Фонаревъ. Дѣло это вызвало всеобщій къ себѣ интересъ. Къ разбору его съѣхались почти всѣ сосѣдніе помѣщики. Пришлось въ камеру пускать публику по билетамъ. Защищать Шахно пріѣхалъ знаменитый присяжный повѣренный, правовѣдъ, Эразмъ Львовичъ Бутковскій. Со

стороны обвинителя Фонарева былъ одинъ присяжный и одинъ частный повѣренный. Разборъ дѣла затянулся до поздняго вечера. Шахно былъ мною оправданъ. Рѣжицкій мировой съѣздъ, куда дѣло перешло на разсмотрѣніе по апелляціи Фонарева, приговоръ мой утвердилъ, а Правительствующій Сенатъ кассаціонную жалобу Фонарева оставилъ безъ послѣдствій.

Заканчивая воспоминанія изъ моей судебно-мировой практики, хочу письменно покаяться въ одномъ учиненномъ мною служебномъ проступкѣ, который, хотя нынѣ и не особенно тяготитъ меня, но все же до нѣкоторой степени лежитъ на моей совѣсти. Вотъ онъ: графъ Віельгорскій получилъ отъ своего родственника, управляющаго большимъ лѣснымъ имѣніемъ въ Могилевской губерніи, телеграмму, извѣщающую, что обложенъ на берлогѣ крупный медвѣдь и приглашающую его, Таргонскаго и меня, не откладывая, пріѣхать на охоту. Приглашеніе было слишкомъ заманчиво, борьба между сознаніемъ чувства служебнаго долга и охотничьею страстью была непродолжительна. Подписавъ соотвѣтствующіе бланки на случай привода арестанта, подлежащаго по закону допросу въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, и поручивъ моему вѣрному письмоводителю Марцинкевичу успокоить вызванную въ камеру на ближайшіе два дня публику и объяснить ей чѣмъ угодно мое отсутствіе, — я выѣхалъ вмѣстѣ съ графомъ Віельгорскимъ и Таргонскимъ въ Могилевскую губернію. Охота была удачна. Мед-

вѣдь былъ убитъ. На четвертый день я уже былъ дома и тотчасъ повторилъ вызовы по всѣмъ отложеннымъ изъ за моего отсутствія дѣламъ. Никто никакого неудовольствія на меня не заявилъ. **Mea culpa, mea maxima culpa!**

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

«Дворянство есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и заслугъ начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, потомству своему пріобрѣли наименованіе благородное».

Изъ Высочайшей грамоты, жалованной дворянству, Императрицею Екатериною Великою.

Въ началѣ 1900 года, Гродненскій Губернаторъ Николай Александровичъ Добровольскій предложилъ мнѣ занять должность Гродненскаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства и въ то же время я получилъ предложеніе Министерства Юстиціи занять должность уѣзднаго члена Окружнаго Суда въ одномъ изъ городовъ Витебской губерніи, въ которой вводилась реформа земскихъ начальниковъ. Я предпочелъ первое пред-

ложеніе и вернулся въ родную Гродненскую губернію, поселившись въ имѣніи Квасовка Новая, доставшимся мнѣ по наслѣдству послѣ смерти отца и расположенномъ въ двадцати верстахъ отъ губернскаго города Гродно и въ сорока верстахъ отъ имѣнія Мосты, въ коемъ жилъ мой старшій братъ Александръ, смѣнившій отца на должности мирового судьи.

Гродненская, Виленская и Ковенская губернія входили въ составъ Виленскаго Генералъ-Губернаторства, во главѣ коего стоялъ Виталій Николаевичъ Троцкій, твердою рукою управлявшій ввѣреннымъ ему краемъ.

Населеніе обширной Гродненской губерніи на двѣ трети приблизительно состояло изъ русскихъ, православныхъ крестьянъ, но крупное землевладѣніе было сосредоточено въ рукахъ польскихъ землевладѣльцевъ, такъ что на сто польскихъ землевладѣльцевъ приходилось приблизительно тридцать русскихъ какъ то выяснилось при выборѣ Члена Государственнаго Совѣта отъ съѣзда землевладѣльцевъ Гродненской губерніи, выбравшаго поляка, Камергера Высочайшаго Двора Константина Генриховича Скирмунта.

Изъ уѣздныхъ городовъ Гродненской губерніи выдающееся положеніе занимали: Бѣлостокъ, крупный торговый и фабричный центръ, Брестъ-Литовскъ, первоклассная крѣпость, нынѣ исторически прославленный своимъ «пахабнымъ» для Россіи миромъ, Соколка — бывшій центръ православнаго паломничества въ расположенный по-

близости въ высшей степени культурный Красностокскій монастырь, управляемый всѣми любимою игуменьею матушкою Еленою; города Бѣльскъ и Волковыскъ славились расположенными въ предѣлахъ уѣзда громадными лѣсами, въ Бѣльскомъ уѣздѣ же находилась всемірно - извѣстная Бѣловѣжская пуща, съ ея зубрами и Царскимъ охотничьимъ дворцомъ.

Въ то время дворянскіе выборы были уже отмѣнены во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ и у насъ уѣздные Предводители Дворянства назначались властью Генералъ-Губернатора, по представленію мѣстнаго Губернатора. Однако это ничуть не устраняло польскихъ дворянъ отъ возможности быть назначеннымъ Предводителемъ Дворянства и если Предводителей Дворянства изъ поляковъ было сравнительно мало, то это объясняется отчасти ихъ уклоненіемъ и не желаніемъ занять эту должность; депутаты дворянства почти отъ всѣхъ уѣздовъ были поляки. Гродненскимъ Предводителемъ Дворянства многіе годы былъ всѣми уважаемый Тайный Совѣтникъ Иванъ Фаддѣевичъ Урсынъ - Нѣмцевичъ, полякъ, занимавшій эту должность до самой своей смерти. На должность Предводителя Дворянства обычно назначались мѣстные дворяне землевладѣльцы, но иногда, въ видѣ исключенія и скажу — весьма прискорбнаго исключенія, противнаго самому смыслу этой должности — назначались лица, хотя достойныя во всѣхъ отношеніяхъ, но безземельныя. Между такими Предводителями Дворянства и мѣстнымъ

дворянствомъ ложилась на всегда непроходимая пропасть. Случалось, что на эту должность назначались лица, владѣвшія землею въ другой губерніи. Считаю это тоже неправильнымъ, ибо мѣстныя условія жизни бываютъ различны ни только по губерніямъ, но и по уѣздамъ и пришлый со стороны Предводитель потеряетъ много времени на изученіе и приспособленіе къ мѣстнымъ условіямъ, кромѣ того такое назначеніе со стороны является обиднымъ для всего дворянства даннаго уѣзда или губерніи: какъ будто въ его средѣ не нашлось достойнаго кандидата. Эти соображенія не раздѣлялись Генералъ-Губернаторомъ и, послѣ смерти Урсынъ - Нѣмцевича, на должность Гродненскаго Губернскаго Предводителя Дворянства былъ назначенъ Вилькомирскій, Ковенской губерніи, уѣздный Предводитель Дворянства Петръ Владиміровичъ Веревкинъ. Веревкинъ былъ дѣльный и тактичный Предводитель, но имѣлъ всегда понятное тяготѣніе къ своему Вилькомирскому имѣнію и часто уѣзжалъ изъ Гродна, передавая мнѣ, какъ его законному замѣстителю „alter ego" свою должность, что при массѣ работы по должности уѣзднаго Предводителя было, хотя и почетно, но не особенно пріятно и для дѣла врядъ ли полезно. Веревкинъ впослѣдствіе былъ назначенъ Ковенскимъ Губернаторомъ, оставался таковымъ до переворота, былъ любимъ и теперь благополучно живетъ въ своемъ литовскомъ имѣніи. Говорили, что когда Веревкинъ занялъ послѣ смерти Урсынъ-Нѣмцевича должность

Гродненскаго Губернскаго Предводителя Дворянства, то дворяне-поляки «посеймиковали» и тайнымъ порядкомъ избрали своего Губернскаго Предводителя Дворянства. Думаю, что это сплетня, такъ какъ внѣшне они держали себя въ отношеніи Веревкина вполнѣ корректно, но если это даже была и правда, то ее можно было только привѣтствовать, ибо такимъ тайнымъ Предводителемъ называли достойнѣйшаго и тактичнѣйшаго Константина Генриховича Скирмунта, выбраннаго впослѣдствіе въ Члены Государственнаго Совѣта, а послѣ переворота бывшаго сперва Польскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, а затѣмъ посломъ въ Лондонѣ.

Должность Уѣзднаго Предводителя Дворянства соединена съ самою разнообразною, многосложною и трудною дѣятельностью. Такъ Уѣздный Предводитель является предсѣдателемъ уѣзднаго съѣзда земскихъ начальниковъ, при чемъ послѣдніе назначаются Генералъ - Губернаторомъ по представленію Предводителя Дворянства по соглашенію съ Губернаторомъ; онъ является предсѣдателемъ уѣзднаго по воинской повинности присутствія, при чемъ осеннее время производства набора, съ выѣздами въ уѣздъ, требуетъ затраты большой энергіи и труда; онъ является предсѣдателемъ дворянской опеки — какъ надъ имуществомъ, такъ и надъ личностью дворянъ, при чемъ лично присутствуетъ при освидѣтельствованіи умственныхъ способностей при душевныхъ заболѣваніяхъ дворянъ; онъ участвуетъ въ собраніи

Предводителей Дворянства и въ депутатскомъ собраніи; онъ предсѣдательствуетъ въ комиссіи по отчужденію земель для государственной надобности; онъ предсѣдательствуетъ въ чиншевомъ присутствіи; онъ участвуетъ въ засѣданіи судебной палаты съ сословными представителями; онъ предсѣдательствуетъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, участвуетъ въ лѣсоохранительномъ комитетѣ, предсѣдательствуетъ въ комиссіи по составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей, предсѣдательствуетъ въ комиссіи по выборамъ почетныхъ мировыхъ судей; онъ приглашается въ разные губернскіе комитеты; онъ предсѣдательствуетъ въ разныхъ временныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ «ad hoc». Однимъ словомъ говоря, нѣтъ въ уѣздѣ той отрасли жизни, въ которой не привлекался и къ которой не былъ бы причастенъ Уѣздный Предводитель Дворянства. Уѣздный Предводитель есть тотъ же уѣздный губернаторъ и если Предводитель идетъ рука объ руку съ Губернаторомъ, то дѣла уѣзда и благополучіе жителей процвѣтаютъ.

Содержанія Уѣздный Предводитель не получалъ, но какъ предсѣдатель уѣзднаго съѣзда получалъ двѣ тысячи рублей въ годъ.

При вступленіи моемъ въ должность, я засталъ еще послѣдніе дни существованія мировыхъ посредниковъ и Уѣзднаго Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ, коего сдѣлался предсѣдателемъ. Не могу безъ отвращенія вспомнить это архаическое, безправное, безпомощное, почти беззаконное уч-

режденіе. Въ уѣздѣ, раздѣлявшемся рѣкою Нѣманомъ на двѣ части, было двадцать двѣ волости, изъ нихъ одиннадцать волостей ссставляли участокъ мирового посредника Владиміра Алексѣевича Семенова и другія одиннадцать составляли участокъ мирового посредника Михаила Владиміровича Пчицкаго. Участки были такъ велики, что объѣхать всѣ волости можно было очень рѣдко, а между тѣмъ личное присутствіе очень часто бывало необходимо, хотя бы по такимъ дѣламъ, какъ выборы волостнаго старшины, выборы волсотныхъ судей, я не говорю уже про надзоръ за дѣятельностью волостныхъ судовъ. Въ виду такой дальности разстояній все производство мировыхъ посредниковъ сводилось къ бумажной, безконечной перепискѣ. Судебныя дѣла волостныхъ судовъ апелляціи не подлежали и рѣшались болѣе по обычаю, который сводился къ главному обычаю угощать волостныхъ судей водкою. Правда, въ случаѣ явнаго неправосудія, мировой посредникъ могъ представить дѣло волостного суда въ уѣздный съѣздъ мировыхъ посредниковъ къ отмѣнѣ. Но для этого мировому посреднику надо было усмотрѣть «явное неправосудіе», съ другой же стороны производство дѣлъ въ съѣздѣ тоже было бумажное, не гласное, безъ вызова сторонъ и свидѣтелей. Послѣ многолѣтней работы въ Бѣльскомъ уѣздномъ Съѣздѣ и въ Рѣжицкомъ Мировомъ Съѣздѣ, гдѣ дѣла рѣшались на основаніи священныхъ принциповъ Судебныхъ Уставовъ Императора Александра Второго: «Правда и Ми-

лость да царствуютъ въ судахъ», гдѣ творили судъ гласный, судъ скорый, правый и милостивый, равный для всѣхъ, — этотъ негласный бумажный судъ, судъ ощупью, въ потемкахъ былъ мнѣ безгранично противенъ. Къ счастью существованіе мировыхъ посредниковъ скоро окончилось и въ бытность Губернаторомъ князя Николая Петровича Урусова*) я получилъ отъ него радостную телеграмму, приглашающую пріѣхать къ нему для совмѣстнаго выбора кандидатовъ на должность земскаго начальника. Мы отъ души радовались вводимой реформѣ, обезпечивающей крестьянскому населенію правосудіе и создающей твердую, близкую къ народу власть, которая соединяла въ себѣ заботы о нравственномъ преуспѣяніи и хозяйственномъ благоустройствѣ крестьянъ. Вмѣсто двухъ ничего не дѣлавшихъ мировыхъ посредниковъ, въ Гродненскомъ уѣздѣ образовано было шесть земскихъ начальниковъ, изъ коихъ пять были мѣстными землевладѣльцами и только одинъ, безземельный графъ Литке, бывшій морской офицеръ, присланный изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ числѣ назначенныхъ земскихъ Начальниковъ былъ одинъ полякъ, Вольдемаръ Антоновичъ Войчинскій, на назначеніи коего я съ трудомъ настоялъ.

---

*) Князь Урусовъ, по словамъ его сестры, умученъ былъ на Кавказѣ большевиками, разрѣзавшими его живого на части; старшій его братъ Сергѣй, убитый тогда же, заставленъ былъ присутствовать при пыткахъ и смерти младшаго брата.

Войчинскій окончилъ университетъ, былъ сыномъ довольно виднаго дипломата, самъ одно время состоялъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, но какъ земскій начальникъ, былъ очень слабъ, въ особенности по дѣламъ судебнымъ; за то онъ былъ вполнѣ воспитанный и во всѣхъ отношеніяхъ порядочный человѣкъ, а также кулинаръ-любитель, каковою его любовью мы пользовались въ дни засѣданій Уѣзднаго Съѣзда. Два бывшіе Мировые Посредника — Семеновъ и Пчицкій и мой братъ Александръ, Мировой Судья, тоже получили назначеніе въ земскіе начальники. Земскій Начальникъ Аркадій Евграфовичъ Курловъ, обладавшій образованіемъ ниже средняго, былъ вполнѣ хорошимъ земскимъ начальникомъ, а когда письмоводителемъ къ себѣ онъ взялъ моего бывшаго прекраснаго письмоводителя поляка Марцинкевича, то и слегка хромавшая юридическая часть его работы подтянулась, онъ всегда успѣшно замѣнялъ недостающія познанія богатымъ житейскимъ опытомъ. Въ день введенія реформы состоялось первое торжественное засѣданіе Уѣзднаго Съѣзда; изъ всѣхъ лицъ, назначенныхъ земскими начальниками, одинъ только Войчинскій, ранѣе по службѣ штатнаго мѣста не занималъ и судейскихъ обязанностей не несъ и потому долженъ былъ принести служебную присягу. Такого рода присяжнаго бланка въ Съѣздѣ не оказалось, спѣшно послали въ Губернское Присутствіе и принесенный бланкъ Секретарь немедленно передалъ дожидавшемуся Войчинскому, ко-

торый, стоя предъ крестомъ, евангеліемъ и ксендзомъ сталъ громко читать текстъ присяги: «Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, Богомъ Израилевымъ, Адонай и т. д.» Послѣ слова «Адонай» Войчинскій, будучи католикомъ, въ смущеніи остановился. Оказалось, что въ торопяхъ былъ присланъ бланкъ присяги для свидѣтелей іудейскаго исповѣданія. Этимъ забавнымъ инцидентомъ Войчинскаго долго дразнили.

Уѣзднымъ членомъ въ нашъ Съѣздъ былъ назначенъ бывшій предсѣдатель Гродненскаго Съѣзда Мировыхъ Судей Александръ Петровичъ Фоллендоръ, а Товарищемъ Прокурора одно время состоялъ Георгій Георгіевичъ Замысловскій, позже талантливый правый членъ Государственной Думы.

Много было труда положено пока рабта наладилась, но долженъ добромъ помянуть всѣхъ членовъ Съѣзда до Секретаря Степана Максимовича Гмыра включительно; всѣ работали съ любовью, не за страхъ, а за совѣсть; назначенные со стороны два Городскіе Судьи Киселевичъ и Крачковскій были хороши и уже не далѣе какъ чрезъ годъ стали замѣтны благотворные плоды этой работы. Категорически утверждаю, что все мѣстное населеніе было довольно дѣятельностью земскихъ начальниковъ. Земскій начальникъ, всегда близкій населенію, скоро сдѣлался лицомъ, безъ котораго нашъ крестьянинъ положительно не могъ обходиться. Чтобы у него ни случилось

— по хозяйству, въ семьѣ, въ судѣ, съ волостнымъ или сельскимъ начальствомъ, съ батюшкой, съ ксендзомъ, съ учителемъ, съ паномъ, — крестьянинъ всегда спѣшилъ: «до Земскаго Начальника». Земскій начальникъ былъ Альфой и Омегой въ своемъ участкѣ. Авторитетъ его былъ великъ. Улучшеніе какъ состава новыхъ волостныхъ судей такъ и дѣятельности волостныхъ судовъ неуклонно подвигалось впередъ. То исключительное вліяніе на дѣла волостнаго суда и вообще на дѣла волости, какое ранѣе имѣлъ волостной писарь, стало замѣтно уменьшаться. Волостной старшина сталъ чувствовать себя хозяиномъ волости. Предсѣдатель волостного суда сталъ чувствовать себя независимымъ отъ писаря предсѣдателемъ и первымъ среди равныхъ. Волостной писарь по немногу спустился до своего надлежащаго положенія въ волости, т. е. до положенія писаря, записывающаго рѣшенія въ книгу, а не рѣшающаго дѣла. Конечно, хорошій успѣхъ реформы во многомъ обязанъ хорошему составу земскихъ начальниковъ, большинство коихъ обладало высшимъ образованіемъ и принадлежало къ составу мѣстныхъ землевладѣльцевъ. За мое почти пятилѣтнее пребываніе въ должности Гродненскаго уѣзднаго предводителя дворянства не было ни одного сколько нибудь выдающагося инцидента съ земскими начальниками и составъ ихъ не перемѣнился. Населеніе привыкло и знало своего земскаго начальника, земскій начальникъ зналъ населеніе своего участка и твердо понималъ, что зем-

скій начальникъ существуетъ для населенія, а не населеніе для земскаго начальника.

Въ работѣ Уѣзднаго Съѣзда принимали также участіе Почетные Мировые Судьи и такъ какъ многіе изъ нихъ принадлежали къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ, безъ различія національностей, то участіе ихъ было полезно. Съѣздъ часто поручалъ имъ производство мѣстныхъ осмотровъ, выѣздъ на мѣсто съ допросомъ на мѣстѣ свидѣтелей и экспертовъ.

Тотъ внѣшній знакъ, который по закону былъ присвоенъ каждому судьѣ и земскому начальнику, — металлическая цѣпь, надѣвающаяся на шею при отправленіи служебныхъ обязанностей, пользовался большимъ значеніемъ и уваженіемъ въ глазахъ населенія. Какъ только судья или земскій начальникъ надѣвалъ цѣпь — въ камерѣ или на сходѣ — немедленно воцарялась тишина.

Гродненская губернія по преимуществу губернія земледѣльческая; почва ея въ огромномъ большинствѣ плодородная, пшеница родится хорошо, луговъ много, много заливныхъ луговъ по рѣкѣ Нѣману, Бугу и Свислочи. Живя въ своемъ имѣніи Новая Квасовка, гдѣ почва была особенно плодородна, хотя слишкомъ тяжелая, суглинистая, я съ любовью занимался хозяйствомъ, входя во всѣ его мелочи и продѣлывая вмѣстѣ съ рабочими всѣ сельско-хозяйственныя работы, что кстати сказать вовсе не такъ трудно, а пріятно и хвастаться тутъ нечѣмъ. Я умѣлъ и косить, и пахать,

и разбрасывать навозъ. Конечно, я не продѣлывалъ работу съ утра до вечера, но, присутствуя при работѣ батраковъ или поденныхъ рабочихъ, а послѣднихъ всегда бывало много, — я старался принять участіе въ работѣ. Рабочимъ это было пріятно и побуждало къ усердію; мой авторитетъ въ глазахъ рабочихъ поднимался, ибо они видѣли, что хозяинъ понимаетъ работу и можетъ справедливо оцѣнить ихъ трудъ, по собственному опыту. Недостатка въ поденныхъ рабочихъ не было, село Лаша, Огородники, Даколовичи, Дорошевичи, Ликовка ежедневно присылали какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Я охотно платилъ рабочимъ нѣсколько больше, чѣмъ сосѣди и не изъ чувства человѣколюбія, а потому что при болѣе высокой платѣ качество труда всегда повышалось и съ избыткомъ оплачивало расходъ. Отношенія были самыя хорошія.

Въ Гроднѣ существовало Сельско-Хозяйственное Общество и Сельско-Хозяйственный Синдикатъ. Предсѣдателемъ Сельско-Хозяйственнаго Общества былъ упоминавшійся уже мною Скирмунтъ, потомъ мой другъ, сосѣдъ и товарищъ по Виленской гимназіи Станиславъ Константиновичъ Незабитовскій, потомъ князь Евстафій Сапѣга; мой братъ Александръ былъ Товарищемъ Предсѣдателя. Большинство членовъ Общества и всѣ служащіе конечно были поляки. Засѣданія и все дѣлопроизводство какъ въ Обществѣ, такъ и въ Синдикатѣ велись на государственномъ русскомъ языкѣ. Но во время и послѣ неудачной Японской

войны иногда засѣданія велись и на польскомъ языкѣ.

Въ это же приблизительно время (кажется въ Мартѣ 1905 года) мнѣ пришлось быть на первомъ «еврейскомъ погромѣ», происшедшемъ въ мѣстечкѣ Кринки, Гродненскаго уѣзда. Меня экстренно вызвалъ губернаторъ, милѣйшій и добрѣйшій Михаилъ Михайловичъ Осоргинъ и, въ виду болѣзни вице-губернатора, просилъ съѣздить въ м. Кринки, гдѣ, по полученнымъ отъ Гродненскаго Исправника свѣдѣніямъ, еврейская молодежь, частью мѣстная, частью прибывшая изъ Бѣлостока, разгромила квартиру становаго пристава, почту, волостное правленіе, учинило насиліе надъ лицами, разломало мебель, уничтожило дѣлопроизводство, сожгло бумаги, и т. д. Такъ какъ фабричное м. Кринки находилось въ моемъ уѣздѣ и сравнительно недалеко отъ моего имѣнія Квасовка Новая и такъ какъ случай былъ странный, то я поѣхалъ. Въ Кринкахъ я засталъ уже Гродненскаго Исправника, дѣльнаго и честнаго Николая Алексндровича Бюффонова, и новаго Прокурора Гродненскаго Окружнаго Суда Чаплинскаго, смѣнившаго правовѣда Шульгина, съ чинами полиціи производящихъ дознаніе. Настроеніе было тревожное. Говорили о бомбахъ, привезенныхъ изъ Бѣлостока, о предстоящихъ покушеніяхъ. Донесеніе, сдѣланное исправникомъ губернатору, во всемъ подтвердилось: нѣсколько сотъ молодыхъ евреевъ, по большею частью фабричныхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ партіи «бунда»,

частью мѣстные, частью прибывшіе изъ Бѣлостока, разгромили вдребезги Кринскія правительственныя учрежденія, до мѣщанской управы включительно, силою разогнали мѣстныхъ представителей власти и членовъ ихъ семействъ, и на нѣсколько часовъ захватили власть въ свои руки, при чемъ женѣ становаго пристава на ея вопросъ, зачѣмъ они дѣлаютъ погромъ, бундисты обиженно отвѣтили: «сударыня, это не погромъ, а революція». Помню, какъ меня удивило подобное странное заявленіе. Такимъ образомъ можно считать, что начало «великой и безкровной революціи» 1917 года было сдѣлано въ Мартѣ 1905 года, въ мѣстечкѣ Кринкахъ, Гродненскаго уѣзда, евреями бундистами.

Несмотря на ловко устроенное запугиваніе и желаніе вызвать панику среди немногочисленнаго, собравшагося въ Кринкахъ, начальства, исправникъ Бюффоновъ энергично производилъ дознаніе. Было арестовано около ста человѣкъ евреевъ погромщиковъ, и всѣ они помѣщены въ большомъ сараѣ, охраняемомъ только нѣсколькими полицейскими стражниками. Наступила ночь, которую мы провели, хотя безъ сна, такъ какъ возможно было возобновленіе безпорядковъ, но весело, ибо прокуроръ Чаплинскій отличался такимъ удивительнымъ юморомъ и умѣніемъ разсказывать въ лицахъ веселыя исторіи, что мы отъ души хохотали, и длинная, безлунная ночь прошла незамѣтно. На утро возникъ вопросъ, что дѣлать съ такою массою арестованныхъ. Снесшись по телеграфу

съ Губернаторомъ, устрашеннымъ количествомъ арестованныхъ, Бюффоновъ большую часть освободилъ, а около десятка отправилъ въ Гродненскую тюрьму. Чрезъ нѣсколько недѣль и они были освобождены, такъ какъ установить виновность отдѣльныхъ лицъ было невозможно.

Такъ кончился первый «еврейскій погромъ» въ Гродненской губерніи. Какъ всякій погромъ, онъ внушалъ чувство великаго отвращенія и омерзенія. Можетъ быть еслибъ онъ кончился иначе, то и «великая безкровная» не наступила бы вовсе или наступивъ, кончилась бы иначе.

Въ это время Виленскимъ Генералъ - Губернаторомъ былъ уже князь Петръ Дмитріевичъ Святополкъ-Мирскій, человѣкъ въ высшей степени добрый, гуманный, мягкій и слабаго здоровья. При немъ состоялось торжественное открытіе въ Вильнѣ памятника Императрицѣ Екатеринѣ Великой. Было нѣсколько пожалованій придворнымъ званіемъ. Вскорѣ послѣ этого князь Святополкъ - Мирскій былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и въ свою очередь назначилъ меня Гродненскимъ Вице-Губернаторомъ, на мѣсто скончавшагося моего друга и товарища по охотѣ, незабвеннаго Виктора Дмитріевича Лишина.

Былъ 1905 годъ. Противоправительственная агитація изъ подполья постепенно выходила наружу и дѣлалась все смѣлѣе. Правительство или не хотѣло, или не умѣло съ нею бороться. Тотъ могущественный полицейскій, жандармскій и военный аппаратъ, который находился въ полномъ

подчиненіи правительству, оставленъ былъ почти безъ употребленія, правительство имъ какъ бы пренебрегало и его не поддерживало. Аппаратъ этотъ отъ такого къ нему отношенія, безъ смазки, безъ должнаго ухода и вниманія, сталъ ржавѣть, портиться, разлагаться. Агитаторы это сразу поняли, оцѣнили и усиленно направили на него свою разлагающую дѣятельность. Нѣкоторые, особенно дѣятельные исправники, ловили такихъ агитаторовъ, представляли по начальству, которое обыкновенно милостиво отпускало ихъ на свободу. Агитаторы принадлежали главнымъ образомъ къ партіи «бундистовъ» и къ партіи польскихъ соціалистовъ, короче «П. П. С.». Начались совершенно неизвѣстныя прежде забастовки, дошло до того, что бабы вдругъ бросали на время жать или вязать снопы. Было глупо.

Гимназисты тоже волновались и хотѣли выразить какъ-нибудь свое волненіе на улицѣ, а гимназистки Гродненской гимназіи Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи даже появились однажды на улицѣ. Правда, для образумленія этихъ разшалившихся дѣтей, было вполнѣ достаточно только объявить, что въ слѣдующій разъ онѣ будутъ вспрыснуты на улицѣ холодною водою изъ пожарныхъ насосовъ. Выходившій въ то время, юмористическій журналъ «Плювіумъ», изощрялся въ остроуміи по поводу дѣтскихъ забастовочныхъ шалостей и представлялъ себѣ, какъ поступилъ бы Петръ Великій, еслибъ ему доложено было о дѣтской забастовкѣ:

«Школяры, сложивши руки,
Отошли отъ букваря:
Не желаемъ-де науки
При наличности царя».
«Разъяснить оравѣ шалой
Сколько въ книгѣ есть добра,
А съ начальства штрафъ не малый
Взять и выгнать со двора».

По губерніи поступали донесенія все тревожнѣе: въ Бѣльскомъ уѣздѣ у помѣщика Спинека крестьяне запретили рубить, проданный имъ на срубъ лѣсъ, силою прогнали купца съ его рабочими и обложили усадьбу. Въ подобныхъ случаяхъ обычно приходилось, по порученію Губернатора, ѣздить мнѣ «на усмиреніе»; иногда вмѣстѣ съ частью войскъ, иногда войска высылались впередъ. На сей разъ полурота солдатъ съ офицеромъ была выслана впередъ, а я поѣхалъ отдѣльно, взявъ съ собою только чиновника особыхъ порученій Осипа Александровича Лихмарева, поляка, котораго имѣлъ основаніе считать мнѣ преданнымъ, такъ какъ онъ много лѣтъ служилъ письмоводителемъ у моего покойнаго отца въ бытность отца мировымъ судьею, и такъ какъ чиновникомъ особыхъ порученій онъ былъ назначенъ Губернаторомъ по моему усиленному настоянію въ видѣ исключенія, какъ полякъ.

Прибывъ на мѣсто, отъ Спинека узналъ, что крестьяне въ самомъ имѣніи производили безчинства, обѣщали ночью повторить и поджечь, и что офицеръ и полурота солдатъ уже прибыли. Явившійся офицеръ доложилъ, что прибыли благопо-

лучно, а на мой вопросъ, хороши ли его солдаты, заминаясь отвѣтилъ, что хороши, но что онъ не убѣжденъ, въ кого они будутъ стрѣлять—въ насъ или въ бунтующихъ крестьянъ. Вопросъ объ усмиреніи военною силою отпадалъ. Изъ разспросовъ выяснилось, что крестьяне подпали подъ вліяніе одного мѣстнаго учителя-агитатора и что если его обуздать, то волненіе уляжется. Тутъ пригодился Лихмаревъ, который былъ командированъ къ учителю съ частнымъ дипломатическимъ порученіемъ: предложить учителю на выборъ или прекратить немедленно свою пропаганду и успокоить крестьянъ, или лишиться мѣста и содержанія. Учитель избралъ первое. Инцидентъ былъ исчерпанъ.

Въ бытность мою вице-губернаторомъ, губернаторы мѣнялись очень часто и оставались очень коротко, такъ что я переѣхалъ на жительство въ губернаторскій домъ и почти все время управлялъ губерніей самостоятельно, теряя много времени на встрѣчу и проводы губернаторовъ.

Тутъ случилось мнѣ быть на второмъ еврейскомъ погромѣ, имѣвшемъ мѣсто въ городѣ Брестъ-Литовскѣ. Вызванный отчаянными телеграммами Брестскаго Полиціймейстера, засталъ населеніе въ паникѣ, магазины закрытыми, въ лазаретѣ нѣсколько побитыхъ или легко раненыхъ евреевъ. Оказалось, что безчинство произведено было пьяными солдатами, изъ запасныхъ. По словамъ высшихъ военныхъ властей, виновата была полиція и ея нераспорядительность. Полиція

утверждала, что виновато крѣпостное начальство и его нераспорядительность. Объѣхавъ весь городъ, приказавъ открыть магазины и посѣтивъ въ лазаретѣ раненыхъ, отправился съ высшими военными и гражданскими властями завтракать въ лѣтнемъ помѣщенiи клуба, въ саду. Завтракъ приближался къ концу, когда изъ города донеслись звуки нѣсколькихъ выстрѣловъ, и прибѣжали вѣстовые съ заявленiями, что погромъ возобновился. Немедленно прiѣхавъ на мѣсто, застали такую картину: нѣсколько сильно пьяныхъ запасныхъ солдатъ, кучками въ три, пять человѣкъ ходятъ изъ одной еврейской лавки въ другую, берутъ насильно товары, а при сопротивленiи учиняютъ насилiе и стрѣляютъ. Арестовать этихъ буяновъ не стоило никакого труда, при чемъ самъ корпусный командиръ генералъ Рѣзвой собственноручно тросточкою разгонялъ ихъ, приказывая идти въ казармы. Пьяные солдаты слушались даже его тросточки. Порядокъ былъ возстановленъ, никто тяжело раненъ не былъ. Гдѣ солдаты такъ напились, почему они самовольно покинули казармы и почему допущено было буйство, которое такъ легко было и предупредить и пресѣчь — я до сихъ поръ не знаю. При моемъ отъѣздѣ, на вокзалъ явилась депутацiя отъ Брестъ-Литовскихъ евреевъ съ просьбою, чтобы я не уѣзжалъ, въ виду того, что они опасаются продолженiя погрома. Такъ какъ крѣпостное начальство приняло надлежащiя мѣры, я уѣхалъ спокойно, пригрозивъ Полицiймейстеру, что въ случаѣ продолженiя безпоряд-

ковъ я его немедленно лишу мѣста. Погромъ не возобновился.

Тревожное настроеніе усиливалось во всѣхъ уѣздныхъ городахъ губерніи и особенно въ Бѣлостокѣ, откуда ежедневно получались по телефону самыя непріятныя извѣстія: стрѣльба и убійство постовыхъ городовыхъ, дворниковъ; былъ убитъ приставъ, раненъ помощникъ полиціймейстера. Я былъ безсиленъ что-либо сдѣлать. Въ Бѣлостокѣ было объявлено военное положеніе и вся полнота власти перешла къ начальнику многочисленнаго гарнизона генералу Богаевскому. Въ отвѣтъ на мои телеграммы Министру Внутреннихъ Дѣлъ, Товарищъ Миниистра Д. Ф. Треповъ, завѣдывающій полиціей, телеграфировалъ мнѣ: «подымите духъ чиновъ Бѣлостокской полиціи». Поднять духъ вообще всей полиціи давно слѣдовало, ибо ихъ разстрѣливали какъ куропатокъ, а поддержки, серьезной, матеріальной помощи со стороны начальства ни чины полиціи, ни семьи ихъ не видѣли. Понятно, что настроеніе полиціи было подавленное и озлобленное. Для дѣйствительнаго поднятія духа полиціи я просилъ о кредитѣ въ десять тысячъ рублей. Въ таковомъ мнѣ было отказано.

Вскорѣ, совершенно неожиданно, я получилъ отъ Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ Трепова телеграфный приказъ о немедленномъ снятіи военнаго положенія въ Бѣлостокѣ. Предвидя, что снятіе военнаго положенія будетъ истолковано, какъ уступка революціонерамъ, и несомнѣнно вызоветъ усиленный натискъ на полицію, которая, ли-

шившись видимой военной поддержки, будетъ совершенно обезкуражена и обезсилена въ своихъ дѣйствiяхъ, я позволилъ себѣ изложенныя соображенiя телеграфировать Трепову. Отвѣтная телеграмма Трепова гласила: «предлагаю исполнить приказанiе». Какъ только объявленiе о снятiи военнаго положенiя было въ Бѣлостокѣ расклеено по улицамъ города, — безпорядки усилились, повсюду стали собираться толпы народа, митинги (тогда это было ново), агитацiя усилилась, полицiя частью скрылась, многiе надѣли штатское платье. Былъ убитъ приставъ. Началась стрѣльба, грабежи. Былъ убитъ полицiймейстеръ. Генералъ Богаевскiй понялъ тревожное положенiе и своею властью начальника гарнизона возстановилъ относительный порядокъ въ городѣ.

Въ это время въ Гродно прiѣхалъ вновь назначенный Гродненскiй Губернаторъ Владимiръ Константиновичъ Кистеръ. Прiѣзду его я былъ несказанно радъ и, какъ полагается, встрѣтилъ его на вокзалѣ. При отбытiи въ коляскѣ съ вокзала, я предоставилъ ему ближайшее отъ подъѣзда вокзала въ ней мѣсто, а самъ обошелъ коляску кругомъ и сѣлъ на дальнѣйшее мѣсто, не сообразивъ, что это было правое, а слѣдовательно почетное мѣсто. Кистеръ попросилъ меня пересѣсть. Кистеръ заявилъ мнѣ, что Министръ недоволенъ Бѣлостокскими событiями, что отнынѣ Кистеръ самъ будетъ вѣдать Бѣлостокомъ, устраняя меня отъ всякаго участiя въ управленiи Бѣлостокомъ. Недовольство Министра было вполнѣ понятно, а устра-

неніе меня отъ управленія Бѣлостокомъ было для меня радостно, камень съ сердца свалился. Объѣхавъ губернію, Кистеръ былъ полонъ энергіи и надежды на скорое и удачное возстановленіе порядка ни только въ Бѣлостокѣ, но во всей Гродненской губерніи. Я переселился изъ губернаторскаго дома къ себѣ на квартиру.

Однако тревожныя событія шли своимъ чередомъ и вскорѣ я по телефону получилъ отъ Кистера сообщеніе о томъ, что въ Бѣлостокѣ начался еврейскій погромъ и что онъ поручаетъ мнѣ немедленно отправиться въ Бѣлостокъ и возстановить тамъ порядокъ. Такое порученіе шло въ разрѣзъ съ устраненіемъ меня отъ всякаго участія въ управленіи Бѣлостокомъ. Я отказался ѣхать. Кистеръ, захвативъ съ собою Гродненскаго казеннаго раввина Гальперна, поѣхалъ на локомотивѣ въ Бѣлостокъ. Далѣе Бѣлостокскаго вокзала однако ему не пришлось быть и онъ скоро вернулся обратно.

Событія Бѣлостокскаго погрома дали въ свое время богатую пищу для обсужденія въ печати, которая всячески ихъ раздувала, умалчивая о предшествующемъ длящемся погромѣ чиновъ полиціи. Въ сравненіи съ послѣдующими событіями «безкровной» революціи, въ особенности по количеству жертвъ, этотъ пресловутый, отвратительный погромъ слѣдуетъ считать однимъ изъ ничтожныхъ звеньевъ великой цѣпи революціонныхъ преступленій. Я умышленно называю событія Бѣлостокскимъ погромомъ, а не Бѣлостокскимъ еврейскимъ

погромомъ, ибо въ Бѣлостокѣ жертвами были сперва христiане, а потомъ евреи. Какъ юристъ, правовѣдъ и бывшiй судья, я не могу разсматривать событiя односторонне и въ одной ихъ промежуточной или заключительной части. Справедливое мнѣнiе можно составить только принявъ во вниманiе всѣ обстоятельства дѣла, а таковыя начались задолго до Бѣлостокскаго еврейскаго погрома и состояли сперва въ Кринскомъ погромѣ евреями правительственныхъ учрежденiй, затѣмъ въ длящемся погромѣ чиновъ Бѣлостокской полицiи, заплатившихъ смертью или увѣчiемъ за свою вѣрную службу, затѣмъ Брестскiй погромъ запасными солдатами евреевъ, далѣе грустныя, отвратительныя событiя эти вылились въ не менѣе отвратительную форму еврейскаго Бѣлостокскаго погрома, завершившагося чрезъ двѣнадцать лѣтъ погромомъ Государственной Думы и наконецъ великимъ всероссiйскимъ погромомъ, продолжающимся уже одиннадцатый годъ и справившимъ 28 февраля 1927 года свой десятилѣтнiй юбилей.

Съ отъѣздомъ Кистера въ Бѣлостокъ, я автоматически вступилъ въ управленiе губернiей. Поздно ночью ко мнѣ явилась депутацiя отъ Гродненскаго населенiя всѣхъ вѣроисповѣданiй и заявила, что на завтра предполагается въ Гроднѣ погромъ во время предстоящаго католическаго крестнаго хода изъ Фарнаго костела черезъ пловучiй мостъ на Нѣманѣ въ костелъ, расположенный на лѣвомъ берегу рѣки. Депутацiя, терроризованная преувеличенными, какъ это всегда бываетъ, слухами о Бѣ-

лостокскихъ событіяхъ, просила объ отмѣнѣ крестнаго хода. Просьба депутаціи была мною уважена; назначенный крестный ходъ былъ отмѣненъ. Утреннюю прогулку я совершилъ по намѣченному пути слѣдованія крестнаго хода и никакихъ тревожныхъ признаковъ не обнаружилъ. Въ Гроднѣ погрома не было.

Вскорѣ послѣ Бѣлостокскаго погрома, сперва я, по телеграммѣ, а потомъ Кистеръ, были причислены къ Министерству. Причисленію нашему предшествовалъ пріѣздъ въ Гродно д. ст. сов. Васильева, присланнаго изъ Министерства для разслѣдованія. Васильевъ пробылъ въ Гроднѣ очень недолго и со мною почти не бесѣдовалъ. Видѣлъ его за завтракомъ у Кистера. Было натянуто и неловко. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ тогда только что назначенный П. А. Столыпинъ.

Отъѣздъ изъ Гродна Кистера причинилъ много хлопотъ Гродненскому Исправнику Бюффонову. Еврейское населеніе было противъ Кистера очень возбуждено. Возможно было ожидать со стороны бундистовъ эксцессовъ. Поэтому Бюффоновъ повезъ его инкогнито, ночью, на парѣ почтовыхъ лошадей, запряженныхъ въ простую повозку, до слѣдующей за Гродно желѣзнодорожной станціи Порѣчье, нынѣ Друскеники, отстоящей отъ Гродна въ 30 верстахъ. Тамъ онъ его заперъ въ заранѣе заказанное купэ третьяго класса, въ коемъ тотъ благополучно доѣхалъ до Петрограда. Почтовая повозка подана была не къ губернаторскому дому, а къ калиткѣ городского сада, примы-

кавшаго къ губернаторскому саду; вышло точно такъ, какъ губернаторъ поетъ въ «Периколлѣ»: «не говоря ни съ кѣмъ ни слова, потихоньку изъ дворца, я калиткою садовой вышелъ съ задняго крыльца, какъ гражданинъ страны свободной, чтобы не зналъ о томъ никто — инкогнито, инкогнито». Поистинѣ въ жизни отъ трагическаго до смѣшного одинъ шагъ.

За время моей службы въ Гроднѣ въ должности предводителя дворянства и вице-губрenатора смѣнилось восемь губернаторовъ. Первымъ губернаторомъ я засталъ Николая Александровича Добровольскаго, бывшаго ранѣе Гродненскимъ Прокуроромъ и назначеннаго впослѣдствіи Оберъ-Прокуроромъ перваго Департамента Правительствующаго Сената. Онъ былъ отличный юристъ, дѣльный, тактичный администраторъ, умѣвшій правильно распредѣлять свою трудную работу, удѣляя нужное время охотѣ и представительству. Въ послѣднемъ ему очень помогала молодая, красивая супруга Ольга Дмитріевна. Польскіе паны его любили и онъ часто пользовался ихъ приглашеніями на охоту, которая всегда бывала удачна, какъ потому, что дичи вообще было много, такъ и потому, что, какъ передавали злые языки, на облавахъ зайцевъ на губернатора пускали дополнительно изъ мѣшковъ.

Добровольскаго смѣнилъ князь Николай Петровичъ Урусовъ, лицеистъ. У него было прекрасное правило „l'exactitude est la politesse des rois". Въ залъ губернскихъ засѣданій онъ входилъ всегда съ

первымъ ударомъ боя часовъ и настойчиво требовалъ отъ подчиненныхъ такой же аккуратности. Какъ начальникъ губерніи, онъ былъ твердъ, рѣшителенъ и справедливъ. Супруга его, урожденная Алексѣева, была такъ застѣнчива, что передъ выходомъ къ оффиціальному пріему или къ обѣду волновалась и крестилась; она была очень богомольна*). Изъ Гродна Урусовъ былъ переведенъ въ Полтаву и тамъ отличился, быстро подавивъ начавшіеся крестьянскіе безпорядки. За двумя хорошими Губернаторами въ Гродно былъ назначенъ еще лучшій Губернаторъ Петръ Аркадіевичъ Столыпинъ, занимавшій должность Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Личность его была обаятельна. При бесѣдѣ съ нимъ чувствовалась вся сила его свѣтлаго, яснаго ума, и невольно являлось къ нему чувство расположенія и уваженія. Опаснымъ даромъ краснорѣчія онъ не обладалъ, но выражался сжато и опредѣленно. Государя онъ любилъ особо нѣжною любовью, которая сквозила въ каждомъ его словѣ, произнесенномъ о Государѣ. Супруга его, Ольга Борисовна, отличалась тяжелымъ характеромъ, и дамы ее не любили. Къ сожалѣнію, Столыпинъ пробылъ въ Гроднѣ очень не долго и былъ переведенъ въ Саратовъ. Уѣзжать ему изъ Гродны не хотѣлось, но онъ говорилъ, что это воля Государя и

*) Мучительную казнь мужа большевики скрывали отъ нея въ теченіе года и вымогали деньги подъ предлогомъ возможнаго освобожденія изъ тюрьмы. Она отдала все что имѣла и тогда только узнала, что мужъ казненъ годъ назадъ.

онъ счастливъ ее исполнить. Столыпинъ посѣщалъ меня въ моемъ имѣніи Новая Квасовка, и вообще я съ нимъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ его перевода въ Саратовъ, я былъ назначенъ Гродненскимъ вице-губернаторомъ и письменно совѣтовалъ Столыпину просить Государя о возвращеніи въ Гродно, чтобы служить вмѣстѣ. Столыпинъ сердечнымъ письмомъ поздравилъ меня съ назначеніемъ вице-губернаторомъ и, высказывая сожалѣніе о невозможности служить вмѣстѣ, писалъ между прочимъ: «воля моего Государя для меня священна, если Онъ меня назначилъ въ Саратовъ, значитъ я Ему нуженъ въ Саратовѣ; вся моя жизнь принадлежитъ Государю».

Вскорѣ Столыпинъ былъ назначенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и оставался имъ до своей смерти въ Кіевѣ отъ руки убійцы. Въ Гроднѣ Столыпину былъ поставленъ памятникъ, въ скверикѣ противъ губернаторскаго дома, позже сгорѣвшаго во время войны. Столыпина смѣнилъ въ Гроднѣ Михаилъ Михайловичъ Осоргинъ, человѣкъ въ высшей степени религіозный, считавшійся кандидатомъ на должность Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Осоргинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ смертной казни и это обстоятельство, по его словамъ, послужило препятствіемъ къ назначенію на помянутую должность. Многочисленная патріархальная семья его, во главѣ съ милою, доброю супругою Елизаветою Николаевною, урожденною

княгинею Трубецкою, была въ высшей степени симпатична и жила очень дружно. У Осоргиныхъ было въ Калужской губерніи большое родовое имѣніе Сергіевское, въ которомъ я впослѣдствіи гостилъ и навсегда сохранилъ самое лучшее воспоминаніе объ этомъ времени. Какъ губернаторъ, Осоргинъ былъ немного суетливъ и нервенъ, но жили мы съ нимъ душа въ душу, работа спорилась и онъ уговорилъ меня переѣхать на жительство въ губернаторскій домъ.

Послѣ Осоргина былъ Гродненскимъ Губернаторомъ, правовѣдъ, Петръ Львовичъ Блокъ, братъ поэта Александра Львовича; послѣдній пріѣзжалъ въ Гродно навѣстить брата и я съ нимъ познакомился. Никакого впечатлѣнія онъ на меня не произвелъ, помню только сѣдую бородку Буланже и тихій, мягкій голосъ. Петръ Львовичъ много и добросовѣстно работалъ, пожалуй, слишкомъ много, ибо вообще всей губернаторской работы не передѣлаешь, надо умѣть выбирать что важнѣе. Конечно, вице-губернаторъ много помогаетъ, неся большую часть работы по Губернскому Правленію, но я нахожу, что вице-губернаторовъ должно было быть по крайней мѣрѣ два, а то и три. Тогда губернаторъ могъ бы лучше управлять губерніей, не размѣниваясь на мелочи. Блокъ хотѣлъ самъ вскрывать и читать почту. Разсказывали, что правитель канцеляріи, талантливый и способный работникъ Георгій Николаевичъ Тарановскій, докладывалъ Блоку бумаги, когда Блокъ сидѣлъ въ ваннѣ и по приглашенію Бло-

ка, для экономіи времени, самъ садился въ ванну, коихъ было двѣ рядомъ. При Блокѣ случилась первая забастовка въ нашей Губернской типографіи, которая находилась при Губернскомъ Правленіи и слѣдовательно подъ моимъ вѣдѣніемъ, какъ вице-губернатора. Обоюдными усиліями, а главное прибавкою содержанія, забастовку удалось довольно скоро ликвидировать. Блокъ въ матеріальномъ отношеніи былъ стѣсненъ, а въ семейномъ несчастливъ, ибо жена была отчасти душевно больная женщина. Хозяйствомъ занималась дочь Людмила Петровна. Блокъ былъ переведенъ въ Самару и тамъ погибъ отъ бомбы, брошенной въ экипажъ при проѣздѣ по улицамъ Самары; ему буквально оторвало голову.

Послѣ Блока въ Гродно прибылъ Владиміръ Константиновичъ Кистеръ, служившій ранѣе въ Петербургѣ по Министерству Финансовъ и назначенный по протекціи графа Коковцева. Кистеръ былъ красивъ, заносчивъ и самоувѣренъ. Провинціальная жизнь и ея нужды были ему мало знакомы, а когда на пріемахъ ему приходилось отвѣчать крестьянамъ на ихъ различныя ходатайства и просьбы, то я поражался его незнанію крестьянской жизни и крестьянскихъ правъ и обычаевъ. Послѣ краткаго и неудачнаго опыта управленія Гродненскою губерніею, Кистеръ былъ причисленъ къ Министерству и скоро получилъ назначеніе на должность помощника главноуправляющаго по дѣламъ учрежденій Императрицы Маріи.

Еще былъ въ Гроднѣ одинъ Губернаторъ по фамиліи Боярскій, но былъ онъ такъ кратко, что никакихъ впечатлѣній послѣ себя не оставилъ, помню только, что Боярскій успѣлъ удостоить меня своимъ посѣщеніемъ въ имѣніи Квасовка Новая и что былъ онъ не старъ и фигурою статенъ.

Чтобы довести перечень Гродненскихъ Губернаторовъ до ихъ конца упомяну, что послѣ Кистера таковымъ былъ генералъ Францъ Александровичъ Зейнъ, трагически погибшій въ Гельсингфорсѣ на посту Финляндскаго Генералъ-Губернатора во время революціи; затѣмъ былъ правовѣдъ Викторъ Михайловичъ Борзенко, кончившій жизнь въ бѣдности, занимая должность податнаго инспектора въ Польшѣ; послѣ него Вадимъ Николаевичъ Шебеко, впослѣдствіе послѣдній Московскій Градоначальникъ, понынѣ благополучно здравствующій въ Парижѣ, и наконецъ Крейтонъ, который былъ уже назначенъ во время нѣмецкой оккупаціи Гродна и который въ Гроднѣ никогда не былъ, а кажется погибъ въ Петроградѣ во время революціи.

Послѣднимъ Виленскимъ Генералъ-Губернаторомъ былъ милѣйшій и добрѣйшій генералъ отъ инфантеріи Александръ Александровичъ Фрезе. Онъ посѣтилъ Гродно въ одно изъ междуцарствій, когда я, за отсутствіемъ Губернатора, управлялъ губерніей. Я устроилъ ему торжественный пріемъ, на который пригласилъ всѣхъ представителей власти, а также ближайшихъ помѣщиковъ. Фрезе остался доволенъ, но горько жало-

вался на трудность своего положенія и на нападки, которымъ онъ со всѣхъ сторонъ подвергался, даже со стороны барынь, которыя на него «собакъ вѣшаютъ». Фрезе былъ холостъ. Виленскій Генералъ-Губернаторъ обычно являлся и командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа, поэтому онъ въ Гроднѣ произвелъ также смотръ войскамъ. Странно, что Бѣлостокскій гарнизонъ состоялъ въ вѣдѣніи не Виленскаго, а Варшавскаго военнаго округа; это создавало нѣкоторыя тренія и затрудненія, въ особенности въ то тревожное время. Фрезе посѣтилъ также Красностокскій монастырь, гдѣ мы провели два дня, знакомясь подробно съ этимъ культурнымъ во всѣхъ отношеніяхъ оплотомъ православія въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Недавно состоявшаяся въ монастырѣ сельско-хозяйственная выставка прошла съ большимъ успѣхомъ. Рыбное хозяйство тамъ было также образцовое.

Моимъ предмѣстникомъ по должности Гродненскаго вице-губернатора былъ Викторъ Дмитріевичъ Лишинъ, занимавшій ранѣе должность выборнаго Сосницкаго уѣзднаго Предводителя Дворянства, Черниговской губерніи, откуда происходилъ родомъ и генералъ-губернаторъ Троцкій. Лишинъ, пажъ по образованію, былъ настоящимъ бариномъ, отличался добротою, гостепріимствомъ и страстью къ охотѣ. На этой почвѣ мы съ нимъ очень сошлись и часто ѣздили по губерніи въ охотничьи экскурсіи. Случалось намъ охотиться на дикихъ козловъ и въ лѣсахъ, примыка-

ющихъ къ заповѣдной Бѣловѣжской пущѣ. Помню, однажды,вмѣсто ожидаемыхъ дикихъ козловъ, на меня изъ подъ загонщиковъ вышло стадо зуб-, ровъ въ восемь штукъ, имѣвшее впереди стараго зубра. Стадо медленно приближалось и шло прямо на меня. Грозный видъ стараго зубра вожака не внушалъ довѣрія. Я растерялся и невольно поднялъ ружье къ плечу. Въ это время съ сосѣдняго номера раздался испуганный крикъ Лишина, думавшаго что я забылъ законное запрещеніе стрѣлять зубровъ и буду стрѣлять, а тогда поднимется цѣлая исторія. Конечно, я не стрѣлялъ, а прижавшись къ стволу дерева, съ трепетомъ ожидалъ когда зубры пройдутъ мимо меня. Зубры благополучно прошли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня и не удостоили даже взглядомъ. Однако все таки въ ту же охоту вышла маленькая исторія. Въ послѣднемъ загонѣ загонщики нашли трупъ старой зубрихи. Всѣ зубры въ пущѣ были на счету, пришлось дать знать въ управленіе Бѣловѣжской пущи. Пріѣхали тамошніе власти и при участіи ветеринарнаго врача вскрыли трупъ зубрихи. Оказалось, что зубриха околѣла естественною смертью, отъ старости, а свидѣтели подтвердили, что она давно уже ходила слабая, при чемъ захаживала даже въ деревню, такъ какъ плохо видѣла и крестьяне не разъ прогоняли ее палками. О всемъ изложенномъ былъ составленъ надлежащій протоколъ и инцидентъ былъ исчерпанъ.

Охотничье хозяйство Бѣловѣжской пущи было чрезвычайно сложно. Во главѣ управленія пу-

щею стоялъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Дмитріевичъ Колокольцовъ, который, вмѣстѣ со своими дочерьми, между прочимъ, организовалъ въ Бѣловѣжской церкви прекрасный хоръ. Охотничья часть была въ вѣдѣніи чеха Нервли. Главная забота сводилась къ поддержанію разведенія зубровъ и прокормленію уже существовавшихъ зубровъ. Для этой цѣли на зиму заготовлялись для нихъ въ разныхъ мѣстахъ специальные стога сѣна, въ которомъ попадалась ароматичная, пахучая трава «Зубровка», извѣстная также по водкѣ, настаиваемой на этой травѣ, и пользовавшейся большимъ спросомъ. Всѣ зубры были на счету и каждый имѣлъ свой «формулярный списокъ». Плодились зубры очень трудно и рѣдко, но жили долго и къ старости становились очень злыми, въ особенности старые зубры «одинцы», которые бродили въ одиночку и бывали опасны, такъ какъ часто бросались на человѣка. Стрѣлять зубровъ запрещалось закономъ, и за убой зубра полагался большой штрафъ. Кромѣ зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ обитало много разной другой четвероногой и пернатой дичи — лоси, козы, даніэльки, олени, кабаны, глухари. Между всѣми ея дикими обитателями надо было поддерживать равновѣсіе, дабы одинъ родъ дичи не множился въ ущербъ другой. Такъ, напримѣръ, одно время замѣтно было сильное уменьшеніе количества глухарей, явившееся прямымъ послѣдствіемъ непомѣрнаго увеличенія количества дикихъ свиней, пожиравшихъ яйца глухарокъ. Что-

бы возстановить равновѣсіе, пришлось «отстрѣлять» свыше пятидесяти процентовъ дикихъ свиней. Цѣлые вагоны, нагруженные кабаньимъ мясомъ, были отправлены заграницу, и проданы, по преимуществу въ Германію и Австрію. Дабы не распугивать звѣрей, лѣсъ въ Бѣловѣжской пущѣ не рубился вовсе. Вѣковыя деревья достигали огромной величины, старѣлись, умирали на корню и падали на землю, являясь легкою жертвою вѣтра. Непроходимыя дебри бурелома представляли чрезвычайно удобныя и укромныя мѣста для всякихъ дикихъ звѣрей. Волковъ въ пущѣ не было, равнымъ образомъ вороны, коршуны и ястреба тоже систематически истреблялись стражею. Охрана пущи была поставлена великолѣпно, однако она не могла препятствовать звѣрю уходить иногда за предѣлы пущи и это было ея больнымъ мѣстомъ. Колокольцовъ мечталъ о обнесеніи всей Бѣловѣжской пущи изгородью, но въ виду огромной ея площади, расположенной въ двухъ уѣздахъ Гродненской губерніи, — въ Бѣльскомъ и Волковыскомъ уѣздѣ, гдѣ продолженіе ея называлось «Свислочьскою» пущею, — это вызвало бы слишкомъ большія затраты и потому было неисполнимо. Императоръ Николай Второй любилъ Бѣловѣжскую пущу и ея охотничій дворецъ и часто посѣщалъ ее. Охоты, устраиваемыя для Него, бывали образцовыми во всѣхъ отношеніяхъ и картина трэка, гдѣ вечеромъ послѣ охоты сложены были дневные трофеи охоты, представляла очень красивый и внушительный видъ.

Черезъ меня Лишинъ познакомился съ Таргонскимъ, на охоту къ которому мы тоже ѣздили, при чемъ Лишинъ пріобрѣлъ отъ Таргонскаго прекрасно - дрессированнаго кофейно-пѣгаго англійскаго пойнтера.

Другой разъ съ тѣмъ же Лишинымъ вышла забавная исторія на утиной охотѣ въ Мостахъ, считавшихся столицею утиной охоты: рикошетомъ отъ воды нѣсколько дробинокъ послѣ его выстрѣла попали въ животъ и нижнюю часть старому крестьянину охотнику, моему учителю въ дѣтствѣ, Павлюку Морозу. Послѣдній преспокойно выковырялъ ножичкомъ дробинки, подошелъ къ Лишину, поднялъ рубашку и, демонстрируя пораненія, заявилъ: «хотя мнѣ это уже не потребно и я радъ панамъ служить, но я на это не нанимался».

Вообще охота на утокъ сопровождается часто подобными инцидентами. Помню, братъ Александръ съ бравымъ генераломъ княземъ Бегильдѣевымъ плыли въ лодкѣ по озеру и стрѣляли утокъ, вылетавшихъ изъ тростника. По берегу озера шелъ и тоже стрѣлялъ съ ними утокъ Мостовскій волостной старшина Григорій Ольховикъ. Изъ тростника вылетѣла утка, князь Бегильдѣевъ выстрѣлилъ, утка упала и съ крикомъ упалъ одновременно скрытый въ тростникѣ Ольховикъ, получившій нѣсколько дробинокъ въ голову и лицо. Чрезъ недѣлю пребыванія въ лазаретѣ, Ольховикъ былъ здоровъ и снова участвовалъ въ охотѣ на утокъ. Бегильдѣева и брата долго дразнили

результатомъ удачной охоты, — трофеями коей были «десять утокъ и старшина».

Смѣнившій меня на должности вице-губернатора, бывшій непремѣнный членъ Гродненскаго Губернскаго Присутствія, Владиміръ Владиміровичъ Столяровъ, правовѣдъ, гораздо старше меня по выпуску изъ училища, былъ очень дѣльный и энергичный человѣкъ, успѣшно дѣйствовавшій по усмиренію безпорядковъ, но характеръ у него былъ злобный и несносный: никогда ни о комъ онъ не отзывался хорошо и былъ склоненъ къ спиртнымъ напиткамъ; во хмѣлю языкъ у него становился еще злѣе и острѣе; вообще онъ весь являлся какимъ то озлобленнымъ человѣкомъ, можетъ быть потому, что въ жизни ему не везло, въ средствахъ былъ недостатокъ и супруга его Антонина Антоновна была туга на ухо.

Изъ представителей чиновъ генералъ-губернаторской канцеляріи пріѣзжалъ иногда, по дѣламъ службы, управляющій канцеляріею Андрей Афанасіевичъ Станкевичъ. Это былъ типъ ученаго скорѣе способнаго для кабинетной работы и нѣсколько далекаго отъ дѣйствительной жизни, однако держалъ онъ себя важно и скоро получилъ назначеніе Губернаторомъ въ одну изъ Сибирскихъ губерній.

По дѣламъ, связаннымъ съ вопросами религіозными, по преимуществу иностранныхъ вѣроисповѣданій, пріѣзжалъ Степанъ Петровичъ Бѣлецкій, будущій Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Бѣлецкій отличался дипломатическими

способностями, мягкимъ обращеніемъ и умѣніемъ миролюбно улаживать самые острые вопросы. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ обычно начиналъ со слушанія молебна, послѣ котораго только приступалъ къ дѣлу.

Вице-губернаторъ непосредственно вѣдаетъ дѣлами Губернскаго Правленія. Журналы Губернскаго Правленія составляются по старинной формулѣ: «слушали», «приказали» и вѣдаютъ ими три Совѣтника Губернскаго Правленія, изъ коихъ одинъ старшій. Старшимъ совѣтникомъ былъ мой старшій товарищъ по Виленской гимназіи Владиміръ Василіевичъ Ярошенко, тянувшій лямку совѣтника уже много лѣтъ, безъ всякой надежды получить желанное мѣсто вице-губернатора. Наша встрѣча была не особенно трогательна по воспоминаніямъ юныхъ дней, однако Ярошенко всегда былъ честнымъ, корректнымъ и работающимъ чиновникомъ. Полагаю, что онъ былъ бы не плохимъ вице-губернаторомъ. Потерявъ всякую надежду на движеніе по службѣ и будучи слабаго здоровья, Ярошенко вскорѣ ликвидировалъ свои дѣла и уѣхалъ во Францію, поселившись въ Ниццѣ.

Вторымъ совѣтникомъ Гродненскаго Губернскаго Правленія былъ Александръ Адельфіевичъ Наумовъ, занимавшій сперва должность правителя канцеляріи Губернатора. Наумовъ былъ средняго образованія, волосы носилъ довольно длинные, женатъ былъ на падчерицѣ Лишина, завѣдывалъ губернскою типографіею и игралъ въ либе-

рала, что не помѣшало рабочимъ типографіи объявить забастовку, на прекращеніе коей онъ никакого вліянія не имѣлъ. Третьимъ совѣтникомъ былъ Федоръ Федоровичъ Мѣрный, молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, вѣдавшій также дѣлами благотворительными, а потому причастный и къ театральному дѣлу. Гродненскій городской театръ соединялся съ губернаторскимъ домомъ и Губернаторъ имѣлъ въ немъ свою ложу. Труппы постоянной не было, а пріѣзжала обыкновенно на гастроли труппа какого нибудь провинціальнаго антрепренера. Въ большинствѣ случаевъ это бывала опереточная труппа, но иногда и оперная. Помню, какъ въ «Риголетто» Джильда ожила, поднялась, въ сидячемъ положеніи пропѣла длинную арію и вновь легла и умерла. Оказалось, что по сценарію такъ и полагается и что въ Императорской оперѣ эту трагичную сцену почему то всегда выпускали, а въ Гроднѣ артисты оказались болѣе добросовѣстными и не выпустили. Почти всякая пріѣзжая труппа чрезъ два три мѣсяца прогорала. Тогда Губернаторъ субсидировалъ ее, но съ тѣмъ, чтобы труппа уѣхала, расплатившись честно съ долгами. Сумма субсидіи была прямо пропорціональна любви Губернатора къ театральному искусству. Столыпинъ любилъ оперетку «Птички пѣвчія», каковую, какъ я уже упоминалъ, ставилъ и въ любительскомъ исполненіи. Я предпочиталъ исполненіе спеціалистовъ, но для усиленія благотворительныхъ сборовъ привлекалъ къ продажѣ программъ, цвѣтовъ и въ буфетъ бары-

шенъ, по возможности красивой наружности, безъ различія національности.

Устраивая спектакль въ пользу учащихъ и учившихъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, я пригласилъ русскую — Женю Баллaндовичъ, польку — Люсю Радзишевскую и еврейку — Зиночку Ландау. Всѣ программы и всѣ цвѣты были проданы, въ буфетѣ было съѣдено и выпито все, что имѣлось, но жандармскому генералу не совсѣмъ понравилась моя комбинація изъ трехъ національностей; онъ предпочелъ бы, чтобы русская національность была представлена въ большемъ количествѣ по сравненію съ другими двумя національностями. Мнѣ кажется, что генералъ Николай Петровичъ Пацевичъ былъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ правъ. Мы остались по прежнему друзьями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Gefährlich ist den Lew zu wecken,
Verderblich ist des Tigers Zahn,
Jedoch das Schrecklichste der Schrecken,
Das ist der Mensch in seinem Wahn.

Schiller.

Dire la verité est utile â celui
â qui on la dit, mais dèsavantageux
à ceux qui la disent, parce qu'ils se
font haïr.

Pascal.

Время до созыва четвертой Государственной Думы, созванной въ Ноябрѣ 1912 года, я провелъ живя исключительно въ моемъ имѣніи Квасовка Новая и лично занимаясь веденіемъ сельскаго хозяйства, интенсифицируя его по всѣмъ отраслямъ и достигнувъ видимыхъ и ощутительныхъ результатовъ, въ особенности въ области скотоводства. Преступныя болтовня и дѣйствія первой и второй анти - Государственной Думы, Выборгское воззваніе съ призывомъ къ открытому бунту противъ за-

конной правительственной власти, прошли среди сельскаго населенія почти незамѣтно. Оно совершенно не могло понять, какъ можно перестать платить налоги и не являться въ воинское присутствіе для рекрутскаго набора. Въ головѣ мирнаго сельскаго труженика такія необычайныя дѣйствія, нарушающія многолѣтній ходъ спокойной жизни, совершенно не укладывались и сельское населеніе не реагировало. Чтобы сбить народъ съ толку, потребовалось болѣе десяти лѣтъ усиленной агитаціи ни только подпольной, но главнымъ образомъ открытой со стороны Государственной Думы, виднѣйшіе лѣвые члены коей полностью использовали въ этихъ цѣляхъ ея кафедру. Вспоминая одну изъ наиболѣе преступныхъ рѣчей Милюкова, я бы спросилъ его же остроумными словами: «что это была — глупость или измѣна«» Я думаю, что это была и глупость и измѣна плюсъ жажда власти.

Пріѣзжавшій на лѣтніе мѣсяцы домой, членъ первой анти-Государственной Думы, крестьянинъ деревни Новоселки, Гродненскаго уѣзда — Куропацкій не могъ ничего толкомъ разъяснить, удивлялся, какъ много и долго господа говорятъ въ Думѣ и все свое вниманіе сосредоточилъ на вычисленіяхъ, сколько ему денегъ останется отъ получаемаго членскаго содержанія для покупки земли; огорчался, что во вторую Думу его ни за что не выберутъ, ибо на такой легкій и хорошій «законодательный» заработокъ всѣ крестьяне-выборщики зарятся, однако признавалъ справедли-

вымъ дать заработать и другимъ крестьянамъ. Увы! мечты Куропацкаго о покупкѣ земли не осуществились. Первая Дума вскорѣ была разогнана и Куропаткину пришлось попрежнему участвовать въ нашихъ охотахъ въ качествѣ загонщика, съ огромной хворостиною въ рукахъ. Тутъ онъ былъ въ своей сферѣ и понималъ свое дѣло, ибо ранѣе служилъ въ должности казеннаго лѣсника. Сердце его не озлобилось отъ превратности судьбы и онъ остался такимъ же честнымъ, добрымъ человѣкомъ и хорошимъ хозяиномъ, какимъ былъ до выбора его въ члены первой преступной Государственной Думы. Конечно, страстное желаніе прикупить землицы у него осталось, но оно скрылось на днѣ души и сердца: «сердце наше кладезь мрачный — тихъ, спокоенъ сверху видъ, а спустись на дно — ужасный крокодилъ на днѣ сидитъ».

Живя безвыѣздно въ имѣніи, я находился въ постоянномъ общеніи съ крестьянами, которые приходили ко мнѣ со своими нуждами, даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ. Выходя изъ дому по утрамъ, я заставалъ всегда ожидающую меня группу крестьянъ обоего пола, пришедшихъ «до барина на совѣтъ»; это отнимало у меня много времени, но за то я вполнѣ изучилъ и понялъ крестьянскую психологію и крестьянскія вожделѣнія — они сводились только къ одному — къ землѣ, пріобрѣсти которую въ собственность они стремились всѣми средствами, часто справедливо жалуясь на скудость ссуды, даваемой Крестьянскимъ Банкомъ, на излишній формализмъ и медленность

Банка, нотаріуса и землемѣра. Выдѣленіе на хутора шло довольно хорошо, несмотря на агитацію, умѣло ведомую темными элементами. Выдѣленіе огромному большинству крестьянъ нравилось, но медленность производства портила все дѣло.

Какъ въ 1905 году Правительство не находило нужныхъ суммъ для поддержанія силъ полиціи, такъ теперь оно упорно закрывало глаза на грозные признаки дѣйствительности и не находило денегъ для нуждъ Крестьянскаго Банка и всей благотворной земельной Столыпинской реформы. Столыпинская земельная реформа была геніальна, но она была въ корень испорчена имъ же самимъ и Министромъ Земледѣлія Кривошеинымъ, не съумѣвшими съ должною энергіею провести ее въ жизнь. Вмѣсто рекламныхъ поѣздокъ по губерніямъ, для ускоренія проведенія реформы, было бы гораздо полезнѣе добиться ассигнованія большихъ суммъ на проведеніе реформы въ жизнь. А деньги вѣдь тогда были и были въ избыткѣ, а если бы даже не были, что было неправда, то на такое, первѣйшей важности государственное дѣло, нужныя деньги должны были бы найтись.

То отрадное явленіе, что крестьяне Гродненской губерніи, нынѣ входящей въ составъ Польскаго государства, не громили и не жгли помѣщичьихъ усадебъ, — объясняется сравнительно успѣшнымъ проведеніемъ у насъ реформы выдѣленія на хутора и значительнымъ земельнымъ фондомъ, добровольно распроданнымъ Гродненскими землевладѣльцами крестьянамъ, при содѣй-

ствіи Крестьянскаго Земельнаго Банка. Отсутствію грабежей и поджоговъ способствовало также съ одной стороны вынужденное, по приказу свыше, предъ приходомъ нѣмецкихъ войскъ, бѣгство многихъ крестьянъ во внутреннія губерніи Россіи, а съ другой послѣдовавшая нѣмецкая оккупація. Нѣмцы энергично поддерживали порядокъ и всякая попытка грабежа или поджога усадебъ была прямо немыслима. Ausgeschlossen.

Третья Государственная Дума дотянула свой законный пятилѣтній срокъ до конца. Наступило время выборовъ въ четвертую Думу. Крестьяне уговорили меня выставить мою кандидатуру. Мнѣ не хотѣлось разставаться съ хозяйствомъ, щедро воздававшимъ мнѣ за труды и дававшимъ, помимо матеріальнаго удовлетворенія, чувство высокаго нравственнаго удовлетворенія. О если бы люди бывали такъ же благодарны, какъ благодарна бываетъ земля, за приложенные къ ней любовь и трудъ! Ни одной предвыборной рѣчи я не произносилъ и предвыборной агитаціею не занимался. Выбранъ былъ въ члены Государств. Думы по списку крупныхъ землевладѣльцевъ всѣми голосами, кромѣ голосовъ польскихъ землевладѣльцевъ, къ которымъ считалъ себя наиболѣе близкимъ и по прежнему положенію предводителя дворянства, и по любви къ землѣ, и по воспитанію, и по симпатіи. Кромѣ меня, выбранными оказались: три крестьянина — Сидорукъ, Песлякъ и Тарасевичъ, Брестскій предводитель дворянства Сафоновъ, членъ Гродненскаго Окружнаго Суда д. ст. с. Лошкейтъ

и одинъ священникъ, всего семь человѣкъ, изъ коихъ шесть зачислились въ партію умѣренно правыхъ, они же націоналисты, а дѣйствительный статскій совѣтникъ и звѣздоносецъ Лошкейтъ усѣлся въ партію прогрессистовъ, своеобразнымъ образомъ отблагодаривъ этимъ правительство за всѣ милости, коими былъ осыпанъ по службѣ. Выборщики крестьяне очень долго не могли столковаться, кого имъ изъ себя выбрать въ члены Думы. Каждому хотѣлось и потому почти каждый пробовалъ баллотироваться. Ужъ очень заманчиво было получать триста пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ содержанія.

Фракція умѣренно правыхъ, заключавшая въ себѣ около ста членовъ, во главѣ съ ея предсѣдателемъ Петромъ Николаевичемъ Балашевымъ, была самая большая въ Думѣ и вмѣстѣ съ фракціею центра и фракціею октябристовъ составляла солидное большинство, къ которому обычно присоединялась и крайне правая фракція.

На выборы въ предсѣдатели Думы октябриста Михаила Владиміровича Родзянки наша фракція реагировала демонстративнымъ уходомъ изъ зала засѣданія, послѣ провозглашенія результатовъ выборовъ. Тогда эта демонстрація казалась мнѣ мало основанною и слишкомъ сильною. Теперь я нахожу ее слишкомъ слабою. Въ интересахъ справедливости, однако, долженъ сказать, что по росту, фигурѣ, осанкѣ и голосу — лучшаго предсѣдателя въ Думѣ нельзя было найти и вообще засѣданія Родзянко велъ хорошо и довольно без-

пристрастно. Для дѣловыхъ засѣданій великолѣпенъ былъ товарищъ предсѣдателя князь Владиміръ Михайловичъ Волконскій, — онъ велъ засѣданія и голосованія быстро, ловко пресѣкая излишніе потоки краснорѣчія. Не дурно предсѣдательствовалъ также и второй товарищъ предсѣдателя Александръ Дмитріевичъ Протопоповъ, но «избранникъ Думы, предводитель и бывшій конно-гренадеръ» — былъ слишкомъ мягокъ и не умѣлъ во время оборвать «растоковавшагося» оратора.

Всѣ члены Думы распредѣлялись, по выборамъ, въ разныя комиссіи, пропорціонально числу членовъ каждой фракціи. Я былъ выбранъ старшимъ товарищемъ предсѣдателя комиссіи по судебнымъ реформамъ и товарищемъ предсѣдателя комиссіи объ охотѣ. Предсѣдателемъ комиссіи по судебнымъ реформамъ былъ избранъ Николай Петровичъ Шубинской, правый октябристъ, предводитель дворянства, коннозаводчикъ и присяжный повѣренный, женатый на извѣстной актрисѣ Ермоловой. Шубинской, жившій больше въ Москвѣ, часто отсутствовалъ и мнѣ приходилось предсѣдательствовать. Всѣхъ членовъ судебной комиссіи было пятьдесятъ пять. Члены лѣвыхъ фракцій, начиная отъ кадетъ, поставили себѣ задачею ни только принципіально голосовать противъ всякаго правительственнаго законопроекта, но и вообще всемѣрно мѣшать всякой продуктивной работѣ и затягивать засѣданія комиссіи. Такая тактика была несносна. Честные депутаты-крестьяне спра-

ведливо не могли понять, какъ можно идти въ члены Думы, получать содержаніе отъ правительства и ни только не работать, но и другимъ мѣшать работать. Жалко было смотрѣть на Министровъ и прочихъ представителей правительства, безплодно теряющихъ массу времени въ засѣданіяхъ комиссіи. Такой выдающійся юристъ какъ министръ Юстиціи И. Гр. Щегловитовъ или цивилистъ Товарищъ Министра Юстиціи Н. Э. Шмеманъ, всю душу и всѣ обширныя познанія, вкладывающіе въ разработку даннаго закона, встрѣчали всегда неизмѣнную оппозицію лѣвыхъ, — безотносительно къ тому хорошъ или плохъ обсуждаемый законопроектъ.

Технически эта мучительная, нудная работа въ комиссіи производилась слѣдующимъ образомъ: по каждому, поступившему въ комиссію, законопроекту выбирался докладчикъ; часто изъ Октябристовъ, потому что они болѣе другихъ склонны дѣлать уступки на лѣво и на право; хорошими докладчиками были Антоновъ, графъ Бенигсенъ, Г. Вишневскій, Люцъ и Скоропадскій. Когда докладъ былъ изготовленъ, онъ ставился на повѣстку засѣданія, докладывался и начинались общія пренія по законопроекту; по окончаніи общихъ преній, предсѣдатель дѣлалъ резюме и открывались пренія по отдѣльнымъ статьямъ законопроекта, если переходъ къ постатейному обсужденію былъ принятъ большинствомъ голосовъ членовъ комиссіи. Если принять во вниманіе, что въ комиссіи участвовали представители не менѣе десяти политиче-

скихъ фракцій, что почти каждый изъ нихъ хотѣлъ что нибудь сказать, какъ по общимъ преніямъ, такъ и при постатейныхъ преніяхъ, что на каждое высказанное мнѣніе почти каждый членъ другой фракціи хотѣлъ возразить и возражалъ иногда по нѣскольку разъ, что необходимо было также предоставить слово представителю правительства и что слово это, независимо отъ его существа, неизбѣжно вызывало потоки словъ по преимуществу представителей лѣвыхъ фракцій, на каковые потоки представители правительства начинали возражать, что возраженія ихъ поддерживались представителями правыхъ фракцій, что вызывало еще болѣе длинныя возраженія лѣвыхъ фракцій, что предсѣдатель комиссіи былъ не въ силахъ пресѣчь это позорное словоблудіе, ибо гдѣ же какъ ни въ комиссіи Государственной Думы должна процвѣтать (и увы, процвѣтала) полная свобода слова, — то можно себѣ представить сколько трудовъ и времени отнимала эта работа, пока она выливалась въ какой нибудь ничтожный законопроектъ вродѣ закона, карающаго неисправное содержаніе проѣзжихъ дорогъ. Старое правило **„de chocs des opinions jaillit la verité“** потеряло свой смыслъ. Спорили не потому что честно стремились общими усиліями найти жизненную справедливость и выработать лучшій законъ, а спорили, чтобы скрыть истину въ потокѣ словъ и провалить самый полезный законъ. А за всѣмъ этимъ сквозило желаніе лѣвыхъ фракцій захватить власть. Болѣе трудныхъ, некультурныхъ и

ненормальныхъ условій работы я не встрѣчалъ во всей своей жизни и даже не могъ предполагать, что въ такихъ условіяхъ вообще можно было бы работать и въ особенности могли бы работать законодательныя учрежденія. Это не работа культурныхъ людей. — Это позоръ двадцатаго вѣка. На память приходили умныя слова изъ приказа временъ Петра Великаго: «если фендрихъ съ фендрихомъ сойдутся, то разогнать ихъ палкою, ибо фендрихъ фендриху ничего путнаго сказать не можетъ».

Всякій законопроектъ ни только въ цѣломъ, но и каждая статья въ отдѣльности ставится предсѣдателемъ на голосованіе и принятіе или отклоненіе рѣшается большинствомъ голосовъ, при чемъ голосъ предсѣдателя, при равенствѣ голосовъ за и противъ, даетъ перевѣсъ. Если удавалось провести законопроектъ въ комиссіи, то онъ переходилъ въ общее собраніе Государственной Думы, гдѣ докладчикомъ выступалъ тотъ же членъ комиссіи, который докладывалъ въ комиссіи. Для принятія законопроекта онъ ставился на голосованіе въ трехъ чтеніяхъ. Возможны бывали возобновленія преній, которыя обычно затягивались и иногда законопроектъ проваливался при третьемъ чтеніи. Вся предварительная работа комиссіи пропадала. Было нѣсколько законопроектовъ посложнѣе, которые такъ и не были закончены разсмотрѣніемъ въ комиссіи ни третьей, ни четвертой Государственной Думы, т. е. въ теченіе десяти лѣтъ, напримѣръ: законопроектъ о неприкосно-

венности личности, законопроектъ о свободѣ слова. Провести въ Думѣ какой нибудь спѣшный законопроектъ было почти неисполнимой задачею, ибо болѣе громоздкаго законодательнаго аппарата нельзя было выдумать. Законодательная работа Думы была анормальна и не могла быть продуктивной. Очевидно законодательной дѣятельности должна предшествовать извѣстная предварительная подготовка законодателей. Таже самая «саботажная» тактика лѣвыхъ, начиная отъ кадетъ, фракцій, которая примѣнялась въ работахъ судебной комиссіи, имѣла мѣсто и при работахъ въ комиссіи объ охотѣ. Благодаря этой тактикѣ, новый, разрабатываемый комиссіею законопроектъ, полностью охватывающій, регулирующій и охраняющій, какъ охоту во всѣхъ ея видахъ, такъ и охотничій промыселъ на всемъ громадномъ пространствѣ Россійской Имперіи, двигался впередъ чрезвычайно медленно и съ неимовѣрными усиліями. Только благодаря истинной любви къ охотѣ докладчиковъ А. А. Лодыженскаго и барона Д. Н. Корфа, и благодаря самоотверженной помощи эксперта В. Р. Дица, удалось на пятомъ году довести разсмотрѣніе законопроекта до конца. За эти по истинѣ тяжелые труды я по справедливости вознаграждалъ себя въ рѣдкое свободное время поѣздкою на охоту въ Гатчину, гдѣ въ милой и радушной семьѣ Дица буквально отдыхалъ душою и тѣломъ отъ этихъ кошмарныхъ засѣданій и набирался силъ и «духа терпѣнія» для продолженія таковыхъ.

Во главѣ образцовой Императорской Гатчинской охоты въ теченіе многихъ лѣтъ, вплоть до переворота, стоялъ ловчій Его Величества Владиміръ Романовичъ Дицъ. Дицъ, съ которымъ меня сблизила совмѣстная пятилѣтняя работа въ комиссіи объ охотѣ, — ни только любилъ и понималъ всѣ виды охоты и охотничьяго хозяйства, но былъ преданъ этому дѣлу всею душою, понимая какое важное значеніе для Россіи имѣетъ вообще охотничій промыселъ. Въ Гатчинѣ имѣлся прекрасно поставленный питомникъ длинношерстыхъ борзыхъ собакъ, также питомникъ гончихъ собакъ, по преимуществу Костромской породы и питомникъ особой Миделянской породы собакъ, полученной отъ скрещиванія Миделянъ съ волкомъ. Эти собаки были необыкновенной величины и силы, съ очень большою головою, и отличались чрезвычайно неуживчивымъ, злобнымъ характеромъ. Дицъ дорого заплатилъ за свой опытъ разведенія этой породы, такъ какъ жертвою этихъ собакъ палъ его сынъ, двѣнадцатилѣтній Сережа Дицъ, загрызенный на смерть въ тотъ моментъ, когда Сережа пытался спасти отъ нихъ своего любимаго пойнтера, котораго онъ вывелъ на прогулку.

Въ Гатчинской лѣсной дачѣ протекала рѣчка, незамерзающая мѣстами даже въ очень сильные морозы. На ней зимовали стаи дикихъ утокъ, которыя совершенно не боялись людей. Это свидѣтельствовало о хорошей охранѣ. Весною вальдшнепы тянули надъ домомъ, въ которомъ жилъ

Дицъ. Дицъ очень любилъ наблюдать жизнь животныхъ и птицъ и въ этомъ отношенiи многiя его наблюденiя очень цѣнны. Такъ онъ путемъ «кольцеванiя» вальдшнеповъ установилъ точный путь слѣдованiя ихъ во время отлета и прилета. Точно также онъ установилъ, какъ непреложный законъ, что каждая, отлетающая осенью на югъ, птичка, весною возвращается обязательно на то же самое мѣсто; если она не вернулась — значитъ она погибла. Бывали случаи, что на металлическомъ колечкѣ, прикрѣпленномъ къ ногѣ вальдшнепа, съ обозначенiемъ года, мѣсяца и числа его надѣванiя и именемъ Дица, находились новыя помѣтки, сдѣланныя лицомъ, поймавшимъ птицу во время ея перелета на югъ или обратно. Были также и письма отъ лицъ, убившихъ или поймавшихъ птицу съ колечкомъ во время отлета. Дицъ развивалъ опыты скрещиванiя четвероногихъ животныхъ разныхъ породъ. Такъ напримѣръ у него получилось потомство отъ скрещиванiя «вапити» съ сѣвернымъ оленемъ. Дицъ пользовался особою любовью Императора Александра III и разсказывалъ о Немъ съ особымъ благоговѣнiемъ, при чемъ обѣщалъ мнѣ записать все, что помнилъ о Императорѣ. Къ сожалѣнiю революцiя ему помѣшала и вскорѣ Дицъ умеръ на Кавказѣ. Вспоминаю его разсказъ, какъ Императоръ Александръ III былъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ на тетеревиномъ току. Токъ былъ прекрасный. Наслѣдникъ изъ своей будки сдѣлалъ уже нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, а Императоръ ни одного,

не смотря на то, что тетерева въ разгарѣ тока прыгали и дрались вокругъ самой будки, въ которой сидѣлъ Александръ III. Наблюдавшій издалека и не смѣвшій подойти ближе, чтобы не испортить тока, Дицъ положительно недоумѣвалъ почему Императоръ не стрѣляетъ. Ужъ не сдѣлалось ли ему въ будкѣ дурно, вѣдь Онъ тамъ сидитъ совсѣмъ одинъ? Такія сомнѣнія мучили Дица до того времени пока солнце стало подниматься и наконецъ совсѣмъ разсвѣло и токъ прекратился. Оказалось, что Императоръ не стрѣлялъ потому, что ему слишкомъ понравилась картина токующихъ совсѣмъ вблизи тетеревовъ, онъ такъ ею залюбовался, что не хотѣлъ ее портить стрѣльбою.

Другой оригинальный случай былъ по поводу пріѣзда Императора Николая Второго на глухариный токъ. Николай II давно обѣщалъ Дицу пріѣхать на эту, особо хорошую въ Гатчинѣ, охоту, но пріѣздъ нѣсколько разъ откладывалъ. Наконецъ Императоръ сообщилъ Дицу о предстоящемъ чрезъ четыре дня пріѣздѣ, когда глухариные тока уже закончились. Что было дѣлать Дицу? Онъ приказалъ своимъ лѣсникамъ искусственно возбудить вновь тока глухарей путемъ звукоподражанія голосу глухарки. Три ночи провелъ онъ со своими лѣсниками въ лѣсу, въ излюбленныхъ глухарями токовищахъ. Лѣсники усердно и вѣрно подражая голосу летящей на пѣснь глухаря глухарки, добились того, что ихъ голосъ былъ услышанъ глухарями, которые возобновили свое пѣніе и токъ. Охота оыла удачна и, ничего о столь

сложныхъ приготовленіяхъ не подозрѣвавшій Императоръ, остался очень доволенъ. Глухарямъ и ихъ токамъ велись особыя ежегодныя точнѣйшія записи, съ указаніемъ ни только мѣста, времени, начала и окончанія токовъ, но и дерева, на которомъ поетъ токовикъ. Удивительно, что чѣмъ больше убиваютъ на току токовиковъ, тѣмъ количество выводковъ, а слѣдовательно и молодыхъ глухарей, увеличивается. Объясняется это тѣмъ, что старые токовики не въ силахъ оплодотворить большое количество самокъ, а молодымъ глухарямъ старые мѣшаютъ и молодые ихъ къ тому же боятся. Я часто, вмѣстѣ съ членомъ Государственной Думы Александромъ Александровичемъ Лодыженскимъ, ѣздилъ въ Гатчину, къ Дицу, на глухариные тока. Послѣдній разъ въ Апрѣлѣ 1916 г. убилъ глухаря, вѣроятно тоже послѣдняго въ жизни.

Много труда и любви вложили мы въ теченіе пяти лѣтъ въ разработку закона объ охотѣ. Дицъ усердно намъ помогалъ своимъ опытомъ и знаніемъ. Прахомъ пошли наши труды.

Послѣ объявленія великой войны, члены думы были созваны Родзянкою, въ концѣ Іюля 1914 года, на экстренную сессію. Засѣданіе Государственной Думы отличалось такимъ подъемомъ національныхъ чувствъ и такимъ взрывомъ патріотическаго энтузіазма, какихъ ни прежде, ни потомъ въ думѣ наблюдать не приходилось. Казалось вся дума, за исключеніемъ мало замѣтнаго крошечнаго лѣваго

ея крылышка, слилась во едино, имѣла одну цѣль — побѣдить врага. Думалось, что забыты всѣ прежнія мечтанія, отброшена борьба за власть. Было хорошо на душѣ. Слезы умиленія и радости подступали къ горлу. Дума какъ будто искупала свои прежнія заблужденія, становилась на единственный вѣрный путь — любви къ отечеству, къ своему законному Монарху, на историческій путь Великой Россіи, на путь народной гордости. Вставъ со своихъ мѣстъ, депутаты устроили торжественную овацію находящимся въ залѣ засѣданія Думы посламъ нашихъ союзниковъ. Это была картина необычайнаго восторга, картина, которую нельзя забыть во всю жизнь. Вскорѣ послѣдовалъ пріемъ Государемъ членовъ Думы въ Зимнемъ дворцѣ, куда мы были изъ Таврическаго дворца перевезены на пароходахъ по Невѣ. Государь вышелъ на пріемъ въ сопровожденіи Великаго Князя Николая Николаевича. Въ рѣчи, обращенной къ членамъ думы, Государь говорилъ о вѣрности союзникамъ, о войнѣ до побѣднаго конца, до послѣдняго солдата... Родзянко въ своей рѣчи былъ великолѣпенъ. Послѣ Высочайшаго пріема, насъ отвезли на пароходахъ же обратно въ Таврическій дворецъ. Въ пути депутаты обмѣнивались восторженными мнѣніями по поводу пріема, вспоминали свѣжія описанія недавняго посѣщенія Государя президентомъ французской республики Пуанкаре; кто то привелъ выдержку изъ памфлета, приписываемаго Мятлеву, начинающагося словами: «ну, а намъ какихъ гостинцовъ можно выудить

изъ Шпрее?» и кончающагося «и замѣну словомъ бубликъ — слова крендель въ словаряхъ».

Большую роль въ Государственной Думѣ съиграль такъ называемый «даръ краснорѣчія», даръ опасный, даръ случайный, даръ вредный, даръ вводившій неопытныхъ людей въ заблужденіе. Обыкновенно кафедра Государственной Думы занималась тѣми членами Думы, которые обладали такимъ «даромъ» или спеціализировались въ немъ, благодаря своей прежней профессіи, въ большинствѣ случаевъ адвокаты, профессора. Рядовые члены думы, такимъ даромъ не обладавшіе, вполнѣ естественно стѣснялись выступать публично съ рѣчами на кафедрѣ думы. Это было бы еще полъбѣды, но главная бѣда была въ томъ, что члены думы изъ крестьянъ, да и ни только изъ крестьянъ, но и многіе другіе, были убѣждены, что даромъ краснорѣчія обладаютъ только умные и честные люди и потому вѣрили этой краснорѣчивой болтовнѣ, ассимилируя краснорѣчіе съ умомъ. Стоялъ ли на кафедрѣ Милюковъ, подносящій слушателямъ красивыя фразы съ соотвѣтствующими жестами и остановками для регулярнаго дыханія и проглатыванія слюны. Стоялъ ли на кафедрѣ душевно больной Керенскій*), сыпящій словами какъ

---

*) Керенскаго опять били по лицу въ Америкѣ. Газета **„Lokal Anzeiger" отъ 26-го Апрѣля 1927 г. № 194** сообщаетъ: «Въ Чикаго въ одномъ собраніи только что опять былъ битъ по лицу Керенскій, на сей разъ бывшимъ русскимъ офицеромъ». Когда же прекратится это пуб-

изъ пулемета и оплевывающій внизу сидящихъ стенографовъ брызжущимъ фонтаномъ своей ядовитой слюны, — рядовые члены думы, въ простотѣ душевной, восторгались и завидывали такому красивому словоизверженію и находили, что все слышанное есть святая истина. Трудно было устоять противъ краснорѣчія, оно слишкомъ било по нервамъ, усыпляло совѣсть и затмѣвало разумъ. Правда, чрезъ два три года пребыванія въ Думѣ и рядовые члены думы съумѣли разобраться въ краснорѣчіи, (кто конечно этого хотѣлъ) и понять что за этими красивыми рѣчами часто таится не умъ, а глупость, не любовь къ отечеству, а измѣна, не честь, а подлость, не благо, а зло, корысть и клевета, а главное — жажда власти.

Клевета — вѣрное, испытанное средство: какою бы невѣроятною и невозможною казалась клевета, она всегда оставляетъ извѣстный осадокъ; ее повторяютъ, запоминаютъ иногда именно вслѣдствіе ея явной нелѣпости и дикости, а разъ повторяютъ, то желаемый клеветникомъ результатъ уже отчасти достигнутъ. **„Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose“.** Клеветали на правительство вообще, на каждаго министра въ отдѣльности. Членъ думы кадетъ Василій Алексѣевичъ Маклаковъ дошелъ до того, что принесъ на алтарь клеветы и злобы свои братнія чувства и, обратясь съ ка-

---

личное заушаніе душевно больного человѣка и поймутъ ли родные Керенскаго, что наступилъ послѣдній моментъ его изоляціи?

федры лицомъ къ своему брату Министру Внутреннихъ Дѣлъ Николаю Алексѣевичу Маклакову и грозно потрясая рукою, закончилъ одну изъ своихъ краснорѣчивыхъ по формѣ рѣчей словами: «мы вамъ говоримъ — уйдите, пока не поздно». Николай Алексѣевичъ Маклаковъ ушелъ, „der Gute räumt den Platz dem Bösen“— и былъ скоро убитъ бунтовщиками. Василій Алексѣевичъ Маклаковъ остался и сдалъ зданіе посольства въ Парижѣ на rue Grenelle — большевикамъ. Клеветали даже на Государыню Императрицу, выливали ушаты гнуснѣйшей грязи на образцовую, чистую, семейную жизнь священной особы Монарха и широко использовали для этой цѣли ничтожную личность Распутина. „Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose“...

Рядовой обыватель за стѣнами Государственной Думы не такъ скоро понялъ, или совсѣмъ не понялъ настоящаго смысла «дара краснорѣчія» и если уже на третьемъ году многіе депутаты крестьяне не иначе называли Керенскаго, какъ «кликушей», то въ глубинѣ провинціи «интеллигенты» захлебывались, читая преступныя рѣчи Милюкова, Маклакова, Аджемова, Родичева, Керенскаго и впослѣдствіи соблазненныхъ отщепенцовъ Шульгина и графа Владиміра Бобринскаго, не понимая, что этимъ они сами, эти хорошіе, добрые люди, пріобщаются къ неслыханному величайшему преступленію — измѣнѣ и народному бунту во время великой войны, преступленію, разрушившему Ве-

ликую Россію и проливающему море невинной крови.

У меня всю жизнь была врожденная антипатія къ многоговорящимъ людямъ. При наймѣ служащихъ въ имѣніи, я всегда избѣгалъ нанимать краснобаевъ, считая ихъ пустыми людьми и убѣжденный долгимъ опытомъ, что «кто много говоритъ тотъ мало дѣлаетъ». Это жизненное правило раздѣляли ни только мои высшіе служащіе въ имѣніи, но и у мѣстныхъ крестьянъ оно вошло въ жизнь, въ видѣ поговорки. Даже на судѣ, желая опорочить свидѣтеля или противника, крестьяне часто указывали, что свидѣтель или противникъ не достоинъ довѣрія, ибо очень много говоритъ. Большіе государственные люди — Столыпинъ, Горемыкинъ не отличались краснорѣчіемъ; они говорили дѣльно, вѣско, но никогда не произносили длинныхъ рѣчей. Грустное исключеніе представлялъ графъ Коковцовъ, который, абсолютно лишенный способности сжато выражать свои мысли, замѣнялъ этотъ недостатокъ необычайнымъ многорѣчіемъ, при чемъ все время говорилъ въ одинъ тонъ и къ тому же довольно невнятно и тихо. Отъ такой рѣчи безумно клонило ко сну и, не смотря на все мое уваженіе къ крупной государственной личности графа Коковцова, я неоднократно ловилъ себя въ объятіяхъ Морфея во время его рѣчей; чтобы не огорчать его, приходилось уходить изъ зала засѣданія. Увы, подобному дѣйствію многорѣчія графа Коковцова подвергался ни только я одинъ... Забавно выступалъ въ Думѣ Министръ Внутрен-

нихъ Дѣлъ достойный князь Щербатовъ, занимавшій ранѣе должность Главноуправляющаго Государственнымъ Коннозаводствомъ и назначенный Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, вѣроятно по недостатку кандидатовъ. Добрѣйшій князь въ своей рѣчи, между прочимъ, силился доказать, что еврейская нація чрезвычайно способна къ ассимиляціи съ другой націею и на этой ея способности онъ чуть ли не основывалъ все будущее рѣшеніе еврейскаго вопроса. Мнѣ кажется, еслибы князь Щербатовъ просто и опредѣленно сказалъ, что настало время отмѣнить пресловутую черту еврейской осѣдлости, то это было бы и понятнѣе и разумнѣе. Но на это у него не хватило смѣлости. Способность же къ ассимиляціи у евреевъ, мнѣ кажется, состояла только въ томъ, что они всегда склонны были держать христіанскую прислугу, по преимуществу женскую, тогда какъ ни еврей, ни еврейка никогда къ христіанамъ въ услуженіе не шли.

Князь Щербатовъ былъ тонкій дипломатъ и своею рѣчью повидимому хотѣлъ слегка покадить лѣвой части Государственной Думы. Это было время начала министерской чехарды. Должно быть проектъ еврейской ассимиляціи не понравился старику Горемыкину и вскорѣ среди членовъ Государственной Думы циркулировали такіе стихи:

«Слѣдъ Горемыкинскихъ пантофель
Пониже чувствуя спины,

Щербатовъ свеклу и картофель
Сажать отправился въ Терны,*)
Проклявъ душой отмѣнно шаткой
Со смутой свой конкубинатъ
И утѣшаясь мыслью сладкой,
Что онъ почти что Цинцинатъ.
Межъ стульевъ двухъ сидѣтъ дилемма
Не стоитъ ломаннаго су:
Внезапный сдвигъ и вся система
Летитъ, а ж.... на вѣсу...
Но все-жъ, назначенный указомъ
На самый валкій изъ постовъ,
Усѣлся на два кресла разомъ
Огромной з......й Хвостовъ.
Однако этотъ не слукавитъ
И государства не продастъ:
Онъ кресла можетъ быть раздавитъ,
Но имъ раздвинутыя не дастъ».

Грузный, необыкновенной толщины, Хвостовъ, бывшій ранѣе губернаторомъ, а въ Государственной Думѣ талантливый и тактичный предсѣдатель фракціи правыхъ, — неоправдалъ справедливо возлагаемыхъ на него надеждъ. Умѣренная часть Думы полагала, что Хвостовъ, какъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, будетъ осуществлять на дѣлѣ свою опредѣленную, простую программу, основанную на правилѣ: **„salus publica suprema lex esto“** т. е. благо или спасеніе государства да будетъ высшимъ закономъ или въ вольномъ переводѣ: «спасай Россію, бей враговъ». Что заставило Хвостова

---

*) Терны — родовое имѣніе Щербатовыхъ въ Малороссіи.

сойти съ прямого пути на путь лукавства — неизвѣстно, во всякомъ случаѣ не мало тому способствовалъ его ближайшій сотрудникъ Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Бѣлецкій. Они оба стали заниматься Распутинымъ, личными мелкими дрязгами, изъ-за деревьевъ не видѣли лѣса и не понимали, или не хотѣли понять какою могучею силою они располагаютъ въ лицѣ полиціи, жандармеріи и войскъ для подавленія постепенно наростающаго народнаго бунта. А народный бунтъ наросталъ. Какъ будто образумившаяся и притихшая послѣ объявленія войны лѣвая часть Государственной Думы быстро стала превращаться изъ оппозиціи Его Величества въ оппозицію Его Величеству. Лѣвые ораторы разнуздались въ конецъ. Съ кафедры Думы произносились рѣчи одна подстрекательнѣе и зажигательнѣе другой. Началась открытая борьба за власть. Борьба за власть — самая ужасная, жестокая, непримиримая борьба. Страсти разгорѣлись; ясно было, что ни о какихъ компромиссахъ, уступкахъ, рѣчи быть не можетъ. Событія войны отходили на заднiй планъ. Лѣвыя партіи, наоборотъ, хотѣли использовать военныя затрудненія для своихъ преступныхъ цѣлей захвата власти. Измѣна назрѣвала. Государево посѣщеніе Таврическаго Дворца не измѣнило положенія вещей. Государя сопровождалъ военный министръ Сухомлиновъ. Митрополитомъ Веніаминомъ былъ отслуженъ въ Екатериненскомъ Залѣ Таврическаго Дворца молебенъ. Государь выглядѣлъ утомленнымъ и привычнымъ нервнымъ же-

стомъ часто прикасался пальцемъ къ воротнику рубашки и мундира. Свое обращеніе къ членамъ Думы Государь прочиталъ однако ровнымъ и спокойнымъ голосомъ. Нельзя допустить, чтобы Хвостовъ, будучи членомъ Думы, не понималъ всей опасности положенія. Скорѣе можно допустить, что у него не хватило силы воли, рѣшимости и умѣнія на энергичныя дѣйствія. Одно дѣло — говорить умно, а другое дѣло — дѣлать умно. «Вы грозны на словахъ — попробуйте на дѣлѣ». Думается мнѣ, что еслибы вмѣсто Хвостова Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ бы назначенъ членъ той же правой фракціи, столь ненавидимый всѣми лѣвыми фракціями, энергичный Николай Евгеніевичъ Марковъ второй, то правило: **„Salus publica—suprema lex esto“**, не осталось бы пустымъ звукомъ и онъ съумѣлъ бы использовать, худо или хорошо, это другое дѣло, но всю полноту власти и что время пребыванія его въ должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ во всякомъ случаѣ составило бы крупную эпоху въ исторіи Государства Россійскаго. Впрочемъ въ то смутное время почти всѣ умы колебались и сомнѣнія закрадывались въ самыя спокойныя, урабновѣшенныя головы. Помню, какъ послѣ одной изъ своихъ рѣчей въ Думѣ, Пуришкевичъ такъ «перемолвился» въ залѣ засѣданія съ рядомъ съ нимъ сидящимъ Марковымъ вторымъ, что схватился за кортикъ, извлекая его изъ ноженъ, а они ли не были друзьями.... Эта короткая, но сильная сцена доставила большое удовольствіе лѣвой части Думы. Тотъ же Марковъ

второй, несправедливо оборванный нѣсколько разъ предсѣдателемъ Думы Родзянкою во время произнесенія съ кафедры рѣчи, повернулся лицомъ къ Родзянкѣ, и, грозя кулакомъ, назвалъ его «болваномъ и старымъ дуракомъ». Родзянко закрылъ засѣданіе и очень обидѣлся, особенно на слова «старый дуракъ», не соотвѣтствующія его возрасту; былъ разговоръ о вызовѣ на дуэль, но вызовъ не состоялся; кончилось тѣмъ, что нѣкоторое время друзья Родзянки при встрѣчѣ съ Марковымъ бойкотировали его и не здоровались съ нимъ, наказывая презрѣніемъ. Не знаю, глубоко ли страдалъ отъ этого Марковъ второй, но въ рѣшимости и энергіи ему никто отказать не можетъ.

„Укоръ невѣждъ, укоръ людей души высокой не печалитъ.
Пускай шумитъ волна морей—утесъ гранитный не повалитъ".

Большинство членовъ Думы такъ или иначе принимало участіе въ происходящей войнѣ. Владиміръ Митрофановичъ Пуришкевичъ тоже вернулся на фронтъ, гдѣ самоотверженно работали его супруга и два сына, воспитанники младшаго курса Императорскаго Училища Правовѣдѣнія. На своемъ думскомъ ящикѣ, куда опускалась вся корреспонденція, Пуришкевичъ наклеилъ записку слѣдующаго содержанія:

«Предпочитая слову дѣло,
Я покидаю Петроградъ:
Тамъ слишкомъ много говорятъ,
А это мнѣ осточертѣло».
Подпись *„Semper idem"*.

Я тоже отправился на Галиційскій фронтъ, въ армію генерала Брусилова, въ качествѣ начальника передового отряда Краснаго Креста, отъ Всероссійскаго Національнаго Союза. Отрядъ сформировался въ Кіевѣ, при дѣятельномъ участіи особоуполномоченныхъ членовъ Думы В. Г. Ветчинина, Г. М. Дерюгина и членовъ Томашевича и Г. А. Вишневскаго. При слѣдованіи на фронтъ, въ Львовѣ, я имѣлъ счастье встрѣтить и стать во фронтъ проѣзжавшему въ автомобилѣ Государю Императору, который меня замѣтилъ и милостиво кивнулъ головою. При посѣщеніи генерала Брусилова, послѣдній былъ очень любезенъ, приказалъ снабдить меня бензиномъ и оставилъ завтракать. Мѣстомъ назначенія нашего отряда была глухая, отдаленная отъ желѣзной дороги, маленькая деревушка Устржики Горныя, расположенная на рѣкѣ Санѣ у подножья Карпатскихъ горъ. Намъ всѣмъ пришлось ютиться въ одной избѣ съ землянымъ поломъ, а лошадей, коихъ было сто двадцать, держать подъ открытымъ небомъ, подъ снѣгомъ и дождемъ. Въ двухъ маленькихъ комнатахъ насъ спало двадцать человѣкъ, а двадцать первый подвѣшивался на ночь въ гамакѣ къ потолку. Санитары спали на чердакѣ. Писать приходилось, прикладывая бумагу или къ стѣнѣ или къ чьей либо спинѣ. Но всего ужаснѣе была окружающая нашу избу, наполняющая всю деревню и всѣ дороги, безпросвѣтная, невылазная, невѣроятная грязь подобной коей я никогда въ жизни ранѣе не видѣлъ. Единственнымъ способомъ передвиженія

была верховая ѣзда, но когда вы сидѣли на лошади, это не значило, что вы свободны отъ грязи, ничуть не бывало, ибо лошадь почти что плыла по этой грязи и ваши ноги, иногда выше колѣнъ, тоже плыли по грязи. Несчастныя сестры милосердія, коихъ было пять, въ своемъ женскомъ платьѣ были совершенно лишены возможности передвигаться и только когда удалось имъ соорудить кожанные штаны, тогда онѣ, съ помощью длиннаго шеста, кое какъ могли двигаться. Вскорѣ на насъ напали насѣкомыя въ ужасающемъ количествѣ. Право, ихъ ночныя аттаки были страшнѣе австрійскаго обстрѣла, которому мы часто подвергались. Пришлось сбрить усы, чтобы лишить вшей возможности избирать это нѣжное мѣсто своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Но волосы, къ сожалѣнію, растутъ ни только на усахъ, а бритые скоро отрастаютъ; всякая операція стрижки или бритья была еще затруднительнѣе, чѣмъ операція писанія. Клопы на стѣнахъ передвигались колоннами по излюбленнымъ, ясно замѣтнымъ по особо темному цвѣту, дорогамъ. Въ ночную аттаку клопы шли тоже колоннами, дружно сомкнутымъ строемъ. Блохи густо населяли земляной полъ. Мы подымались утромъ не ободренные сномъ, а побѣжденные, измученные въ непосильной борьбѣ. За ранеными приходилось ходить, переваливая гору, по ту сторону которой происходили частыя стычки. Выносъ раненыхъ былъ очень трудный и производился исключительно на рукахъ, при помощи носилокъ. Санитары рабо-

тали неутомимо и энергіи ихъ не было конца. Ни только не было случая уклоненія отъ наряда идти подбирать раненыхъ, наоборотъ, обижались, если кого нибудь приходилось не взять въ нарядъ. Дисциплина была полная. Самоотверженная работа сестеръ была выше похвалъ, но онѣ часто ссорились между собою и мнѣ приходилось ихъ мирить. Также хорошо работали и медики студенты и фельдшера и доктора.

Первое время особенно сильное и тяжелое впечатлѣніе на меня производили три вещи: видъ поля сраженія, покрытаго не убранными еще трупами солдатъ, среди которыхъ могли найтись еще живые; операція сниманія съ убитыхъ обуви и бросаніе мертвыхъ тѣлъ въ общую могилу, при чемъ одно тѣло бросали головою въ одну сторону, а другое головою въ другую сторону, для экономіи мѣста въ могилѣ, которая быстро заплывала грязью. Ужасное положеніе раненыхъ въ Устржикахъ Горныхъ вспоминается послѣ одного жаркаго боя. Церковь и всѣ жилыя помѣщенія были уже заполнены. Класть раненыхъ пришлось въ палаткахъ на землю, устланную еловыми вѣтвями. Не смотря на трудность доставки съ горъ по невылазной грязи, вѣтви положены были очень толстымъ слоемъ. Однако отъ непрекращающихся дождей и таянія снѣга съ горъ, а также отъ тяжести раненыхъ, вѣтви эти постепенно стали погружаться въ грязь, а съ ними стали погружаться въ жидкую, холодную грязь и лежащіе на нихъ раненые. Это былъ ужасъ, неподдающійся описанію.

Вывезти раненыхъ изъ палатокъ не было никакой возможности изъ за непролазной дороги и изъ за отсутствія средствъ перевозки, ибо лошади отъ отсутствія фуража и стоянки подъ открытымъ небомъ, очень ослабѣли. Если бы даже удалось раненыхъ какъ нибудь вывезти, то врядъ ли они перенесли бы всю тяжесть длиннаго путешествія по такой непролазной грязи...

Вскорѣ намъ пришлось отступать, съ боемъ, отдавая занятыя ранѣе мѣста. Это было тяжелое отступленіе, до самаго Львова. Оставляемые въ окопахъ, для прикрытія отступленія, застрѣльщики, производили жалкое впечатлѣніе и видимо не совсѣмъ охотно исполняли данное имъ порученіе.

Между тѣмъ въ Государственной Думѣ подготовлялось событіе, которое имѣло рѣшающее значеніе на исходъ борьбы за власть. Такимъ событіемъ я считаю образованіе прогрессивнаго блока, обязаннаго своимъ возникновеніемъ уходу изъ фраціи націоналистовъ моихъ бывшихъ софракціонеровъ членовъ Думы Василія Виталіевича Шульгина и графа Владиміра Алексѣевича Бобринскаго. Незадолго до этого событія у Шульгина вышло какое то недоразумѣніе съ нашей фракціей и ему пришлось, по пріѣздѣ изъ Кіева, давать фракціи объясненія въ своихъ дѣйствіяхъ. Это происходило на квартирѣ у предсѣдателя фракціи Петра Николаевича Балашова, на Сергіевской улицѣ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія фракціи. На засѣданіе я опоздалъ и пришелъ въ моментъ окончанія Шульгинымъ своего объясненія, даваемаго

президіуму фракціи; онъ былъ очень смущенъ; Балашовъ и Ветчининъ*) тоже. Объясненія признали удовлетворительными; разговоръ замяли и перешли къ очереднымъ дѣламъ. Вскорѣ послѣ этого Шульгинъ и графъ Бобринскій откололись отъ нашей фракціи, увлекли съ собою около тридцати членовъ ея и образовали фракцію прогрессивныхъ націоналистовъ, которые, съ партіями, стоящими отъ нихъ налѣво, образовали такъ называемый «прогрессивный блокъ», помогшій столкнуть Россію въ ту пропасть, изъ которой она до сихъ поръ выбраться не можетъ.

Весною 1916 года рѣшена была заграничная поѣздка членовъ обѣихъ законодательныхъ палатъ для посѣщенія нашихъ союзниковъ: Англіи, Франціи и Италіи. Для этой поѣздки Государственною Думою выбраны были: Демченко, Ичасъ, Милюковъ, Ознобишинъ, Протопоповъ, Радкевичъ, Рачковскій, Чихачевъ Д. Н., Шингаревъ и В. А. Энгельгардтъ. Отъ Государственнаго Совѣта были выбраны: Васильевъ, графъ Велепольскій, Гурко, князь Лобановъ-Ростовскій, графъ Олсуфьевъ, баронъ Розенъ и Скадовскій. Предсѣдателемъ думской делегаціи былъ Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы Александръ Дмитріевичъ Протопоповъ; Предсѣдателемъ делегаціи отъ Государственнаго Совѣта былъ Владиміръ Іосифовичъ Гурко. И Протопоповъ, и Гурко въ совершен-

---

*) Ветчининъ былъ товарищемъ предсѣдателя фракціи націоналистовъ.

ствѣ владѣли иностранными языками и были дѣльными, хорошими ораторами. Изъ членовъ Думской делегаціи убиты бунтовщиками: Протопоповъ, Радкевичъ, Чихачевъ и Шингаревъ. Изъ членовъ делегаціи Государственнаго Совѣта скончались: Скадовскій, Велепольскій, Лобановъ-Ростовскій (послѣдній въ большой нищетѣ во Франціи) и Гурко, скончавшійся въ Февралѣ 1927 г. въ Парижѣ. Члены Государственной Думы ѣхали на свой счетъ; члены Государственнаго Совѣта получили отъ правительства по пяти тысячъ рублей на командировку. Чихачевъ и баронъ Розенъ доѣхали только до Лондона, откуда вернулись назадъ — Чихачевъ — вслѣдствіе извѣстія о смерти матери, баронъ Розенъ—по политическимъ соображеніямъ. Делегація выѣхала изъ Петрограда въ половинѣ Апрѣля 1916 года и вернулась въ концѣ Іюля 1916 года. Путь слѣдованія лежалъ чрезъ Стокгольмъ и Христіанію на Бергенъ. Въ Бергенѣ, на любезно предоставленной делегаціи королевской яхтѣ, за что повторяю благодарность нашему милому посланнику К. Н. Гулькевичу, делегація вышла въ открытое море и пересѣла на ожидавшій ее англійскій крейсеръ Донегалъ, который долженъ былъ направиться въ Нью-Кэстль. Однако ночью получены были тревожныя свѣдѣнія о нѣмецкихъ подводныхъ лодкахъ, преслѣдующихъ крейсеръ Донегалъ и потому, измѣнивъ курсъ, насъ высадили на самомъ сѣверномъ пунктѣ Шотландіи, гдѣ насъ ожидалъ спеціальный Королевскій поѣздъ, доставившій насъ въ Лондонъ, провезя по большей ча-

сти Великобританскаго острова. Въ Лондонѣ на вокзалѣ мы были встрѣчены особою парламентскою комиссіею по пріему. Съ момента посадки на крейсеръ Донегалъ мы считались гостями англійскаго правительства, потомъ считались гостями французскаго правительства, потомъ гостями итальянскаго правительства; на обратномъ пути считались опять гостями вплоть до возвращенія въ Бергенъ. Всюду намъ отводились лучшія помѣщенія въ лучшихъ гостинницахъ: въ Лондонѣ Claridg'es Hotel, въ Парижѣ Hotel Crillon, въ Римѣ Grand Hotel; всюду у каждаго изъ насъ находился въ распоряженіи автомобиль и къ намъ былъ прикомандированъ офицеръ — въ Англіи капитанъ Скэйль, во Франціи капитанъ Лебонъ, въ Италіи капитанъ Амендола.

Вся наша поѣздка была сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ народныхъ представителей Великой Россіи и мы глубоко чувствовали и сознавали, что въ нашемъ лицѣ союзники чествуютъ Русскую мощь и ея Верховнаго Вождя Великодушнаго Императора Николая Второго. Въ рѣчахъ союзники часто называли Императора Великодушнымъ. Наше ежедневное времяпрепровожденіе въ каждой странѣ было расписано по часамъ, наши радушные хозяева позаботились и подумали буквально обо всемъ, начиная отъ пріема главою государства и кончая посѣщеніемъ театра. Мы были приняты англійскимъ Королемъ и обѣими Королевами въ Лондонѣ; мы были дважды приняты итальянскимъ Королемъ на фронтѣ, обѣдали у не-

го и послѣ обѣда Демченко сфотографировалъ въ саду нашу группу съ Королемъ и потомъ одного Короля. Представлялись ему въ обычныхъ домашнихъ костюмахъ.

Время посѣщенія нами итальянскаго фронта совпало со временемъ побѣдъ генерала Брусилова на Галиційскомъ фронтѣ, гдѣ онъ забиралъ плѣнныхъ сотнями тысячъ. Это обстоятельство особенно благопріятно было для Италіи, такъ какъ давало возможность снять съ того фронта и перевести на этотъ большое количество подкрѣпленій, въ коихъ ощущалась сильная нужда. Итальянскій Король по этому поводу былъ въ отличномъ настроеніи духа и чрезвычайно любезенъ, острилъ надъ своимъ маленькимъ ростомъ, не превышающимъ величину большого снаряда «чемодана», который стоялъ у него тутъ же въ кабинетѣ, много смѣялся своимъ милымъ фыркающимъ смѣхомъ и былъ внимателенъ и трогательно простъ. Жилъ онъ въ скромной усадьбѣ нѣкоего землевладѣльца; обѣдъ былъ вкусенъ, но простъ, посуда, сосуды для вина и вся сервировка была серебряная; вина Король не пьетъ, и не куритъ; сопровождалъ насъ къ Королю маркизъ де ла Торрета, долгое время жившій въ Петроградѣ и послѣднее время занимавшій постъ итальянскаго посла въ Лондонѣ. Въ Римѣ мы были приняты Королевою Еленою, которая сказала нѣсколько словъ по русски и сообщила, что собирается везти наслѣдника къ Королю на фронтъ. Были представлены вдовствующей Королевѣ Маргаритѣ и были также у Герцога Аостскаго.

Въ этихъ посѣщеніяхъ насъ сопровождалъ нашъ милый и достойный посолъ Михаилъ Николаевичъ Гирсъ, который, будучи глуховатъ на одно ухо, забавно и ловко умѣлъ всегда подставить говорящему свое здоровое ухо.

Въ Лондонѣ, при представленіи коронованнымъ особамъ, насъ сопровождалъ нашъ посолъ престарѣлый графъ Бенкендорфъ. Съ нимъ у насъ вышелъ маленькій конфликтъ, такъ какъ онъ ни только не пожелалъ насъ привѣтствовать на вокзалѣ, но выслалъ насъ встрѣчать незначительнаго посольскаго чиновника, тогда какъ со стороны англичанъ насъ встрѣчалъ особый комитетъ по пріему, образованный изъ представителей обѣихъ палатъ. Предсѣдатель делегаціи Протопоповъ отправился къ графу Бенкендорфу объясняться. Объясненіе было бурное, старикъ считалъ себя правымъ и упорно отказывался оказать намъ особое вниманіе, какъ того требовалъ Протопоповъ. Въ концѣ концовъ Протопопову удалось его уломать и онъ нанесъ намъ всѣмъ оффиціальный визитъ, затѣмъ устроилъ грандіозный раутъ и при нашемъ отъѣздѣ провожалъ насъ на вокзалъ. На раутѣ у графа Бенкендорфа былъ также выдѣлявшійся своимъ ростомъ, фигурою, военнымъ мундиромъ при Андреевской лентѣ, Великій Князь Михаилъ Михайловичъ, уже много лѣтъ проживающій внѣ предѣловъ Россіи. Великій Князь удостоилъ делегацію своимъ посѣщеніемъ, пригласилъ насъ къ обѣду и принялъ насъ такъ тепло и радушно, что мы вынесли самое лучшее воспоминаніе о немъ и о его

супругѣ, а обѣ дочки его — одна блондинка, другая — брюнетка просто писаныя красавицы. О Государѣ Великій Князь отзывался съ любовью и уваженіемъ, хотя видно было, что его тяготитъ вынужденное пребываніе внѣ родины. Великій Князь состоялъ въ Лондонѣ почетнымъ предсѣдателемъ русскаго военно-промышленнаго комитета и вообще пользовался въ Лондонѣ любовью и популярностью. Какъ объ очень дѣятельномъ работникѣ въ Лондонскомъ посольствѣ слѣдуетъ упомянуть о секретарѣ Е. В. Саблинѣ, полезная дѣятельность коего продолжается до сихъ поръ, несмотря на всѣ трудности настоящаго его положенія.

При посѣщеніи Ллойдъ-Джорджа въ его рабочемъ кабинетѣ, премьеръ министръ казался чрезвычайно занятымъ, такъ какъ въ одно и то же время разговаривалъ съ нами, говорилъ по телефону, слушалъ своего секретаря, отдавалъ приказанія и пилъ чай. У него очень большая голова, богатая растительность и умные, хитрые, голубые глаза. Говоритъ мало.

Вниманіе, проявленное къ намъ англійскимъ правительствомъ было такъ велико, что намъ демонстрировали ни только англійскія пѣхотныя войска, въ одномъ изъ лагерей, но для насъ былъ устроенъ смотръ англійской эскадры. Тутъ же мы познакомились съ чрезвычайно симпатичнымъ адмираломъ Бьюти. Картина стройнаго прохожденія стальныхъ великановъ была такъ величественна,

15

внушительна и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красива, что не поддается описанію.

Очень ласково и гостепріимно принимали насъ въ Парламентѣ и Палатѣ лордовъ; тишина и соблюденіе собственнаго достоинства очень велики; вѣроятно этому способствуютъ также сохраняемые, старинные костюмы и парики. У меня была даже мысль привезти Родзянкѣ въ подарокъ сѣдой парикъ съ буклями.

Въ Парижѣ мы были приняты Президентомъ Французской Республики Раймондомъ Пуанкаре, были приглашены имъ къ завтраку, на которомъ присутствовала супруга президента, предсѣдатели обѣихъ палатъ, нѣкоторые депутаты и сенаторы и нашъ посолъ Извольскій. На обратномъ пути каждый изъ членовъ нашей делегаціи былъ вторично принятъ въ отдѣльности г. Пуанкаре. Аудіенція продолжалась около часу. При первомъ посѣщеніи нами Бріана въ его кабинетѣ на Quai d'Orsay, онъ обратился къ намъ съ прочувственною рѣчью и, какъ опытный ораторъ, играя на повышеніи, пониженіи и умѣлой вибраціи своего, тогда еще очень бархатнаго, баритона, съумѣлъ исторгнуть у нѣкоторыхъ изъ насъ даже слезы. Особенно симпатичное, хорошее впечатлѣніе производилъ, такъ трагически впослѣдствіе погибшій на посту президента французской республики предсѣдатель палаты депутатовъ Поль Дешанель. Мнѣ сдается, что предсѣдатель всякой выборной законодательной палаты долженъ обладать исключительно крѣпкими нервами, и выбираться лишь послѣ надлежаща-

го медицинскаго освидѣтельствованія, иначе каждаго, зауряднаго здоровья предсѣдателя, должна ранѣе или позже постигнуть печальная судьба нервнаго разстройства. Въ своей жизни я неоднократно посѣтилъ засѣданія законодательныхъ палатъ четырехъ государствъ и убѣдился, что вездѣ предсѣдатель палаты несетъ непосильную рядовому человѣку нервную работу; ни только во время предсѣдательствованія во время засѣданія палаты, но и внѣ таковаго нервы его постоянно напряжены, ибо ему не даютъ минуты покоя. Найболѣе охраняющая свое достоинство и самая спокойная во время засѣданія палата — это безусловно англійская палата лордовъ. Найболѣе шумная — это французская палата депутатовъ, которая мнѣ показалась, къ удивленію, гораздо шумливѣе русской Государственной Думы. Тамъ поднимался иногда такой галдежъ, какого у насъ никогда не было, и каковой не прекращался, несмотря на отчаянный звонъ укрѣпленнаго предсѣдательскаго колокола, размѣромъ своимъ напоминающаго колоколъ въ первомъ дѣйствіи извѣстной комедіи «Свадьба Кречинскаго».

Среди обѣдовъ, чаевъ и вообще разнаго рода чествованій насъ со стороны представителей правительства и законодательныхъ учрежденій, иногда удавалось удѣлять время кругамъ финансовымъ, научнымъ, торговымъ. Вспоминается большой обѣдъ отъ какого то общества, кажется писателей, гвоздемъ коего былъ писатель-атеистъ Анатоль Франсъ, возсѣдавшій рядомъ съ Милюковымъ.

Несмотря на его длинную сѣдую бороду и довольно благообразную внѣшность, онъ произвелъ на меня отталкивающее впечатлѣніе, не исчезнувшее и послѣ произнесенной имъ рѣчи, сильно напомнившей мнѣ рѣчи произносимыя нашими думскими соціалистами.

Согласно росписанію нашего времяпрепровожденія, мы много времени посвящали посѣщенію фабрикъ и заводовъ, работающихъ для военныхъ нуждъ, какъ въ Парижѣ. такъ и во многихъ городахъ Франціи, Англіи и Италіи. Особенное удивленіе вызвалъ заводъ Ситроенъ, который съумѣлъ почти изъ ничего создать въ очень короткое время крупное производство военныхъ матеріаловъ. Прозорливые люди тогда уже предсказывали предпріимчивымъ и способнымъ хозяевамъ блестящую будущность; пріятно констатировать нынѣ, что эти предсказанія сбылись. Блестящій заводъ Рено мы посѣтили дважды, пользуясь при этомъ широкимъ гостепріимствомъ хозяевъ. Можно ли было тогда думать, что менѣе чѣмъ чрезъ пять лѣтъ заводы Ситроенъ, Рено и другіе будутъ давать заработокъ многимъ, многимъ русскимъ воинамъ-бѣженцамъ. Особенно пріятно мнѣ выразить хозяевамъ этихъ заводовъ большое русское спасибо и отъ души пожелать имъ дальнѣйшаго успѣха и заслуженнаго процвѣтанія въ дѣлахъ.

Чрезвычайно трогательно и интересно было посѣщеніе русскихъ войскъ, расположенныхъ въ лагерѣ Майи, приблизительно въ трехстахъ километрахъ отъ Парижа. Количествомъ ихъ было около

дивизіи, подъ начальствомъ генерала Лохвицкаго и Нечволодова. Въ эту поѣздку сопровождало насъ много депутатовъ и сенаторовъ, съ пріемною комиссіею почти въ полномъ составѣ. Предсѣдателемъ пріемной комиссіи отъ палаты депутатовъ былъ Франкленъ Буйонъ, а отъ сената милый и безконечно любезный Поль Думеръ, нынѣшній предсѣдатель Сената. Солдаты выглядѣли прекрасно и были подобраны молодецъ къ молодцу. На наши разспросы всѣмъ ли они довольны, солдаты отвѣчали утвердительно, но жаловались на отсутствіе чернаго хлѣба и съ презрѣніемъ отзывались о красномъ винѣ, не могущемъ совершенно замѣнить русскую водку — монопольку. Когда мы вошли въ казарму и на привѣтъ генерала «здорово ребята» солдаты гаркнули во всю глотку обычное: «здравія желаемъ, Ваше Превосходительство», то французскіе гости, въ особенности милый Думеръ, обомлѣли отъ неожиданности, а потомъ пришли въ восторгъ; имъ это понравилось; во французскихъ войскахъ такой способъ привѣтствія не извѣстенъ. Чрезвычайно сильное впечатлѣніе на французовъ произвелъ и устроенный смотръ войскамъ, проходившимъ съ пѣснями. Предъ парадомъ, въ походной церкви было отслужено молебствіе, а послѣ парада намъ предложенъ былъ обѣдъ, обильно поливаемый шампанскимъ изъ четвертныхъ бутылокъ — магнумъ; это было въ Шампани, недалеко отъ фронта. Во время обѣда игралъ отличный оркестръ, пѣлъ хоръ пѣсенниковъ, при чемъ одинъ солдатъ изъ Курской губер-

ніи до того хорошо свистѣлъ соловьемъ, что вызвалъ полное изумленіе французовъ.

«Что за пѣсни, что за пѣсни
Распѣваетъ наша Русь;
Коль захочешь, братъ, хоть тресни,
Такъ не спѣть тебѣ французъ.
Золотыя, удалыя, не нѣмецкія,
Пѣсни русскія простыя, молодецкія».

Во Франціи также, какъ и въ Италіи мы посѣтили фронтъ военныхъ дѣйствій. Въ такихъ случаяхъ мы разбивались на небольшія группы и посѣщали разныя мѣста фронта. Мнѣ пришлось быть въ Арденскомъ лѣсу у генерала Миллера, который намъ предложилъ обѣдъ, а также мы обѣдали у славнаго героя генерала Гуро, нынѣшняго военнаго Губернатора Парижа. Личность генерала Гуро, лишеннаго одной руки, обаятельна и самъ онъ очень расположенъ къ русскимъ. Его внѣшній видъ, темно русая окладистая борода и свѣтлые голубые глаза, напоминаетъ славянскій типъ.

Однажды, при посѣщеніи фронта, совсѣмъ вблизи насъ упалъ и разорвался снарядъ, осколки коего мы увезли съ собою на память.

Въ нашу программу входило также посѣщеніе Бельгійскаго правительства, жившаго тогда во Франціи, въ городѣ Гаврѣ. Обѣдъ, данный въ нашу честь Бельгійскимъ правительствомъ, отличался ни только вкусовыми ощущеніями, но, въ виду участія въ немъ большого количества дамъ, прошелъ съ особеннымъ оживленіемъ. Несмотря на занятіе нѣмцами Бельгійской территоріи, члены

Бельгійскаго правительства очень бодро и увѣренно смотрѣли на будущее. Наши симпатіи къ Его Величеству Бельгійскому Королю Альберту были такъ велики и искренни, что обѣдъ получилъ особо задушевный оттѣнокъ и мы чуть не опоздали на поѣздъ.

Особенно шумнымъ оваціямъ со стороны народныхъ массъ мы подвергались въ Италіи, при проѣздѣ на фронтъ; тутъ буквально насъ осаждала толпа, бѣжавшая за нашими автомобилями, чтобы пожать намъ руку; это было ни только утомительно, но, несмотря на самый тихій ходъ автомобиля, и физически больно рукѣ; поэтому мы мѣнялись въ автомобилѣ мѣстами и устанавливали между собою очередь кому пожимать протянутыя руки. Крики **„E viva la Russia"** не прекращались. Пѣшкомъ ходить было опасно, чтобы толпа не смяла съ ногъ въ порывѣ проявленія радости, особенно пылко выражаемой подъ южнымъ солнцемъ Италіи. Конечно мощнымъ союзникомъ солнца являлся также генералъ Брусиловъ, съ его сотнями тысячъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Галиціи.

Въ Туринѣ намъ былъ устроенъ неожиданный, чрезвычайно пріятный сюрпризъ. Была поставлена опера « **Cavaleria rusticana** » и дирижировалъ оркестромъ спеціально для насъ приглашенный самъ ея авторъ Масканьи. Весь театръ внутри былъ убранъ національными итальянскими и русскими флагами пополамъ. Исполненіе оперы было несравненное. Наслажденіе было истинное и подъемъ духа необыкновенный. Сколько разъ былъ

исполненъ Русскій Національный гимнъ, трудно сказать. Стоя у барьера въ отведенныхъ намъ ложахъ, мы долго кланялись, отвѣчая на привѣтствія и апплодисменты партера, всего театра, оркестра и Масканьи, всѣхъ обернувшихся къ намъ лицомъ. Помнится мнѣ, что при пріѣздѣ въ Миланъ, на вокзалѣ, при встрѣчѣ насъ, оркестръ исполнилъ Русскій гимнъ тринадцать разъ; я считалъ и запомнилъ эту не хорошую цифру потому, что послѣ третьяго раза, думая, что уже конецъ, влѣзъ въ ожидавшій автомобиль и простоялъ въ автомобилѣ безъ головного убора еще время, потребное для исполненія десяти разъ нашего національнаго гимна. Стоять было не особенно удобно, но считать было пріятно.

При первомъ пріѣздѣ нашемъ въ Лондонъ, одна изъ газетъ, описывая пріѣздъ и встрѣчу на вокзалѣ, закончила описаніе словами — «русскіе депутаты представляютъ изъ себя людей, которые ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ культурныхъ людей»... А при пріѣздѣ въ Парижъ, одна изъ газетъ, кажется «**Petit Parisien**», выражала неудовольствіе, что украшавшіе наши автомобили русскіе національные флаги были несоразмѣрно малой величины. Кстати сказать на Сѣверномъ вокзалѣ въ Парижѣ была порядочная толкотня, осложненная какъ всюду и вездѣ фото и кинофотографами. Меня чуть не опрокинули и только благодаря мощной протекціи добраго и милаго сенатора Поля Думера, я былъ удержанъ отъ паденія.

Въ числѣ посѣщенныхъ делегаціею городовъ находился и городъ Ліонъ, съ его пресловутымъ мэромъ Эрріо. Въ Ліонѣ на вокзалѣ мы присутствовали при торжественной встрѣчѣ поѣзда, привезшаго большую партію тяжело раненыхъ. Было трогательно, но Гурко, долженствовавшій произнести рѣчь, былъ по недоразумѣнію задержанъ полиціей и вмѣсто него экспромтомъ говорилъ В. А. Энгельгардтъ. Оказалось, что для поддержанія порядка полиціи строго было приказано никого не пускать на вокзалъ безъ особаго билета. Гурко, слегка отставшій отъ делегаціи, какъ и мы всѣ — главные приглашенные—особаго билета не имѣлъ и потому усердный полицейскій агентъ его не пропустилъ. По окончаніи церемоніи мы застали Гурко, сидящаго въ автомобилѣ, въ очень скверномъ настроеніи духа. Ліонскій префектъ немедленно къ нему подошелъ съ извиненіями, говоря про полицейскаго: **„je lui ferai une observation“**, на что Гурко ему возразилъ: **„mais c'est à vous que je fais une observation“**. Растерявшійся толстый, добродушный префектъ, держа руку у своего параднаго головного убора, не зналъ куда дѣваться отъ стыда и только все гуще краснѣлъ. Потомъ, за обѣдомъ, непріятный инцидентъ этотъ былъ заглаженъ и залитъ виномъ, а Ліонскій префектъ оказался милѣйшимъ и симпатичнымъ человѣкомъ. Любезнымъ хозяиномъ былъ и Эрріо, высказывавшій намъ свои искреннія симпатіи, которыя онъ къ сожалѣнію перенесъ и на нынѣшнихъ поработителей Россіи. Эрріо издавалъ тогда для

русскихъ войскъ, находящихся во Франціи, газету. Не помню ея названіе, но ясно помню, что просмотрѣвъ нѣсколько номеровъ, содержаніе газеты мнѣ не понравилось — оно было слишкомъ лѣвое и не способствовало поддержанію военнаго духа русскаго солдата. Назадъ въ Россію мы возвращались пачками, по два, по три человѣка, изъ предосторожности отъ преслѣдованія насъ нѣмецкими подводными лодками. Изъ Нью-Кэстля до Бергена Радкевичъ и я шли на маломъ торговомъ суденышкѣ, вмѣстимостью всего въ тысячу двѣсти тоннъ. Кромѣ насъ пассажировъ не было. Къ ночи разыгралась сильнѣйшая буря и насъ чрезвычайно качало, качало такъ, что даже капитанъ страдалъ морскою болѣзнью, а я не могъ разшнуровать мои ботинки; одно время думали, что гибель неизбѣжна, однако отдѣлались только морскою болѣзнью и вернулись въ Петроградъ благополучно.

Изъ Петрограда я отправился на охоту къ моему другу Таргонскому въ его чудное имѣніе Бересни, Рѣжицкаго уѣзда и провелъ тамъ незабываемыя двѣ недѣли. Привезенное мною изъ Лондона ружье «Holland-Holland», радовало меня своимъ чуднымъ боемъ и кромѣ того было очень счастливымъ, «спотычнымъ». Мнѣ нѣсколько разъ приходилось быть королемъ охоты или, какъ говорятъ поляки, «крулемъ полеванья». Могъ ли я тогда думать, что этотъ визитъ въ Бересни былъ послѣднимъ и что вскорѣ отъ Бересней не оста-

нется и слѣда! Къ себѣ въ Гродненскую губернію я уже не могъ поѣхать, ибо она давно была оккупирована нѣмецкими войсками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

„Войска стоятъ стѣной на фронтѣ,
И ждутъ побѣднаго конца,
Но не видать на горизонтѣ
Ни перемѣны, ни конца...“

Авторъ неизвѣстенъ.

„Justitia vincet,
Veritas vincet,
Mars opprimetur“.

Однимъ изъ послѣднихъ, вернувшихся изъ заграничной поѣздки, былъ Протопоповъ и съ нимъ графъ Олсуфьевъ. Возвращенію въ Петроградъ Протопопова предшествовала ловко пущенная сплетня о свиданіи его въ Стокгольмѣ съ нѣмецкимъ дипломатомъ Варбургомъ и «о переговорахъ съ нимъ о возможности и условіяхъ заключенія съ нѣмцами сепаратнаго мира». Вскорѣ я былъ приглашенъ Протопоповымъ къ обѣду и онъ подѣлился со мною своею радостью о предстоящемъ назначеніи его на должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Государь очень остался доволенъ

успѣхомъ заграничной поѣздки думской делегаціи, лично въ милостивыхъ словахъ благодарилъ его, какъ предсѣдателя делегаціи и предложилъ занять постъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Государыня тоже его обласкала и оставила пить чай въ семейной обстановкѣ. Со слезами на глазахъ Протопоповъ разсказывалъ о нѣжной любви Государыни къ дѣтямъ и о той чисто-патріархальной, семейной обстановкѣ, въ какой царственные супруги проводятъ рѣдкіе, свободные отъ трудовъ, часы. На обѣдѣ присутствовалъ бывшій Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, завѣдывавшій полиціею, Павелъ Григоріевичъ Курловъ, котораго Протопоповъ пригласилъ для освѣдомленія, какъ опытнаго администратора и котораго, какъ онъ объяснилъ, предполагалъ вновь назначить на тотъ же постъ. Мнѣ кажется и я думаю, что всякій безпристрастный судья со мною согласится, что Царю трудно было бы сдѣлать лучшій выборъ лица на должность Министра Внутреннихъ Дѣлъ: Протопоповъ являлся ни только народнымъ избранникомъ, но также вдвойнѣ избранникомъ Думы и сверхъ того лицомъ публично одобреннымъ, признаннымъ и возвеличеннымъ нашими союзниками. Можно ли было сдѣлать лучшій выборъ?

Протопоповъ, будучи настроенъ очень оптимистически, полагалъ, что въ благодарность за удачную заграничную поѣздку Дума поддержитъ его, не пойдетъ противъ него—октябриста и Товарища Предсѣдателя, что онъ съумѣетъ договориться съ прогрессивными лидерами, что никакая револю-

ція во время войны немыслима, такъ какъ была бы подлостью и измѣною, что война скоро закончится полною побѣдою союзниковъ и торжествомъ Россіи къ славѣ возлюбленнаго Монарха и на страхъ врагамъ. Протопопова скорѣе озабочивалъ вопросъ о проливахъ и вообще о условіяхъ предстоящаго мира, насколько онѣ будутъ выгодны для Великой Россіи, онъ даже привелъ циркулировавшіе въ Думѣ стихи:

«Я боюсь, что послѣ драки
Всѣ союзники гурьбой
Погрызутся, какъ собаки,
За куски между собой.
Все, что сдѣлаютъ солдаты
И ихъ славные бои, —
Перепортятъ дипломаты
И особенно свои».

и пояснилъ, что послѣднія двѣ строфы имѣютъ въ виду непризнаннаго думскаго дипломата—«общественнаго дѣятеля» — Милюкова, извѣстнаго своимъ врожденнымъ отсутствіемъ чувства такта и мѣры, за что его часто били. Справедливость мнѣнія Протопопова о рекордной безтактности Милюкова нашла себѣ спустя десять лѣтъ оффиціальное подтвержденіе со стороны его же софракціонеровъ въ выходящей въ Берлинѣ кадетской газетѣ «Руль» отъ 1 Апрѣля 1927 года № 1927, по поводу сдѣланнаго Милюковымъ въ издаваемой имъ въ Парижѣ газетѣ «Послѣднія Новости» заявленія, слѣдующаго содержанія: «Извѣстный Боркъ Шабельскій только что выпущенъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ за поку-

шеніе на убійство Милюкова». На это заявленіе газета «Руль» пишетъ дословно: «Это напечатано въ номерѣ «Послѣднихъ Новостей» отъ 28-го Марта, т. е. въ день пятой годовщины убійства В. Д. Набокова. Такъ почтилъ П. Н. Милюковъ память В. Д. Набокова, ради него погибшаго отъ руки убійцы. Что же дѣлать? По части элементарнаго такта и деликатности съ П. Н. Милюкова взятки гладки. Это давно уже извѣстно. Но неужели же въ редакціи «Послѣднихъ Новостей» не найдется ни одного человѣка, который осмѣлился бы удержать редактора отъ такихъ убійственно безтактныхъ выходокъ».

Честь и хвала редакторамъ «Руля» — талантливому и мужественному І. В. Гессену и профессору А. И. Каминка, воздающимъ должное бывшему Министру Иностранныхъ Дѣлъ Временнаго Правительства «общественному дѣятелю» П. Н. Милюкову. Къ сожалѣнію, по прошествіи десятилѣтней земской давности, покрывающей прежнія безтактныя и преступныя его рѣчи и безтактную дѣятельность, это подтвержденіе нѣсколько запоздало, но, конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда.

Однако заграничные лавры Протопопова не давали покоя прогрессивному блоку и особенно Милюкову и Шингареву — живымъ свидѣтелямъ увѣнчанія Протопопова союзниками.

Прогрессивный блокъ, возглавившій въ лицѣ своихъ лидеровъ борьбу за власть, опасался, что

при Протопоповѣ въ роли Министра Внутреннихъ Дѣлъ имъ не захватить власти въ свои руки. Протопопова надо было во что бы то ни стало свалить въ общей министерской чехардѣ. Пущены были въ ходъ обычныя съ кафедры Государственной Думы средства борьбы: злословіе, инсинуація, намеки, клевета. Главари прогрессивнаго блока захлебывались отъ злости при произнесеніи одного имени Протопопова, а замѣститель Протопопова по должности Товарища Предсѣдателя Думы «краснорѣчивый» графъ Владиміръ Алексѣевичъ Бобринскій дошелъ до того, что, пользуясь всею полнотою свободы слова, позволилъ себѣ съ кафедры Думы призвести рѣчь, полную явно неприличныхъ и оскорбительныхъ противъ Протопопова выраженій, покрытыхъ шумными апплодисментами большинства Думы.

Протопопову ничего не оставалось, какъ вызвать зарвавшагося графа Бобринскаго на дуэль. Со стороны Протопопова секундантами были приглашены члены Государственной Думы Александръ Александровичъ Радкевичъ и я. Со стороны графа Бобринскаго секундантами были приглашены члены Государственной Думы князь Илларіонъ Сергѣевичъ Васильчиковъ и Василій Виталіевичъ Шульгинъ. Переговоры между секундантами продолжались въ теченіе нѣсколькихъ дней и имѣли мѣсто частью въ зданіи Государственной Думы, частью на квартирѣ у князя Васильчикова, на Караванной улицѣ. Результатомъ переговоровъ было признаніе графомъ Бобринскимъ факта наке-

наго на словахъ Протопопову съ думской кафедры оскорбленія и извинительное письмо, написанное Бобринскимъ Протопопову, въ которомъ графъ Бобринскій взялъ свои слова обратно. Всѣмъ переговорамъ велись секундантами подробные протоколы, которые тогда-же были полностью, за всѣми подписями, напечатаны въ газетѣ «Новое Время».

Хотя благородный жестъ Протопопова, напомнившій прогрессивнымъ ораторамъ, что онъ съумѣетъ защитить свою честь шпагою или пистолетомъ, и заставилъ ихъ быть осторожнѣе въ выборѣ словъ, но на дѣлѣ вызвалъ еще большее противъ него озлобленіе — на радость Керенскому, Скобелеву и Чхеидзе. Tertium gaudens. Прогрессивный блокъ повелъ на Протопопова аттаку въ продовольственной комиссіи, требуя передачи продовольственнаго вопроса изъ рукъ правительства въ вѣдѣніе земствъ и городовъ. Очевидно никакое правительство не могло на это согласиться и Протопоповъ самъ явился въ засѣданіе продовольственной комиссіи возражать противъ требованій блока. Однако тутъ онъ сдѣлалъ, пожалуй, мальчишескую выходку: желая вѣроятно символически напомнить Думѣ о своей власти ни только Министра Внутреннихъ Дѣлъ, но и Шефа Жандармовъ, онъ явился въ Думу, облеченный въ форму шефа жандармовъ. Этимъ онъ еще болѣе раздразнилъ и безъ того озлобленныхъ членовъ прогрессивнаго блока. Долженъ замѣтить, что у Протопопова былъ маленькій «пунктикъ» по поводу этого

шефства жандармовъ, которому онъ придавалъ очень большое значенie. Въ своемъ министерскомъ кабинетѣ на Фонтанкѣ Протопоповъ поставилъ мраморный бюстъ генерала, одѣтаго въ форму шефа жандармовъ — это былъ одинъ изъ его предковъ, кажется графъ Бенкендорфъ; занимавшiй эту должность при одномъ изъ прежнихъ Императоровъ.

Продолжая довольно часто посѣщать Протопопова, я съ грустью и страхомъ сталъ замѣчать нѣкоторое ослабленie въ его здоровьѣ; онъ сталъ иногда забывчивымъ, медлительнымъ, часто нервничалъ, впадалъ въ какой то блаженный экстазъ, сталъ необычайно многорѣчивъ и малодѣятеленъ. Говорилъ, что его лечитъ извѣстный докторъ Бадмаевъ, предъ обѣдомъ принималъ сѣраго цвѣта пилюли, заранѣе приготовленныя на особой тарелкѣ и о прieмѣ которыхъ ему неукоснительно напоминалъ его вѣрный камердинеръ Тараканъ, ѣздившiй съ нимъ также за границу. На существующее положенie и будущее Протопоповъ продолжалъ смотрѣть довольно увѣренно; открытыхъ революцiонныхъ выступленiй не предвидѣлъ, полагалъ, что некому выступать, ибо рабочie довольны, зарабатывая много денегъ, продовольствie имѣется въ избыткѣ, а еслибы и были произведены попытки уличныхъ выступленiй, то таковыя были бы безъ труда подавлены. Очень огорчало Протопопова недоброжелательное отношенie къ нему Думы, нежеланie его поддержать и непонятныя, необъяснимыя придирки. Находя своевре-

меннымъ отмѣнить существовавшую черту еврейской осѣдлости, лишающую евреевъ свободы передвиженія и вызывающую справедливыя нареканія и озлобленіе, я неоднократно уговаривалъ Протопопова принять къ тому надлежащія мѣры. Въ принципѣ Протопоповъ былъ согласенъ, но подъ разными предлогами оттягивалъ окончательное рѣшеніе этого вопроса. Однажды онъ обѣщалъ мнѣ поднять этотъ вопросъ при первомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ и рѣшить дѣло объ отмѣнѣ черты еврейской осѣдлости путемъ Высочайшаго Манифеста. Однако обѣщанія не исполнилъ, объяснивъ большимъ количествомъ, находившихся въ докладѣ болѣе спѣшныхъ дѣлъ. Дальнѣйшія мои напоминанія успѣха не имѣли.

Послѣднее напоминаніе я сдѣлалъ нѣсколько дней спустя послѣ убійства Распутина. Я доказывалъ Протопопову, что наступилъ послѣдній моментъ укрѣпить свою власть и поднять популярность и что вѣрнымъ средствомъ къ тому была бы проведенная спѣшно въ жизнь либеральная реформа, отмѣняющая черту еврейской осѣдлости и предоставляющая евреямъ свободу жительства и передвиженія. Къ сожалѣнію, мои слова не воспринимались Протопоповымъ, мысли коего всецѣло были поглощены дѣломъ убійства Распутина. Онъ былъ чрезвычайно разстроенъ и нервенъ. Вынувъ изъ стола толстое дѣло объ убійствѣ Распутина, Протопоповъ досталъ фотографію, снятую съ тѣла Распутина по вынутіи его изъ воды, и, указывая на нее, съ волненіемъ обратилъ мое

вниманіе на то,что окоченѣвшіе пальцы правой руки были сложены какъ бы для крестнаго знаменія и благословенія. Это была правда: правая рука Распутина была поднята кверху и пальцы сложены въ жестъ, коимъ обычно православные священнослужители благословляютъ народъ. Протопоповъ придавалъ этому жесту особое символическое значеніе и въ связи съ нимъ видѣлъ въ лицѣ убитаго не совсѣмъ обычнаго грѣшнаго человѣка.

Между тѣмъ смѣна министровъ продолжалась. Кратковременное пребываніе на посту предсѣдателя совѣта министровъ дѣльнаго, умнаго и энергичнаго Александра Федоровича Трепова не могло измѣнить положенія. Умѣренная часть Думы возлагала на него большія надежды; онъ ушелъ слишкомъ скоро и, какъ говорили, причиною тому было личное неудовольствіе Государыни, не благоволившей къ Трепову. Назначеніе предсѣдателемъ Совѣта Министровъ Штюрмера, котораго злые языки называли почему то германофиломъ, вызвало серьезное безпокойство среди нашихъ союзниковъ. Въ то время, въ одно изъ бурныхъ засѣданій Думы, я встрѣтилъ въ Екатериненскомъ залѣ знакомаго англійскаго депутата, профессора Симсона. Этотъ милѣйшій, культурнѣйшій человѣкъ, ранѣе часто посѣщалъ Россію, написалъ нѣсколько книгъ о Россіи и въ частности изслѣдованіе о Сибири, умѣлъ говорить по русски и во время пребыванія думской делегаціи въ Шотландіи сопровождалъ насъ. Конечно мы съ нимъ разговори-

лись, онъ посѣтилъ меня на моей квартирѣ и при обмѣнѣ мнѣній я ясно замѣтилъ въ немъ тревогу и сомнѣніе, внушаемыя происходящими въ Россіи событіями.

Тревога нашихъ союзниковъ о назначеніи Штюрмера нашла отголосокъ въ думской поэзіи, вылившейся въ двухъ четверостишіяхъ:

«Здѣсь случилось очень быстро
Много странныхъ перемѣнъ, —
Такъ про новаго министра
Пишетъ въ Лондонъ Бьюкененъ».

«Ахъ, грядущій день невѣдомъ,
Мыслитъ сумраченъ и строгъ,
Свѣтскихъ дамъ кормя обѣдомъ,
Господинъ Палеологъ».

Дѣйствительно грядущій день былъ невѣдомъ и могъ ли культурный, просвѣщенный французскій посолъ Палеологъ тогда предположить, что ковры, гобелены и прочее драгоцѣнное посольское имущество будетъ расхищено изъ зданія французскаго посольства представителями грядущей власти, какъ о томъ всему міру оповѣстили газеты.

Въ эти дни пріѣхала въ Петроградъ Итальянская торговая делегація. Для пріема ихъ образованъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Василія Василіевича Тимирязева. Отъ Государственной Думы въ комитетѣ былъ я, какъ Товарищъ Предсѣдателя. Среди итальянцевъ были также повидимому и соціалисты, обычнаго направленія, однако

большинство было монархисты и всѣ очень милые люди. Итальянцы стремились усилить торговыя сношенія съ Россіею и особенно нуждались въ твердыхъ сортахъ пшеницы, изъ коей дѣлаются макароны, предлагая съ своей стороны посылать въ Россію въ изобиліи апельсины и лимоны. Въ свободное отъ торговыхъ засѣданій время, мы чествовали Итальянцевъ обѣдами и разными развлеченіями, вспоминая какъ радушно принята была въ Италіи русская думская делегація. Въ то время Итальянскимъ посломъ въ Петроградѣ былъ обаятельный и милый маркизъ Карлотти. Въ роскошныхъ покояхъ итальянскаго посольства на Большой Морской улицѣ, маркизъ Карлотти устроилъ блестящій раутъ, на которомъ встрѣтились бывшіе друзья — нынѣ заклятые враги — Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко и бывшій Товарищъ Предсѣдателя Государственной Думы, нынѣ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Протопоповъ. Протопоповъ повернулся къ проходившему Родзянкѣ спиною, Родзянко отвернулся отъ Протопопова и здороваясь со мною, сказалъ: «не собираетесь ли вы теперь и меня вызвать на дуэль?» Очевидно онъ намекалъ на мою роль секунданта при вызовѣ на дуэль Протопоповымъ Товарища Предсѣдателя Думы графа Бобринскаго. Я поспѣшилъ успокоить Родзянку, что въ этомъ отношеніи для него пока опасности не предвидится и онъ можетъ спать спокойно.

Въ чествованіи членовъ Итальянской торговой делегаціи принялъ участіе и Протопоповъ, устро-

ившій роскошный обѣдъ. Послѣ обѣда, во время котораго игралъ военный оркестръ, состоялось отличное концертное отдѣленіе. Между прочимъ въ немъ приняли участіе балалаечники и хоръ пѣсенниковъ Преображенскаго полка, во главѣ съ молодымъ запѣвалою, отличавшимся особо хорошимъ и звонкимъ голосомъ. Когда онъ затянулъ:

«Сидитъ милый на заборѣ
Съ революціей во взорѣ;»

то эта частушка была встрѣчена громкимъ смѣхомъ и апплодисментами. Маркизъ Карлотти, понимавшій немного по русски, не понялъ однако смысла пѣсни и любезный хозяинъ поспѣшилъ перевести пѣсню на итальянскій языкъ, послѣ чего маркизъ Карлотти и Протопоповъ долго и искренне смѣялись. Это было за нѣсколько дней до начала «великой, безкровной революціи». Итальянская торговая делегація, жившая въ гостинницѣ Асторія, была захвачена революціею въ Петроградѣ и съ трудомъ изъ него выбралась, вынужденная возвращаться кружнымъ путемъ, чрезъ Архангельскъ.

Послѣднимъ, предъ революціею, министромъ юстиціи былъ Николай Александровичъ Добровольскій. Съ нимъ и его многочисленною семьею у меня были особенно хорошія отношенія, ибо я, занявъ должность Гродненскаго Предводителя Дворянства по его предложенію, въ то время, когда онъ былъ Гродненскимъ Губернаторомъ, сблизился съ нимъ въ Гроднѣ. Имѣя такимъ об-

разомъ полную возможность узнать Добровольскаго и какъ губернатора и какъ частнаго человѣка, утверждаю, что онъ былъ честный, умный, дѣльный, энергичный и справедливый во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Кромѣ того, какъ бывшій прокуроръ, онъ былъ выдающимся юристомъ. Даже дѣлавшіяся, по обычаю, попытки оклеветать его съ думской кафедры успѣха не имѣли и затихли сами собою, — ужъ слишкомъ прочна была за нимъ хорошая репутація по всей его долголѣтней службѣ.

Предъ назначеніемъ на постъ Министра Юстицій, Добровольскій занималъ отвѣтственную должность Оберъ-Прокурора перваго Департамента Правительствующаго Сената.

Сохранивъ со времени пребыванія въ училищѣ правовѣдѣнія хорошую привычку говѣть на первой недѣлѣ великаго поста, и предполагая для этой цѣли посѣщать великопостную службу въ уютной церкви Министерства Юстиціи, куда меня любезно приглашала милая супруга Министра Ольга Дмитріевна Добровольская, я, въ послѣдній день масленицы, посѣтилъ радушную семью Добровольскихъ, чтобы освѣдомиться о времени начала церковной службы. У нихъ я засталъ моего друга, правовѣда Леонида Александровича Шульгина, бывшаго при мнѣ Гродненскимъ Прокуроромъ, а тогда только что переведеннаго съ должности Прокурора Московской Судебной Палаты на должность Прокурора Петроградской Судебной Палаты. Какъ Добровольскій, такъ и Шульгинъ были чрез-

вычайно озабочены и послѣ обѣда Добровольскій пригласилъ меня въ кабинетъ для совѣщанія. Оказалось, что правительство, сильно встревоженное все усиливающимся народнымъ волненіемъ и въ особенности агитаціонною дѣятельностью лѣвыхъ думскихъ ораторовъ, предположило принять энергичныя мѣры и въ первую голову хотѣло арестовать главныхъ лидеровъ, начиная съ истеричнаго Керенскаго, влѣво, всего около десяти человѣкъ. Добровольскій просилъ меня, по нашей старой дружбѣ, высказать совершенно откровенно мое мнѣніе. Мнѣ показалось чудовищнымъ посягнуть на депутатскую неприкосновенность вообще, а арестъ «кликуши» Керенскаго въ частности казался мнѣ нежелательнымъ еще и потому, что арестъ окружилъ бы его ореоломъ мученичества и вызвалъ бы усиленіе народнаго волненія, тѣмъ болѣе, что врачи психіатры несомнѣнно признали бы Керенскаго нервнобольнымъ и его пришлось бы изъ подъ ареста выпустить, что только осложнило бы положеніе, поэтому слѣдовало бы его прежде всего немедленно освидѣтельствовать. Добровольскій наоборотъ считалъ арестъ Керенскаго и компаніи и содержаніе ихъ въ Петропавловской крѣпости единственною радикальною мѣрою, а на случай выхода революціи на улицу заявилъ, что правительство готово дать самый рѣшительный отпоръ и что пулеметы готовы. На мое возраженіе, что если арестовывать Керенскаго, Скобелева и Чхеидзе, то почему оставлять на свободѣ Милюкова,

Родичева, Шингарева, Шульгина и графа Бобринскаго, усердно расчищающихъ путь къ власти ни только для себя, но и для Керенскаго, Скобелева, Чхейдзе и другихъ, — Добровольскій возразилъ, что Милюковъ, Шульгинъ и прочіе названные мною депутаты являются все таки монархистами и порядочными людьми, которые во время войны не допустятъ до открытой революціи и что Протопоповъ, не смотря на свое личное нерасположеніе къ Шульгину, графу Бобринскому и Милюкову, тоже высказался противъ ихъ ареста. Съ ними всегда можно будетъ договориться, а съ Керенскимъ, Чхеидзе и Скобелевымъ никогда. Прокуроръ Петроградской Судебной Палаты Шульгинъ высказался, какъ и я, вообще противъ ареста кого бы то ни было изъ членовъ думы, полагая, что въ происходящихъ событіяхъ виноваты не одни лидеры, а всѣ лѣвыя фракціи Государственной Думы и вообще ея нынѣшнее большинство, т. е. весь прогрессивный блокъ, а потому единственнымъ справедливымъ способомъ воздѣйствія онъ признавалъ немедленный роспускъ Государственной Думы. Этотъ роспускъ обезкуражилъ бы главныхъ думскихъ лидеровъ, лишилъ бы ихъ возможности выступать съ зажигательными рѣчами отъ имени фракціи или прогрессивнаго блока, стоящаго за спиною, и облегчилъ бы возможность обезвредить особенно настойчивыхъ агитаторовъ путемъ ареста, въ качествѣ обычнаго гражданина, а не неприкосновеннаго члена Государственной Думы. Добровольскій былъ

явно недоволенъ мнѣніемъ моимъ и мнѣніемъ Шульгина. Онъ какъ бы предчувствовалъ, что Керенскій скоро смѣнитъ его на посту Министра Юстиціи и причинитъ непоправимый вредъ Россіи, однако Добровольскій былъ видимо поколебленъ въ своей рѣшимости арестовать Керенскаго. И если Керенскій въ свое время, къ сожалѣнію, не арестовалъ Ленина, то Добровольскій, отчасти по моей винѣ, къ сожалѣнію, не арестовалъ Керенскаго. Мое заявленіе о замѣчаемомъ также у Протопопова началѣ душевнаго разстройства, Добровольскій пропустилъ мимо ушей. Домой идти мнѣ было по пути съ Шульгинымъ, который остановился въ меблированныхъ комнатахъ на Литейномъ проспектѣ. Мы шли пѣшкомъ, улицы были какъ то особенно пусты. Тишина нарушалась стукомъ копытъ о мостовую отъ проѣзжавшихъ изрѣдка отрядовъ бравыхъ конныхъ городовыхъ. Нашъ слухъ различилъ нѣсколько отдаленныхъ ружейныхъ выстрѣловъ. Мы шли молча. На Литейномъ разстались. Ни Л. Шульгина, ни Добровольскаго я въ жизни больше не встрѣчалъ. Оба погибли за Вѣру, Царя и Отечество.

Борьба за власть вышла на улицу и перешла во Всероссійскій погромъ, т. е. въ открытое насиліе надъ личностью и имуществомъ самымъ простымъ, нагло — простымъ способомъ. Началось съ погрома Государственной Думы 28 февраля 1917 года. Шло засѣданіе Государственной Думы; время близилось къ завтраку; у меня болѣлъ зубъ

и я отправился въ думскій лазаретъ за лекарствомъ; окна лазарета выходили въ садикъ, со стороны главнаго подъѣзда; чрезъ открытыя, какъ всегда, ворота желѣзной рѣшетки, отдѣляющей зданіе думы отъ Шпалерной улицы, въѣхали два украшенныхъ красными флагами грузовыхъ автомобиля, на которыхъ находилось человѣкъ двадцать вооруженныхъ людей, по внѣшнему виду и одеждѣ, напоминающихъ рабочихъ. Остановивъ автомобили у думскаго подъѣзда, люди эти бросились на дежурившаго у входа часового и разоружили его; изъ боковаго флигеля думы выскочилъ офицеръ, начальникъ караула, съ остальными солдатами, но прежде чѣмъ растерявшійся офицеръ успѣлъ что либо предпринять, онъ былъ дважды раненъ и упалъ на землю; немногочисленный караулъ сопротивленія не оказалъ и вооруженные люди проникли въ зданіе думы. Раненый офицеръ былъ внесенъ въ думскій лазаретъ; онъ оказался прапорщикомъ запаса, служилъ до призыва чиновникомъ въ Государственномъ банкѣ, по политическимъ убѣжденіямъ былъ кадетъ. Вернуться изъ лазарета въ Екатериненскій залъ думы было уже довольно трудно, ибо толпа постороннихъ людей все прибывала; частное совѣщаніе, распущенной на время Высочайшимъ Указомъ думы, было прекращено; члены думы смѣшались съ толпою. Протискавшись въ столовую, я хотѣлъ что нибудь наскоро съѣсть; оказалось, что все съѣдобное уже разграблено толпою; въ вестибюлѣ и въ корридорахъ какіе то люди складывали

подвезенныя на грузовикахъ мѣшки съ хлѣбомъ, мукою, мясомъ и прочими съѣстными припасами; среди толпы виднѣлись форменныя студенческія фуражки и много фуражекъ цвѣта хаки. Ничего не оставалось больше дѣлать, какъ уходить. Въ передней чрезвычайно трудно было розыскать пальто и шляпу. Думскій видный, толстый, всегда почтительный швейцаръ Пузовъ успѣлъ уже смѣнить свою ливрею на сѣренькій пиджачекъ и не замѣтилъ моихъ трудовъ по розыску пальто. Толпа такъ густо наполнила садикъ предъ думскимъ подъѣздомъ, что я съ величайшимъ трудомъ могъ протискаться къ выходнымъ воротамъ на Шпалерную. Многіе выражали открыто свой восторгъ путемъ взаимнаго цѣлованія. Красный бантъ — символъ грядущаго, неслыханнаго доселѣ въ исторіи, кровопролитія — украшалъ большинство грудей.

Мнѣ кажется, что еслибы ворота въ желѣзной рѣшеткѣ, окружающей Государственную Думу, были заперты и вмѣсто караула, состоящаго изъ десяти запасныхъ солдатъ подъ начальствомъ прапорщика запаса, Государственную Думу охранялъ бы десятокъ бравыхъ конныхъ городовыхъ, то всѣ эти первые піонеры открытаго бунта легко были бы арестованы и событія могли бы принять нѣсколько иной оборотъ. Объ этомъ своевременно никто не подумалъ. Упрекнуть въ этомъ слѣдуетъ завѣдывавшаго охраною Таврическаго Дворца генерала барона Остенъ-Сакена и его помощника. Однако можетъ быть усиленіе охраны

Таврическаго Дворца слѣдовало бы предвидѣть, ибо отъ Государственной Думы исходило подстрекательство къ началу революціи: «Кто сѣетъ вѣтеръ — пожинаетъ бурю».

Придя домой, я почувствовалъ такой сильный приливъ отчаянія, что легъ на диванъ, взялъ въ руки мое прекрасное, привезенное изъ Англіи охотничье ружье „Holland-Holland", и хотѣлъ застрѣлиться. Вошедшая не во время кухарка, отняла у меня ружье, заявивъ, что будутъ приходить съ обыскомъ и что ружье надо спрятать у дворника. Больше ружья моего я не видѣлъ. Однако лежать не было никакой возможности отъ непрестанно доносящихся съ улицы звуковъ Марсельезы, а также отъ перемежающагося пулеметнаго и ружейнаго огня.

Пришелъ мой другъ, членъ думы, баронъ Дмитрій Николаевичъ Корфъ, только что пріѣхавшій съ фронта, гдѣ онъ состоялъ военнымъ летчикомъ. Сидѣть дома было невыносимо. Вышли на улицу и сразу попали подъ пулеметный обстрѣлъ, производимый откуда то съ крыши. Путемъ искусной перебѣжки, добрались до Захарьевской улицы и скрылись въ квартирѣ члена думы радушнаго Гавріила Андреевича Вишневскаго, націоналиста, исполнявшаго во фракціи должность «кнута», т. е. наблюдавшаго чтобы во время голосованія всѣ члены нашей фракціи были бы въ залѣ засѣданія. Тутъ мы расположились на полу, въ безопасности отъ обстрѣла съ крышъ или съ улицы. Въ окно мы наблюдали разнаго рода де-

путаціи, направлявшіяся въ думу, гдѣ ихъ принималъ то Родзянко, то Чхеидзе, то Керенскій. Между прочими депутаціями прошла депутація моряковъ гвардейскаго экипажа, имѣвшая впереди высокаго, довольно полнаго, красиваго морского офицера, брюнета, фигурою и видомъ своимъ напоминавшаго Великаго Князя Кирилла Владиміровича; всѣ были разукрашены красными бантами. Со стороны угла Литейнаго проспекта и Набережной поднималось густое черное облако дыма—это горѣло зданіе Петроградскаго Окружнаго Суда, со своею историческою надписью—«правда и милость да царствуютъ въ судахъ». Вернувшись домой, засталъ свою квартиру разгромленною. Столы были взломаны штыкомъ, что легко было опредѣлить по слѣдамъ на деревѣ. Цѣнныя вещи были унесены, равнымъ образомъ бумаги и документы. На полу валялись игральныя карты нѣмецкаго происхожденія, остальная коллекція игральныхъ картъ, привезенныхъ мною изъ заграничной поѣздки, была похищена. Это должно быть было выраженіе своего рода національной честности грабителей или наглядное выраженіе любви къ союзникамъ и ненависти къ врагу. Я не понялъ. Вечеромъ я отправился въ думу, которая по прежнему оказалась переполненною посторонними людьми, хозяйничавшими въ ней, какъ дома. Было также много лицъ женскаго пола. Достойно было удивленія, какъ въ такой короткій срокъ можно было изгадить и загрязнить все помѣщеніе наряднаго, чистаго Таврическаго Дворца.

Въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ нашелъ члена думы октябриста В. А. Энгельгардта, одѣтаго въ военную форму подполковника. Онъ былъ окруженъ солдатами и разными штатскими людьми, суетился, отдавалъ приказанія и производилъ впечатлѣніе человѣка, занятаго очень важнымъ дѣломъ. Увидавъ меня, онъ повидимому обрадовался и на мой удивленный взглядъ объяснилъ, что онъ «назначенъ» комендантомъ Таврическаго Дворца; затѣмъ самымъ развязнымъ и естественнымъ образомъ, указывая на столпившихся вокругъ него Преображенскихъ солдатъ, добавилъ: «видите, Алексѣй Александровичъ, они привели своихъ офицеровъ, которымъ не довѣряютъ, просятъ ихъ разоружить; офицеры стоятъ на дворѣ подъ охраною, я очень занятъ, сходите, голубчикъ, съ солдатами и разоружите офицеровъ». Я машинально повиновался и пошелъ за солдатами, но при первой же возможности, конечно, юркнулъ въ толпу и бросился домой. Тяжело было на душѣ, такъ тяжело, что казалось тяжелѣе быть не можетъ, казалось, что это предѣльная черта, за которой можетъ быть только одно — спасительное небытіе.

Послѣ тревожной, безсонной ночи, забывшись только подъ утро, былъ разбуженъ сильнѣйшимъ звонкомъ, звонившимъ одновременно, какъ изъ кухни, такъ и съ параднаго входа.

Кухарки не было дома, ушла на базаръ. Отворивъ дверь съ чернаго хода, былъ немедленно

окруженъ четырьмя, вооруженными винтовками, солдатами; съ параднаго входа вошло еще двое солдатъ и одинъ юркаго вида штатскій. Приказавъ мнѣ стоять въ моемъ дезабилье недвижимо среди комнаты и приставивъ ко мнѣ караульнаго съ направленнымъ на меня штыкомъ отъ винтовки, непрошенные посѣтители приступили къ обыску. Странно, что ни малѣйшаго чувства страха я не ощущалъ, а давило какое то особенное чувство глубокой горечи, обиды, болѣла душа — вѣдь это были тѣ же солдаты, которые на полѣ брани такъ просто проявляли чудеса храбрости, такъ геройски переносили страданія, такъ по христіански умирали. А тутъ — что съ ними сдѣлалось, вѣдь это грабители, бандиты. Одинъ изъ нихъ, увидя на ночномъ столикѣ мои карманные часы, ловкимъ движеніемъ руки, согнувъ ладонь ложкою, какъ обычно ловятъ мухъ, смахнулъ часы въ карманъ своей шинели. Впервые въ моей жизни я испыталъ на себѣ ощущеніе открытаго грабежа, съ насиліемъ, и хотя физическаго, въ прямомъ смыслѣ слова, насилія не было, но насиліе надъ волею врядъ ли уступаетъ дѣйствію физическаго насилія; во всякомъ случаѣ, по ощущенію, испытанному мною, я могъ его приравнять къ глубокому оскорбленію и издѣвательству надъ личностью. Увидѣвъ, что квартира была уже разграблена и все цѣнное унесено, посѣтители очень огорчились. Одинъ изъ нихъ, обнаруживъ въ шкапу мою походную шинель, съ золотыми придворными орлами на погонахъ, торжественно за-

явилъ: «товарищи, да вѣдь это адмиралъ, его надо арестовать или сейчасъ разстрѣлять».

Мнѣ такъ хотѣлось, чтобы это несносное положеніе такъ или иначе скорѣе кончилось, чтобы меня или проткнули штыками или отпустили на свободу, что я съ нескрываемымъ раздраженіемъ въ голосѣ закричалъ, «какъ вамъ не стыдно, не умѣть отличить формы Краснаго Креста отъ морской формы, а еще обыскъ дѣлаете». Подошедшій на пререканія штатскій, сказалъ: «во первыхъ не кричите, а во вторыхъ вы правы». Солдаты повиновались. Уходя, они нашли и унесли спрятанную предусмотрительно кухаркою подъ буфетомъ бутылку драгоцѣннаго Наполеоновскаго коньяка, привезеннаго изъ Парижа. Это обстоятельство меня очень огорчило. Не въ коня кормъ; коньякъ мнѣ такъ пригодился бы при создавшемся невыносимомъ положеніи. Поспоривъ между собою на прощанье о томъ, не слѣдуетъ ли меня все таки за что то арестовать и отвести въ думу, и захвативъ обнаруженную коробку съ папиросами, «товарищи» ушли продолжать свои подвиги къ жильцамъ, обитающимъ надо мною.

Какъ ни скверно было на душѣ, но по привычкѣ все таки пошелъ въ думу. Народъ въ ней что называется кишмя кишѣлъ. Въ первой отъ входа залѣ депутатъ Чхеидзе, засучивая по обыкновенію рукава, держалъ рѣчь къ депутаціи гимназистовъ; гимназисты съ открытымъ ртомъ, глазъ съ него не спускали, прерывая рѣчь громкими апплодисментами. Чхеидзе сіялъ отъ восторга.

Въ 1926 году, въ одной изъ больницъ Парижа, бѣженецъ Чхеидзе, бывшій депутатъ, покончилъ жизнь самоубійствомъ, перерѣзавъ себѣ бритвою горло.

Въ Екатериненскій залъ и въ залъ засѣданія протиснуться я не могъ, говорили, что тамъ засѣдаетъ какой то совѣтъ рабочихъ депутатовъ. Для членовъ думы предоставлена была только одна комната — кабинетъ предсѣдателя думы, но и тамъ были посторонніе люди. Находящіеся немногочисленные члены думы выглядѣли какъ то странно, грязно и неряшливо одѣтыми; не бритые, нѣкоторые безъ воротничковъ, а бравый князь Шаховской пришелъ въ синей поддевкѣ и такихъ же шароварахъ, воткнутыхъ въ высокіе сапоги — настоящій Тарасъ Бульба, въ молодости. Родзянко и президіумъ думы отсутствовалъ, былъ только секретарь думы октябристъ Дмитрюковъ*). Рѣшили, что необходимо объѣздить казармы для ознакомленія солдатъ съ создавшимся положеніемъ.

Членъ думы Иванъ Федоровичъ Половцовъ согласился ѣхать въ казармы Финляндскаго полка, князь Шаховской въ другія, приглашали меня. Такъ какъ я положительно не зналъ, что слѣдуетъ говорить солдатамъ и вообще къ произнесенію митинговыхъ рѣчей чувствовалъ врожденную нелюбовь, то отъ посѣщенія казармъ уклонился. Выпивъ вмѣсто чая какой то темной бурды, добы-

*) Позже Дмитрюковъ застрѣлился.

той не безъ труда отъ какихъ то женщинъ, устроившихъ нѣчто вродѣ буфета, я остался сидѣть въ креслѣ, наблюдая, какъ время отъ времени солдаты приводили арестованныхъ министровъ и прочихъ сановниковъ;—въ числѣ арестованныхъ были графъ Коковцовъ и финляндскій Генералъ-Губернаторъ Зейнъ. Зрѣлище было отвратительное. Изъ членовъ думы образовался какой то комитетъ, который пробовалъ проявить себя компетентнымъ въ освобожденіи или дальнѣйшемъ арестѣ сановниковъ, но это продолжалось не долго и погрома правительства не остановило.

Въ залѣ думскихъ засѣданій дѣйствовалъ какой то другой комитетъ — рабочихъ депутатовъ, мѣнявшій свое названіе въ комитетъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, потомъ въ комитетъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Опредѣленно чувствовалось, что Государственная Дума, въ занятіяхъ коей 28 февраля состоялся перерывъ, согласно Высочайшему Указу, фактически перестала существовать и что члены думы въ отдѣльности уже никакого значенія не имѣютъ, однако Родзянко просилъ вечеромъ собраться въ думѣ на частное совѣщаніе, такъ какъ будетъ кое кто изъ новыхъ министровъ. Вечеромъ собралось въ кабинетѣ Родзянки нѣсколько десятковъ членовъ думы. Ожиданіе продолжалось не долго; быстрыми шагами, сильно стуча каблуками и толстою палкою по паркету, появился Керенскій. Родзянко предложилъ членамъ думы встать и привѣтствовать новаго министра юстиціи; раздались

жидкіе апплодисменты; въ дверяхъ показалась фигура Милюкова — новаго министра иностраныхъ дѣлъ. Керенскій началъ что то по обыкновенію истерично выкрикивать о революціи, ея завоеваніяхъ. Мои нервы не выдержали и я ушелъ, глубоко понимая и чувствуя, что разъ постъ министра юстиціи занялъ душевно больной Керенскій, а постъ министра иностранныхъ дѣлъ — безтактный Милюковъ, то Великая Россія, какъ таковая, перестала существовать.

При дальнѣйшемъ посѣщеніи думы стало замѣтно, что Родзянко никакъ не можетъ возглавить революцію. Хотя онъ и продолжалъ принимать по прежнему различныя, украшенныя красными бантами, депутаціи, но проявлялъ меньше апломба и восторга, въ рѣчахъ же сталъ сдержаннѣе и кратче. Вмѣсто обычныхъ письменныхъ приглашеній на частное совѣщаніе, онъ словесно просилъ собраться въ библіотекѣ Государственной Думы, расположенной въ одномъ изъ дальнихъ помѣщеній думы, во флигелѣ, и еще не захваченной посторонними людьми. Это совѣщаніе имѣло уже полутайный характеръ, а члены думы имѣли видъ заговорщиковъ, двери охранялись. Картина очень напоминала заговорщиковъ изъ оперы «Гугеноты». Такъ и казалось, что Родзянко откроетъ совѣщаніе, возгласивъ своимъ басомъ обычное: «у Карла есть враги» и затѣмъ: «могу ль надѣяться на васъ и грозный мечъ направить вашъ?»

Увы, обычные краснорѣчивые думскіе ораторы

какъ то сразу утратили «даръ краснорѣчія» и стали говорить кратко. Выяснилось, что власть, та власть, за захватъ которой боролась дума,—читай прогрессивный блокъ,—постепенно думою утрачивается и переходитъ къ захватившему зданіе думы совѣту рабочихъ депутатовъ, при чемъ въ совѣтѣ приняли участіе и нѣкоторые очень лѣвые видные члены думы, какъ напримѣръ Чхеидзе и что ни только Керенскій находится въ зависимости отъ этого совѣта, но и весь Совѣтъ Министровъ, во главѣ съ княземъ Львовымъ. Надо было что нибудь предпринять, но что—объ этомъ никто не высказывался опредѣленно. Тогда прогрессистъ Карауловъ*), Кубанскій казакъ, всталъ и сказалъ: «совѣтъ рабочихъ депутатовъ надо арестовать; если «господа» Государственная Дума дастъ мнѣ соотвѣтствующій мандатъ, то я со своими казаками это порученіе исполню». Такое практическое, жизненное и трезвое рѣшеніе вопроса ввергло совѣщаніе въ недоумѣніе.

Начался краткій обмѣнъ мнѣній, сопровождавшійся боязливымъ поглядываніемъ на двери. Никто не сказалъ ни да, ни нѣтъ, а количество участниковъ совѣщанія стало понемногу уменьшаться. Хотя это было частное совѣщаніе, но находили, что требуется все таки нѣкоторый кворумъ. Кворума конечно не могло быть. Больше частныхъ совѣщаній членовъ Государственной Думы не было.

Посѣщать въ тѣ дни Таврическій дворецъ бы-

*) Позже Карауловъ былъ убитъ.

ло по истинѣ геройскимъ и тяжелымъ подвигомъ. Толпа постороннихъ, неопрятныхъ, грубо толкающихся людей производила гнетущее впечатлѣніе. Созерцаніе поголовнаго затемнѣнія разсудка было нравственно мучительно. При всемъ добросовѣстномъ желаніи понять все происходящее, искренне присоединиться къ нему и видѣть лучшее будущее — это было непосильною задачею. Членъ думы Г. А. Вишневскій сообщилъ мнѣ, безъ комментаріевъ, что теперь Россія будетъ республикою. Въ подробности онъ не вдавался, но, увидѣвъ сіяющую фигуру В. В. Шульгина, окруженнаго жадною толпою слушателей и услыхавъ отрывки изъ его разсказа о поѣздкѣ къ Царю и о Царскомъ отреченіи, я понялъ, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ существомъ своимъ понялъ, что теперь уже окончательно «свершилось» то ужасное, то непоправимое, то неслыханное въ исторіи преступленіе, которое называется измѣною своему законному монарху и своей родинѣ во время войны и что главнымъ подстрекателемъ и виновникомъ въ этомъ преступленіи является четвертая Государственная Дума — четвертая Преступнѣйшая Государственная Дума. Что было дѣлать? Величайшее историческое несчастье, именуемое революціей, свершилось. Россія, какъ Великая Держава, погибла. Величайшій Всероссійскій погромъ открылъ свое побѣдоносное кровавое шествіе. Машинально вышелъ я изъ Думы и побрелъ по Набережной Невы, куда глаза глядятъ. Около Николаевскаго моста чуть не попалъ подъ безшумный, роскошный

автомобиль, украшенный знаками, присвоенными членамъ Императорской фамиліи. Заглянувъ въ него, увидѣлъ небрежно развалившуюся фигуру Керенскаго. Мною овладѣло такое сильное чувство отвращенія, такое безумное желаніе бѣжать, бѣжать безъ оглядки, бѣжать подальше отъ этого повальнаго съумасшествія и кошмара, что бы ничего не видѣть, ничего не слышать, — что я бросился домой, наскоро уложилъ кое-какія оставшіяся вещи въ чемоданъ и съ первымъ отходящимъ поѣздомъ уѣхалъ въ глубь Финляндіи, въ случайно пришедшую въ память глухую деревушку Пункахарью.

«Бѣжать! но куда?
Безъ цѣли, на время, —
Не стоитъ труда,
А вѣчно бѣжать — невозможно».

Великое русское спасибо всѣмъ государствамъ, дающимъ пріютъ русскому бѣженцу.

Парижъ.
Ноябрь 1926—Январь 1927 г.

Берлинъ.
Февраль—Май 1927 г.

2007340313